

Научный совет РАН по исторической демографии
и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов

*Выпуск 3
Часть 1*

Сыктывкар, 2005

УДК 947 (470.13)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ.

Сборник научных трудов. Москва–Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 1. 192 с.

В третьем выпуске серии сборников трудов, посвященных этническим и этнодемографическим процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Севере Евразии, публикуются материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии, состоявшейся в Сыктывкаре 28–30 сентября 2005 г. В первую часть выпуска вошли, в основном, тексты докладов, посвященных проблемам методологии, методики, историографии и источниковедения этнодемографических исследований, а также публикация сказок первой ревизии по Ижемской и Усть-Цилемской слободам. К 80-летию со дня рождения видного коми этнографа Л.Н.Жеребцова (1925–1990) публикуется серия его работ, посвященных различным аспектам этнического и этнодемографического развития коми народа.

Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Редакционная коллегия

Ю.А.Поляков (главный редактор, Москва), И.Л.Жеребцов (зам. главного редактора, Сыктывкар), В.Б.Жиромская (зам. главного редактора, Москва), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), Я.Е.Водарский (Москва), А.В.Головнев (Екатеринбург), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), К.И.Куликов (Ижевск), В.Н.Петров (Краснодар), А.С.Сенявский (Москва), В.А.Семенов (Сыктывкар), В.В.Фаузер (Сыктывкар).

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор О.В.Золотарев
доктор исторических наук, профессор В.И.Чупров

Редколлегия выражает искреннюю признательность директору ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН А.Ф.Сметанину за помощь в выпуске сборника.

ISBN 5-89606-245-1

- © Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2005
- © Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН, 2005
- © Авторский коллектив, 2005
- © И.Л.Жеребцов, сост., 2005

От редколлегии

28–30 сентября 2005 г. в Сыктывкаре прошла Всероссийская научная конференция по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)». Подобные научные форумы не проводились в России с 1992 г. Всесоюзные научные конференции, посвященные проблемам этнической и исторической демографии, традиционно являлись важнейшими в стране научно-организационными мероприятиями, на которых ведущие ученые страны обсуждали проблемы этнодемографического развития страны, ее отдельных народов и регионов в различные исторические периоды. Координатором организации таких конференций выступали Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии и Институт истории СССР АН СССР (Москва). Проводились они один раз в три-четыре года в Москве или в крупных региональных центрах, где развитие историко-демографических и этнодемографических исследований достигло высокого уровня. VI Всесоюзная конференция состоялась в 1988 г. в Таллине, а последняя, VII – в 1992 г. в Екатеринбурге, уже после распада СССР. С того времени до сих пор не удавалось возобновить традицию регулярного проведения таких научных форумов и организовать Всероссийскую конференцию по исторической демографии.

К настоящему времени Республика Коми стала одним из признанных в России и финно-угорских странах центров, где при поддержке руководства республики активно и целенаправленно развиваются исследования по этнической и исторической демографии, имеет достаточный опыт проведения подобных научных мероприятий. В Сыктывкаре силами Министерства по делам национальностей и Министерства культуры и национальной политики Республики Коми, Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкарского государственного университета не раз проводились республиканские и региональные конференции, на которых обсуждались проблемы историко-демографического и этнодемографического развития. Но Всероссийская конференция именно по этой проблематике здесь не проводилась ни разу.

Только в нынешнем году представилось возможным организовать в Сыктывкаре первую в новой России Всероссийскую научную

конференцию по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)». Взяться за организацию предложили сыктывкарцам еще некоторое время назад их коллеги из Института истории и археологии УрО РАН и, в частности, академик В.В.Алексеев и д.и.н., проф. Г.Е.Корнилов, отметившие успешное развитие историко-демографических исследований в Коми. То, что столь крупный и авторитетный всероссийский научный форум по исторической демографии собирался именно в Коми – признание того, что Сыктывкар стал одним из ведущих центров историко-демографических исследований в России, что коми ученые приобрели общероссийскую известность и авторитет.

Идею проведения в Сыктывкаре этой престижной конференции поддержали Научный совет Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии, его председатель академик Ю.А.Поляков, директор Института российской истории РАН чл.-корр. РАН А.Н.Сахаров, директор Института истории и археологии УрО РАН академик В.В.Алексеев, ведущие специалисты страны в области исторической демографии, Министерство культуры и национальной политики Республики Коми.

В состав руководящих органов конференции входили ведущие ученые Сыктывкара, Москвы и Екатеринбурга, представители Государственного Совета Республики Коми, республиканского Министерства культуры и национальной политики, ряда городов и районов. Организационный комитет возглавлял директор Института языка, литературы и истории, зам. председателя Президиума Коми НЦ УрО РАН А.Ф.Сметанин, рабочий оргкомитет – заместитель директора по научным вопросам ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л.Жеребцов.

Принять участие в конференции изъявили желание не только историки, но и экономисты-демографы, археологи, этнографы, языковеды, фольклористы. На конференцию поступило более 100 заявок из различных регионов России и из-за рубежа (Финляндии, Казахстана, Украины, Молдавии, Кыргызстана, Узбекистана). Смогли приехать в Сыктывкар и выступить с докладами 25 ученых – из Астаны (Казахстан), Владивостока, Омска, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Краснодара, Ульяновска, Муромы, Тулы, Архангельска, Петрозаводска, Каргополя, Ижевска. Более 30 докладов сделали участники из Республики Коми: Сыктывкара, Ухты, Ижмы, Вильгорта. Помимо устных выступлений, на конференции были представлены около 60 стендовых докладов из Одессы, Челябинска, Ханты-Мансийска, Чебоксар, Перми, Твери, Кирова, Инты, Ижевска, Архангельска, Екатеринбурга, Москвы и

других городов. В числе докладчиков были не только ученые, но и главы ряда муниципальных образований Республики Коми, специалисты-практики. То, что в Сыктывкаре собрались ученые со всей России, несомненно, свидетельствует, что ученые «изголодались» по обсуждению вопросов исторической демографии, накопили много нового интереснейшего материала, представляющего большую ценность для отечественной и мировой науки. Состоявшийся обмен мнениями стал важным этапом в развитии историко-демографических исследований в России. Работа конференции проходила по двум секциям: «Историко-демографическое развитие в XI – начале XX вв. и методология его изучения» и «Этнодемографические процессы в XX в. и современная демографическая ситуация».

К открытию конференции были изданы обстоятельная монография д.и.н. И.Л.Жеребцова и к.э.н. Е.Н.Рожкина «Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века)», подводящая определенный итог развитию историко-демографических исследований в Коми за последние годы, статистический сборник «Этнодемографические процессы на Севере Евразии» с материалами Всероссийской переписи 2002 г., три специальных сборника научных трудов; отдельными брошюрами изданы семь пленарных докладов. В настоящий сборник включены доклады, не вошедшие в ранее выпущенные сборники. Каждый участник конференции получил полный комплект изданий.

Принято решение проводить Всероссийские конференции каждые два-три года, причем следующая пройдет в 2007 г. в Сыктывкаре, убедительно продемонстрировавшем способности организации историко-демографических форумов на очень высоком научном и организационном уровне, что отмечали многие участники конференции.

Совместными усилиями ведущих специалистов Москвы и Сыктывкара по исторической демографии будет регулярно издаваться межрегиональный научный сборник, на базе которого в перспективе предполагается создать всероссийский научный журнал «Историческая демография». На конференции образована межрегиональная редколлегия сборника, которую возглавил председатель Научного совета Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии академик Ю.А.Поляков (Москва); заместителями редактора стали д.и.н. И.Л.Жеребцов (Сыктывкар) и д.и.н. В.Б.Жиромская (Москва), ответственным секретарем – руководитель департамента национальной политики Республики Коми к.э.н. Е.Н.Рожкин (Сыктывкар). В состав редколлегии вошли видные

ученые из Екатеринбурга, Москвы, Ижевска, Владивостока, Краснодар и Сыктывкара.

Учитывая активное развитие историко-демографических исследований в Республике Коми, участники конференции высказались за открытие в Сыктывкаре филиала Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии. Для укрепления научных контактов между исследователями поставлен вопрос об учреждении Ассоциации исследователей, занимающихся проблемами исторической демографии, принято решение обсудить его в регионах. Для обсуждения насущных проблем и дальнейших перспектив историко-демографических исследований в России, выработки примерной тематики конференции решено провести в мае-июне 2006 г. в Сыктывкаре специальный симпозиум или рабочее совещание.

А.Ф.Сметанин,

заместитель председателя Президиума Коми научного центра УрО РАН, директор Института языка, литературы и истории

**Приветственное слово участникам Всероссийской
конференции по исторической демографии
«Этнодемографические процессы на Севере Евразии»**

Уважаемые участники и гости конференции!

Поздравляю вас с началом работы уникальной для Республики Коми научной конференции.

Уникальность ее состоит в том, что научная конференция именно по исторической и этнической демографии и всероссийского масштаба проводится в нашей республике впервые.

Идею проведения в Сыктывкаре этого научного форума поддержали Научный совет Российской академии наук по исторической демографии и исторической географии, Институт российской истории РАН, Институт истории и археологии УрО РАН.

Этническая демография – сравнительно молодая научная отрасль. Первые серьезные исследования этнодемографического характера появились лишь в начале XX столетия. В последние десятилетия наиболее крупные исследования в этом направлении проводились в России. И как любая новая отрасль исследований, она опирается и развивается на основе других научных отраслей.

Подтверждение этому – настоящая конференция. Сегодня здесь собрались не только историки, но и экономисты-демографы, археологи, этнографы, языковеды и фольклористы.

Особенно приятен тот факт, что Сыктывкар стал центром притяжения ведущих научных деятелей не только всей России, но и зарубежных стран.

Одной из главных задач этнодемографии как науки является определение динамики этнического состава населения отдельных стран, регионов и всего мира в целом. Зная основные тенденции и закономерности динамики этнического состава населения, этнодемографы могут делать прогнозы изменения этноструктуры населения в будущем.

Эти факты особенно важны для нашей республики. По итогам Всероссийской переписи 2002 г. в Республике Коми насчитывается около 130 национальностей, и это число постоянно меняется.

Одной из характерных особенностей современного этапа развития нашего общества является осознание высокой ценности этнокультурного наследия народов России. Обращение к народным традициям в научно-исследовательской, научно-практической, образовательной и культурно-просветительской сферах является основой

жизнеспособности общества, служит воспитанию подрастающего поколения, формированию современной личности, имеет важнейшее значение в решении насущных исторических, политических и этнологических задач.

К настоящему времени Республика Коми стала одним из признанных в России и финно-угорских странах центром, где при поддержке руководства республики активно и целенаправленно развиваются исследования по этнической и исторической демографии. Немалая заслуга в этом Института языка, литературы и истории Коми научного центра. За девять месяцев 2005 г. Институтом совместно с Правительством Республики Коми проведено три крупных мероприятия: республиканская научная конференция «Европейский Север в стратегии II мировой войны», посвященная 60-летию Победы; I Северный социально-экологический конгресс «Культурная палитра северных территорий России» и данная конференция. Институт обеспечил участие делегации Республики Коми в X Международном конгрессе финно-угроведов.

При поддержке Министерства культуры и национальной политики Республики Коми регулярно выпускаются научные издания. Только к открытию данной конференции изданы три специальных сборника научных трудов.

Искренне приветствую вас и желаю успехов и плодотворной работы конференции!

Глава Республики Коми В.А.Торлопов

***Приветствие участникам Всероссийской
конференции по исторической демографии***

Уважаемые участники конференции!

Государственный Совет Республики Коми поздравляет вас с началом работы чрезвычайно важного и актуального Всероссийского научного форума, имеющего не только большую научную, но и бесспорную общественную значимость.

В период, который мы с вами переживаем, вопросы, связанные с демографическими и этническими процессами, протекающими в нашей стране, вызывают обостренный интерес. Не секрет, что порой именно различные аспекты истории этнодемографического развития кладутся в основу поисков решения тех или иных существующих проблем. И в этом плане чрезвычайно важны строгие и взвешенные научные оценки специалистов, много сил отдавших их изучению.

Ваш исследовательский опыт, ваши знания чрезвычайно актуальны и значимы, востребованы не только научным миром, но и государственной властью, обществом в целом. Мы в нашей многонациональной Республике Коми, с ее многовековым опытом совместного (и, особо это подчеркнем, бесконфликтного) проживания разных народов, особенно хорошо понимаем важность вашей работы.

Несомненно, еще лучше это понимаете вы сами. То, что сегодня здесь сидят рядом ученые со всей России – от Владивостока и Омска до Санкт-Петербурга и Петрозаводска, от Краснодара до Архангельска, из Москвы, Екатеринбурга и других городов России, из Казахстана и Кыргызстана, несомненно, свидетельствует, что ученые «изголодались» по обсуждению вопросов исторической демографии, накопили много нового интереснейшего материала, представляющего большую ценность для отечественной и мировой науки.

Без сомнения, предстоящий обмен мнениями станет важным этапом в развитии историко-демографических исследований в России. Надеемся, что исследователи многих регионов страны найдут общий язык и совместными усилиями выработают новые подходы и методы изучения самых принципиальных вопросов.

Мы высоко ценим то, что столь крупный и авторитетный всероссийский научный форум по исторической демографии, организованный впервые за последние полтора десятилетия, собирается именно в нашей республике. Это – признание высокого уровня развития исторической демографии в Коми, свидетельство того, что

Сыктывкар стал одним из ведущих центров историко-демографических исследований в России, что наши специалисты-ученые приобрели общероссийскую известность и авторитет. Отметим, что Государственный Совет Республики Коми всегда поддерживал прочные контакты с ведущими учеными республики и впредь намерен привлекать их обширные знания для выработки путей дальнейшего развития региона.

Желаем участникам конференции плодотворной работы!

Государственный Совет Республики Коми

**Проблемы методологии, методики,
историографии и источниковедения
демографических исследований**

С.А. Прокопенко*

**Современные подходы в изучении демографических
моделей «малой Европы» раннего нового времени**

Под демографическими моделями обычно понимаются системы воспроизводства населения [1]. Существует значительное разнообразие подходов в типологии моделей. Наибольшее значение для историков имеют так называемые содержательные модели, которые представляют собой результат классификации, основанной на анализе генезиса эндогенных и экзогенных переменных тех или иных систем [2].

В самом общем виде демографические макромоделю можно соотносить с историческими типами воспроизводства, отражающими общность наиболее важных черт демографии в определенные исторические эпохи. Так, можно говорить о демографической модели традиционного общества, индустриального и т.д., моделях демографических переходов. С учетом соизмеримости параметров макромоделей разных типов воспроизводства, к числу эндогенных переменных можно отнести нормы смертности, рождаемости и браков.

Нужно учесть, что названные переменные являются сложносоставными понятиями. Например, смертность подразделяется на обычную и катастрофическую. В свою очередь, картина по разным возрастным и половым когортам может серьезно варьироваться. Кроме того, сходные количественные величины могут быть результатом разного демографического поведения. Методологически труднее решить вопрос с таким параметром как численность населения. Хотя вектор динамики весьма значим, но все-таки этот показатель является

*Прокопенко Сергей Алексеевич (Ульяновск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ульяновского государственного педагогического университета.

интегративным, т.е. результатом действия нескольких показателей. Из экзогенных факторов, связанных прежде всего с социально-экономическими параметрами, наибольший интерес представляет норма «реального заработка» (дохода) [3]. Для динамичных моделей также важен учет влияния миграций.

В настоящее время считается, что с XIII в. восточная и западная части Европы пошли разными путями. В Восточной Европе сформировалась своеобразная модель с малой плотностью населения, с ранним браком (около 20 лет для женщин), незначительным целибатом, а также с высокой детской обычной смертностью и общей катастрофической. При этом можно говорить об относительной защищенности населения региона от чумы, но о его предрасположенности к тифу. Большой удельный вес рекреативных когорт и большее количество земли, находившейся в распоряжении молодых семей, обеспечили здесь более высокие темпы роста населения (например, в XVIII в. оно выросло на 90% в Восточной Европе и на 70% – в Западной) [4].

Применительно к так называемой «малой» Европе (Западная и Центральная) основные параметры демографического воспроизводства традиционного типа выглядят так: сравнительно высокая обычная смертность (около 40 промилле) с периодическими случаями катастрофической смертности (как правило, 100–200 промилле); высокая рождаемость (для женщин, вступивших в брак в возрасте 20–24 лет при ожидаемой продолжительности жизни в 50 лет в среднем 7,6 живых новорожденных и 6,3 ребенка для вышедших замуж в 25–29 лет); поздний возраст вступления в брак (25–28 лет для мужчин и 20–25 лет для женщин, причем в XVI в. показатели были ниже, чем в XVII в.), а также значительный удельный вес взрослого населения, не состоящего в браке (от 5 до 15% женщин никогда не выходили замуж [5]). Демографическая саморегуляция в этом традиционном обществе осуществлялась двояко. В случае снижения смертности, рождаемость тормозилась путем повышения возраста вступления в брак и/или часто за счет увеличения доли безбрачного населения рекреативного возраста. Если происходил рост смертности, потери восстанавливались в результате стимулирования рождаемости, благодаря снижению возраста брачности и сокращению целибата.

По мере накопления конкретной информации возникла потребность внесения региональных поправок в эти параметры. Применительно к «малой Европе» доиндустриальной эпохи первым попробовал решить проблему выделения моделей еще в 1960-х гг. английский историк Дж.Хэйнэл (J.Hajnal) [6]. К тому времени он был уже признанным авторитетом в области изучения английской брачности.

Поэтому неудивительно, что свое внимание Дж.Хэйнэл сосредоточил на брачной типологии, а критериями различий избрал такие показатели, как возраст вступления в первый брак, система наследования земли и семейно-хозяйственная структура (количество детей, число лиц связанных родственными узами с главой хозяйства, численность «домашних» – т.е. лиц, которые содержатся на полном, в большей или меньшей степени, пансионе). Наряду с дифференциацией Восточной и Западной Европы по воображаемой линии от Санкт-Петербурга до Триеста, он выделил в рамках западноевропейского региона две модели: северо-западную и южную (средиземноморскую).

Его во многом интуитивные догадки оформились в более-менее законченную форму в 1980-х гг. По мнению английского историка, южной модели были свойственны более ранний возраст вступления женщин в первый брак и, значит, большая плодовитость, а также более высокая детская смертность с неизбежным влиянием на структуру возрастных когорт населения в целом. На «севере» поздний первый брак был еще больше выражен у мужчин, чем у женщин. Здесь также была выше пропорция вынужденного или светского celibата. Любопытно, что основное различие между северо-западной и южной Европами сохранилось в XVIII в. (время начало демографического перехода) и даже до конца XIX в. Например, возраст первого замужества в это время был около или выше 26 лет в Бельгии, Англии, Франции, Германии и Скандинавии, а в Испании и, видимо, в Италии он составлял около 23 лет [7].

Поиск объяснения такого различия шел по двум направлениям. Сам Хэйнэл склонялся к экономической версии, согласно которой ситуация доступа к земле и тип хозяйствования (производное от климата, рода почв, региональной специализации и т.д.) влияли на структуру семьи и характер распределения внутри нее обязанностей. Ученый полагал, что способ ведения семейного хозяйства (household) определял брачную стратегию, а брачность уже задавала ритм всей демографии. Другая, ныне более популярная версия так или иначе связывала формирование двух западноевропейских демографических моделей с религиозным расколом Римской католической церкви [8].

Считается, что протестантская реформа упразднила celibат клира, повысила ценность супружеского брака и нормализовала сексуальность путем жесткого контроля. Это, в свою очередь, изменило такие демографические параметры как плодовитость, картину сезонных колебаний зачатий и проч.

Для сравнительно-исторического анализа интересны изыскания по регионам, где компактно проживали как католики, так и протестанты.

станты. Правда, большинство данных исследований из-за нехватки источников вынуждено охватывают только XVIII–XIX столетия – период, непосредственно примыкающий к демографическому переходу. Поэтому к данным материалам нужно относиться осторожно. Тем не менее, например, в Эльзасе анализ трех католических и двух протестантских поселений по методу реконструкции семей [9] выявил более поздний возраст вступления в первый брак у католиков (разница 1,5 года у мужчин и почти 2 года у женщин), а также большую пропорцию celibата (10% против 6% у протестантов). Значительно выше была у католичек и легитимная плодовитость, причем у протестанток она снижалась с возрастом много быстрее. Это заставляет думать об элементах планирования в протестантских семьях. Очень трудно оказалось оценить смертность из-за эффекта миграций. Потому в данном случае автор ограничил свою задачу детьми. Детская смертность также оказалась выше у католиков. Наряду с этим К.Маккилан выявил расхождение числа незаконнорожденных не по конфессиональному, а по профессиональному признаку. Этот показатель был выше у ткачей, чем у крестьян независимо от религиозной принадлежности. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает значимость учета социальных индикаторов при демографическом анализе.

Еще дальше пошел известный французский историк П.Шоню. Он, сопоставив результаты исследований по Испании, Франции и Англии в долгосрочной перспективе, пришел к выводу, что мы имеем дело с одним процессом, хотя и имеющим разные ритмы в рамках единой цивилизации латинского христианства. Его вывод поддержал один из лидеров испанской исторической демографии А.Розель Эйрас [10].

Последние изыскания в разных регионах показывают тенденцию к определенному усреднению оценки демографического поведения протестантов и католиков: первые не были уж такими моральными ригористами, а последние – развратниками, как о том кричали протестантские проповедники. Переломным стал Трентинский Собор, в рамках которого, в частности, высшие католические иерархи покаялись в отступлении от моральных норм первоначальной Церкви. Со второй половины XVI в. можно говорить об общей тенденции ужесточения норм сексуального поведения. Теми и другими, в частности, осуждался адюльтер, применялись штрафы и наказания для прелюбодеев, незаконнорожденные дети исключались из цехов [11]. Даже контроль за зачатием (прерванный коитус), что для раннего нового времени приписывалось только протестантам, как показали исследования, был широко распространен в католической Франции. Серьез-

ные региональные вариации внебрачной рождаемости и добрых зачатий (разница до 200%!) зафиксированы в Испании, во Франции, в моноконфессиональных протестантских и католических приходах Германии [12].

Кроме того, детальные изыскания углубили наши представления о причинах различия демографических моделей. Так, в протестантских восточно-фризских областях интервал между рождениями детей в среднем превышал в полтора раза аналогичный показатель в католических деревнях Баварии (33,6 и 22,8 месяца соответственно). Но столь разительный контраст диктовался не столько конфессиональными стереотипами поведения, сколько традиционной практикой длительного кормления младенцев грудью, а, значит, резким снижением у женщин Фрисландии возможности новой беременности в период лактации. В свою очередь, этот индикатор влиял уже на норму плодovitости, норму детской смертности (через иммунные вариации в связи с разными сроками перевода на кормление кашами) и т.д. [13].

Первоначальная классификация Хэйнала получила дальнейшее развитие и детализацию в трудах исследователей многих стран. Так, иберисты с помощью цензов XVIII в. и статистики XIX в. выделили три субрегиональные модели. Первая охватывала центрально-южный регион и юг (линия демаркации проходит от Лиссабона до Логроньо, захватывая южную часть Арагона и Каталонии). Она характеризуется доминированием нуклеарной семьи, почти универсальным и ранним браком с высокими уровнями рождаемости и смертности, а также системой так называемого неолокального проживания. Всё это создавало режим высокого давления, где роль рождаемости как регулятора системы была незначительной. Вторая субмодель включала регионы северо-востока Испании (Астурию, Страну басков, Галисию) и Португалии. Ей были свойственны очень ограниченная рождаемость, сравнительно низкая общая плодovitость и смертность, усеченная семья, возможность наследования земли по женской линии. Третья субмодель ограничивалась каталоно-арагонским севером, где преобладали усеченная семья, наследование земли по мужской линии и ранний брачный возраст для женщин [14].

Вместе с тем, прирост эмпирического материала выявил такое многообразие демографических ситуаций в рамках одной исторической эпохи и даже на ограниченных пространствах, что поставил под вопрос саму возможность типологии. В той же северо-западной Испании в XVI–XVII вв., благодаря так называемой революции маиса, наблюдалось увеличение брачности и рождаемости. Это привело к

резкому росту населения, а также к усиленной миграции из субрегиона на юг страны и в Индии [15].

Конкретные наблюдения поставили под сомнение и незыблемость, казалось бы, жестко связанных переменных. Например, не всегда ранний и всеобщий брак противостоял поздним и ограниченным бракам (были зоны брака относительно раннего и одновременно ограниченного). Многие авторы выявили обратную зависимость между числом браков и уровнем легитимной плодовитости (исключение – Англия) [16]. Исследования 1980–1990 гг. по Италии и, особенно, по Франции также опровергли связь, выявленную П.Ласлеттом, одно время возглавлявшим Кембриджскую группу по истории населения и социальной структуры, между поздним браком и нуклеарной семьей, с одной стороны, и между ранним браком и патриархальной семьей – с другой. Во Франции правилом для патриархальной семьи был поздний брак. В южной Италии и на Сицилии с преимущественно нуклеарной семьей общим был ранний брак [17].

Характерна попытка мэтров европейской исторической демографии П.Шоню и Ж.Дюпакье сформулировать черты национальной французской демографической модели для доиндустриальной эпохи. По их мнению, во-первых, это ранняя практика контроля за зачатием (прерванный коитус, что Шоню неосторожно связал с «катарским» стилем отношения к половому акту как греху). Во-вторых, большая численность населения, во много раз превышающая показатели других национальных государств Европы, и, в-третьих, чрезвычайная сопротивляемость кризисам смертности [18]. Что это, как не фактическое признание невозможности обобщить на национальном уровне особенности демографии одной из наиболее изученных стран эпохи – Франции?

Симптоматично, что в настоящее время больше говорят не о региональных моделях, а о «функциональных». Город и деревня – вот два полюса возможной классификации. Без риска ошибиться, можно утверждать, что города (крупные и средние) в большей мере демонстрировали склонность к унификации демографического режима. Так, города кальвинистской Швейцарии или протестантской части Фландрии с точки зрения демографии больше напоминают города католической Франции или Италии, нежели свои сельские округа. Но в деревнях все-таки региональные отличия проявлялись рельефней и сохраняли устойчивость. Для городской модели были характерны более высокие показатели смертности (обычной, включая детскую, и катастрофической), что объясняется скученностью населения и плохим санитарно-эпидемиологическим состоянием; большая доля

незамужнего населения (особенно у девушек и молодых женщин – от 15 до 50%); высокая плодовитость у замужних с аномально короткими интервалами между родами (следствие практики раннего отказа от кормления грудью и высокой младенческой смертности); сглаживание сезонного ритма зачатий и браков; высокая иммиграция (что примерно в четыре-шесть раз поднимало долю экзогенных браков – до 25–30%). Правда, со второй половины XVII столетия в городах начинается падение плодовитости в связи с распространением контрацепции. Эти черты проявлялись тем резче, чем крупнее был город. Наконец, последняя черта городской модели – опережающие темпы роста населения. Число жителей столиц основных государств по сравнению с 1500 г. выросло за XVI в. на 145%, за XVII столетие, которое в целом характеризовалось аграризацией экономики, – еще на 47%. Порты атлантического побережья Европы увеличились соответственно на 99 и 52%. Тогда как, в целом, население европейского Северо-Запада и Юга выросло соответственно только на 25 и 20% [19]. Столь высокий прирост населения позволил демографам разбить европейское пространство на зоны высокого и низкого давления. Кроме городов к зонам высокого давления отнесли припортовые районы и сельскохозяйственные районы возделывания интенсивных культур (виноградарство, прежде всего). Однако в указанных зонах высокого давления наблюдались вариации типов семьи и способов организации дворового хозяйства.

Конечно, функциональная классификация не отрицает регионально-страноведческие особенности. Например, сезонные ритмы зачатий в южных городах по вполне понятным причинам примерно на месяц опережали движение кривых в северных городах. Или более низкие показатели детской смертности в Англии (кроме Лондона) из-за благоприятных климатических условий (влажная зима и лето), традиционно позднего вступления женщин в возраст материнства, лучшей и здоровой пищи, а также, возможно, из-за обычая кормить детей грудью до 15 месяцев.

В 1990-е гг. ученые попробовали решить проблему типологии с помощью расширения границ объекта исследования, выйдя за рамки Европы. Но привлечение материала России, Китая, Индии, Японии не слишком продвинуло вперед исследования. Дело не только в нехватке нужного фактического материала. Попытка построить широкомасштабную классификацию на основе особенностей организации и функционирования семейного хозяйства не удалась из-за специфики экзогенных факторов, влиявших на типы демографических систем. Степень развития товарно-денежных отношений оказыва-

лась в перечисленных странах много ниже, чем в северо-западной Европе. Соответственно не было и развитого рынка рабочей силы, так сильно влиявшего на характер семейно-дворовых отношений [20].

Тем не менее, при построении типологии демографических моделей кажется перспективным взять в качестве базового элемента семью или уже – тип семейного хозяйства. Исследования подобного рода стали появляться с 1980-х гг. Специалисты выделяют в семье следующие категории: супруги или главы семей – одиночки; дети; родственники; домашняя прислуга; неродственники. Локальная документация, на базе которой идет реконструкция семей, позволяет уточнить макромодели, сконструированные по цензам (такие показатели как естественная плодовитость, интервалы между зачатиями, средняя продолжительность семейной жизни, брачный возраст...); выявить территориальную и там, где необходимо, этносоциальную специфику (например, мориски в Испании), воздействие экономических переменных, в частности, связь между доходами и рождаемостью; влияние процесса перехода к рыночной экономике и ценами на продовольственный, а значит демографический кризис. Перекрестный анализ источников позволяет сделать качественный анализ демографии разных социальных групп, а изучение социальных генеалогий – выявить социальную мобильность и механизмы создания групп власти. То есть выйти на уровень междисциплинарного анализа [21]. Немаловажным доводом в пользу выбора семейного хозяйства в качестве базового элемента анализа является предположение признанного авторитета в области экономической истории голландского исследователя Я. де Вре о том, что именно прогресс домашнего хозяйства оказал решающее воздействие на повышение продуктивности аграрного производства – процесса тесно связанного с демографическим ростом [22].

Историкам хорошо известно о цикличном развитии населения традиционного общества (мальтузианского или неомальтузианского типа). Но внутри доиндустриальной эпохи существовал определенный ритм развития и в среднесрочной перспективе, причем ситуация в разные этапы данного цикла – например, колебания размеров семьи (и ее структура) вокруг некоей равновесной в зависимости, прежде всего, от ситуации доступа к земле – различалась. Это не отрицает возможность сравнения разных хронологических срезов, а требует методологической четкости при сопоставлении. В частности, такая позиция налагает запрет на выдергивание отдельных элементов для сравнения, а также требует от исследователя предварительного пред-

ставления о всей модели в ее развитии и разработки процедуры верификации типологического сходства сопоставляемых объектов.

Кроме того, видимо, ошибочно рассмотрение демографами доиндустриальной эпохи как единого целого. Думается, что широкомасштабная протоиндустриализация [23], создав существенный, а порой альтернативный источник дохода в деревне, серьезно модифицировала крестьянскую семью, а значит и демографические модели. В частности, понизился возраст вступления в первый брак для мужчин и для женщин, как следствие возросла общая плодовитость, сократилась смертность, уменьшилась миграция из этих районов, ускорился рост населения. Нужно только учесть неравномерность разветвления во времени процесса протоиндустриализации в европейских странах. Другое существенное замечание касается элит. Аристократия и городская знать, помимо обладания социально-специфическими чертами, опережали по фазе общество в своем демографическом поведении. Это хорошо видно и на примере отношения к детям, что сказывалось, в частности, на показателях детской смертности и на ранней практике контроля за зачатиями, и на широком отказе женщин привилегированных групп в эпоху Возрождения от кормления грудью. Поэтому, несмотря на соблазн лучшей документированности истории элит, стоит осторожно экстраполировать материалы генеалогических исследований на массы населения.

Учет этих замечаний, на наш взгляд, позволяет более правильно решать вопросы выявления типологии демографических моделей, существовавших в Европе раннего нового времени.

Литература и источники

1. В западной историографии как синоним также используют понятие «демографический режим», т.е. «комбинацию таких факторов как рождаемость, смертность, плодовитость, уровень брачности, сальдо миграции, которые обеспечивают воспроизведение населения». См.: Histoire des Populations de l'Europe / Sous la direction de J.-P. Bardet et J. Dupaquier. Paris, 1997. Vol. I. P. 210.
2. См.: Андреев Е.М. Модели демографические // Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М., 1985. С. 258.
3. См.: Bengtson T., Satto O., Reher D., Campbell C. Population and the economy: From hunger to modern economic growth // Proceedings XII-th International economic history congress. A. Debates and controversies in economic History / Ed. C.-E.Nunez. Madrid, 1998. P. 75.
4. Histoire des Populations de l'Europe. Vol. I. P. 23, 250.
5. Idem. P. 249.

6. Hajnal J. European marriage patterns in perspective // *Population in history: essays in historical demography*/ Eds. D.V. Glass & D.E.C. Eversley. London, 1965. P. 101–146.
7. Flinn M. W. The European demographic system, 1500–1820. Brighton, 1981. P. 84.
8. См., напр.: Ozment S. When fathers ruled: Family life in Reformation Europe. Camb. (Mass.), 1983.
9. См.: Mcquillan K. Culture, religion & demographic behaviour. Catholics and Lutherans in Alsace, 1750-1870. Liverpool, 1999.
10. См.: Chacon Jimenez F. Nuevas tendencias de la demografía historica en Espana: las investigaciones sobre historia de la familia // *Boletín de la Asociación de Demografía Histórica*, 1991. Vol. IX, № 2. P. 83.
11. См.: Casey J. «No es pequeña empresa aprender a vivir». Los tratados del Renacimiento sobre la familia // *Congreso Internacional. Carlos V. Europeismo y Universalidad. Vol. IV Población, economía y sociedad* // Coords. J. L. Castellano Castellano, F. Sanchez-Montes Gonzalez. Madrid, 2001. Pp. 164-165.
12. *Histoire des Populations de l'Europe*. Vol. I. P. 338.
13. Knodel J. Demographic behavior in the past. A Study of fourteen german village populations in the XVIII-th and XIX-th centuries. Cambridge, 1988. Ch. 3.
14. Chacon Jimenez F. Op. cit. P. 81.
15. Прокопенко С.А. Население Испании в XVI–XVII вв. М., 2002. С. 90-91.
16. Perez Moreda V. y Reher D.-S. Mecanismos demograficos y oscilaciones a largo plazo de la población europea (1200–1850) // *Revista de Historia Economica*, 1986, № 3. P. 476.
17. См.: *Histoire des Populations de l'Europe*. Vol. I. P. 360.
18. Idem. P. 24 et 441, 458–459.
19. Idem. P. 251 et 260, 272-273, 330-334.
20. Bengtson T., Satto O., Reher D., Campbell C. Op. cit. P. 83–84.
21. См.: Chacon Jimenez F. Op. cit. P. 80-81.
22. См.: Vries, J. de. The industrious revolutions in East and West // XIII Economic History Congress. Buenos-Aires, 2002. Session 25. P. 9.
23. В советской историографии процесс «протоиндустриализации» на германском материале впервые рассмотрел С.Б. Кан, в западной – на примере Фландрии – Ф. Мендел. См., напр.: Kiedte P., Medick H., Schlumbohm J. *Industrialisation before industrialisation. Rural industry in the genesis of capitalism*. Cambridge, 1981; Gonzalez Enciso A. La protoindustrialización en España // *Revista de Historia Economica*, 1984. № 1; спецвыпуск журнала *Annales: ESC*, 1984. № 5.

*С. И. Ковальская**

**Англо-американская историография
о социально-демографической составляющей
процесса модернизации**

В течение 30–50-х гг. XX в. среди советологов господствующей концепцией в анализе истории СССР была теория тоталитаризма. Однако изменения, произошедшие в Советском Союзе после смерти Сталина, поставили под сомнение ряд положений тоталитарной теории. Безусловно, ни одна теория не дает исчерпывающего ответа на все поставленные вопросы современности, и вслед за кризисом наступает период формирования и становления новой концепции и новой теории.

Инициатива разработки теории модернизации принадлежит ученым США. Она была создана в 40-е гг. XX в., первоначально развиваясь как взгляд на проблемы послевоенного взаимодействия США со странами Азии, Африки, Латинской Америки и «союзниками» в Европе. Что, конечно, не случайно. Если же говорить о «родословной» этой теории, то она достаточно пестра и разнообразна. Основой для нее послужили взгляды А.Смита, Рикардо, Маркса, М.Вебера и других философов и экономистов прошлых столетий.

Во многом благодаря изменениям в теоретико-методологических подходах изменились логика и язык изложения истории бывшего СССР и его регионов в англо-американской историографии. Большинство исследователей постепенно отказались от тоталитарной концепции, которая с 30-х гг. XX в. была базовой для сравнительного анализа СССР и фашистских государств. Особенно ярко эти настроения проявились в среде нового поколения молодых историков, которых не случайно называли ревизионистами за попытки пересмотреть существующие методологические подходы.

Дальнейшее развитие теоретических изысканий исследователей Запада прошло через возникновение и становление историцизма, ревизионизма, структурализма, компаративистики и т.д. Каждый из методов повлиял на формирование целой плеяды исследователей. Споры об отношениях между методологией обществоведения и советологией были характерной чертой англо-американского академи-

*Ковальская Светлана Ивановна (Астана) – кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева.

ческого мира в течение длительного времени и сегодня перешли к нам. Действительно, иногда весьма затруднительно четко отличить труды западных политологов от исторических исследований, хотя и существуют определенные признаки и критерии. Однако то, что большинство этих трудов создавалось в формате советологии, объясняет подчас отсутствие таковых отличий. Кроме того, одной из главных проблем для исследователя остается прямой или опосредованный диктат моральных или политических норм.

Со времени исчезновения с политической карты мира такого государства как СССР, по мнению одних авторов, исчезла и советология. Другие же считают, что советология как жанр исторической науки продолжает активно развиваться, так как советский период из мировой истории невозможно вычеркнуть. Продолжаются споры о том, с какого момента необходимо начинать изучение процесса формирования СССР – с 1917 или же 1922?! Если с 1922, то куда отнести годы, предшествующие созданию СССР?! Круг спорных вопросов достаточно широк, а ответы на них часто отсутствуют.

В Принстонском университете США с 70-х гг. XX в. проводились серьезные систематические исследования процесса модернизации на территории различных стран, в том числе и в СССР. Среди основных работ можно назвать, прежде всего «The modernization of Japan and Russia» (1975); «The modernization of China» (1981); «The modernization of Inner Asia» (1991) и другие. Так, в последней из указанных работ основное внимание уделено анализу процесса модернизации в странах и регионах так называемой Внутренней Азии, в число которых входят Иран, Афганистан, Синьцзян, Тибет, Монголия, Центральная Азия, под которой подразумеваются бывшие республики СССР – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Правда, материал по советским республикам распределяется неравномерно, определены лишь основные тенденции развития. Книга имеет четкую структуру и отражает процесс модернизации до 1920-гг. и с 1920-х по 1980-е гг.; кроме того, в третьей части книги определены перспективы модернизации региона. Основное внимание авторы уделили международному контексту процесса модернизации, политическому, экономическому, социальному и культурно-образовательному развитию Внутренней Азии. Красной нитью в книге проходит идея о влиянии России и русских на процесс модернизации в регионе.

Хотелось бы отметить еще одну работу. Это статья Грегори Масселла «Модернизация и национальная политика в советской Центральной Азии: проблемы и перспективы», которая была издана в 1976 г. в сборнике «Динамика советской политики». Автор строит

свои рассуждения, опираясь на два основных аргумента. Первый: что оптимизация модернизационного процесса и усиленный контроль в сфере межнациональной интеграции были главными целями советского режима. Второй: неизбежная взаимозависимость модернизационного процесса с моделью и проблемами советской национальной политики [1, с. 267-268].

Практически в большинстве исследуемых работ связь модернизации и национальной политики советского режима присутствует в той или иной форме. Данная проблема рассматривается через анализ взаимодействия титульных этносов с русским населением. Фактически в данном контексте «русское население» определяется вовсе не по этническому признаку. Однако авторы этот момент никак не оговаривают, можно сказать, не считают нужным как-то комментировать данную ситуацию. В большинстве трудов подчеркивается, что в общественное сознание посредством национальной политики советской власти внедрялась идея о том, что русские более продвинуты по сравнению с титульными этносами, что они являются образцом для подражания, «старшим братом» для всех других национальностей. Все это в совокупности не могло не раздражать и не вызывать в конечном итоге недовольства со стороны радикально настроенной части автохтонного общества. Кроме того, подчеркивалось неравенство этносов по статусу, который они имели в случае проживания и социализации у себя в республике или же вне ее. Особенно приниженным было положение депортированных народов, даже после их реабилитации. Так, Г.Масселл особо останавливается на характеристике крымских татар и их положения в Центральной Азии [1, с. 284].

Уже в последние годы существования СССР наблюдался процесс усиления местной элиты, и даже попытки ее некоторого обособления, что привело к новому усилению присутствия Москвы в регионе. По словам Дж.Кричлоу, Москва стремилась добиться «коренного преобразования традиционного мусульманского общества в масштабах, далеко превосходящих достигнутое прежде даже Сталиным» [2, с. 143]. Москва начинает обращаться к массам, игнорируя местную элиту посредством борьбы с коррупцией и злоупотреблениями. Особенно заметно это проявилось в Узбекистане, а в Казахстане после событий 1986 г. М.С.Горбачев, по словам Каррер д'Анкокс, воспринимался не как реформатор, а как русификатор и организатор репрессий [3, с. 83, 171].

В советской литературе подобные темы, как впрочем, и теория модернизации, были либо под запретом вообще, как в первом случае, либо подвергались достаточно жесткой критике и практически отвер-

гались в качестве теоретической основы для познания динамики современности, как в случае с теорией модернизации. Среди авторов, активно критикующих теорию модернизации, можно назвать Ю.Б.Красина, П.Н.Федосеева, Б.И.Марушкина, Э.Н.Хилтухина, Ю.И.Игрицкого и многих других [4].

Действительно, как можно было допустить данную дефиницию в категориальный аппарат советской науки, если она обозначала стремление соответствовать развитию стран, находящихся в авангарде всемирно-исторической эволюции. Это стремление влекло бы за собой глубочайшую трансформацию политической, экономической, социально-культурной организации общества. Руководство было готово только к экономическим преобразованиям, и то частично, и только потому, что отставание от ведущих стран мира становилось все более заметным и непреодолимым. Отсюда и стремление «догнать и перегнать» эти страны по экономическим показателям. Но так как отставание в 50–100 лет в конце 1920-х гг. значительно увеличилось в последующий период, данный лозунг постепенно превратился в очередную профанацию советского режима. Однако наука, в том числе и историческая, продолжала утверждать в общественном сознании мысль о преимуществах советской модели экономического развития и ее неисчерпаемого потенциала.

С постепенным ослаблением тотального идеологического давления и контроля над общественным сознанием, интерес к данной теории становился все более заметен, и сегодня создан целый ряд работ, в которых авторы развивают собственное видение процесса модернизации в России и странах СНГ [5].

На протяжении одного лишь XX в. Россия, а затем и СССР, трижды оказывался жертвой мировых модернизационных процессов: в 1914–1922 гг., в годы индустриализации и Отечественной войны, наконец, после 1985 г. Главная трагедия состояла в том, что государство прилагало колоссальные усилия, пытаясь бежать вдогонку за историческим временем, но так и не смогло его догнать.

Став индустриальным, советское общество продолжало оставаться традиционным во многих отношениях. Сопротивление человеческого материала оказалось сильнее модернизационных императивов. Выход из сложившейся ситуации лежал через ослабление политико-административного пресса, расширение экономической свободы и, в конечном итоге, раскрепощение человека.

Интересным в контексте модернизации России и СССР выглядит динамика модернизационных процессов в Казахстане. Среди этапов модернизации можно выделить: 1) период XIX – начала XX в.;

2) период советского Казахстана; 3) постсоветский этап, начавшийся с 1991 г. и постепенно трансформирующийся в процесс глобализации, что иногда напоминает «догоняющую модернизацию».

На примере Казахстана можно сказать, что все негативные последствия модернизации проявились в полной мере, так как модернизация практически на каждом из этапов являлась догоняющей, что привело к колоссальной маргинализации, люмпенизации большей части населения, которая накопила невиданный, по своей силе, заряд ненависти ко всему, что было для них чужой культурой и чужим миром. Кроме того, государство, государственные институты, безраздельно доминируя, оказывали угнетающее воздействие на общественное сознание, на формирование национальной культуры и национального самосознания. В общественно-политической мысли Казахстана XIX в. эти настроения нашли выражение в литературном направлении «Зар-Заман». Иначе сторонников этого направления можно назвать почвенниками, консерваторами или антироссийски настроенными поэтами. В противовес этому движению можно назвать литературное движение просветителей (западники, модернизаторы, либералы, пророссийски настроенные авторы).

Модернизация несла за собой усиление эксплуатации собственного народа добуржуазными, архаичными методами. Нельзя не учитывать тот факт, что если в России модернизация развивалась в русле имперской модели, сформулированной еще Петром I, то в Казахстане данная модернизация имела двойной, а то и тройной характер угнетения. Безусловно, знать «облучалась» инновациями гораздо быстрее, нежели народ, хотя могла и не принимать таковые, зачастую возглавляя народно-освободительные движения в крае, как, например, Кенесары Касымов в период с 1837–1847 гг. О модернизации в досоветский период создан целый ряд трудов англоязычных авторов, среди которых, прежде всего, хотелось бы назвать Ширин Акинер. Среди каналов модернизации она выделяла активизацию торговли, начало промышленного развития и урбанизацию в крае, развитие просвещения и общественно-политической жизни в регионе, динамику бытовой сферы и рост национального самосознания [6].

Догоняющая модернизация осуществлялась и в годы социализма. Под «догоняющей модернизацией» обычно понимается организация масс для индустриализации, создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния. Советский период истории Казахстана был особенно богат модернизационными преобразованиями.

В оценке экономического развития Казахстана в советский период англо-американскую историографию можно разделить на две группы. Первую группу можно условно отнести к «объективистскому направлению», а вторую – к «пессимистическому». Так, сторонники первого направления характеризовали социально-экономическую политику в Казахстане как «Welfare Colonialism» – «колониализм благосостояния», делая ссылки на реальные экономические показатели. Например, Майкл Рывкин писал: «Колониализм благосостояния состоит в том, что республики ныне не эксплуатируются, а субсидируются ради сохранения их политической зависимости. Мусульмане Центральной Азии уже не такие, какими они были в годы революции. С помощью Москвы и под руководством Москвы они превратились почти в современные братские нации, которые в социально-экономическом отношении немного отстают от общесоюзного уровня развития» [7, с. 14]. Подводя итоги развития Казахстана в 1940–1960-е гг. и оценивая дальнейшие перспективы, Зев Кац отмечал: «По производству электроэнергии на душу населения республика превосходит Италию и лишь немного уступает Франции. По торговому обороту она находится впереди всех республик Центральной Азии, уступая лишь России» [8, с. 215].

Сторонники второго направления достаточно четко формулировали понятие «колониальная империя» применительно для СССР. Они оценивали КазССР как колониальную, сырьевую и аграрную периферию СССР. Так, Ги Имарт обращал внимание на то, что существовало неравенство в СССР между славянами и неславянами [9, с. 18]. Много общего можно найти в подходах к анализу данной проблемы в трудах Терезы Раковской-Хармстоун и С.Л.Берга. Тереза Раковска-Хармстоун подчеркивала, что все ключевые сферы экономической жизни были исключены из непосредственного контроля местных властей [10, с. 83]. С.Л.Берг, в свою очередь, резюмировал: «Что касается капиталовложений, то в 1970-х гг. инвестиции в развитие Центральной Азии уменьшились. Эти средства использовались таким образом, чтобы продолжить сельскохозяйственную специализацию центральноазиатских республик, исключить их самостоятельность и самообеспеченность» [11, с. 43]. «Общей же чертой этнорегионального развития РСФСР и Казахстана в этот период (1950–1970 – *Авт.*) были определенные признаки процесса модернизации в экономике», – отмечал в своей работе Питер Цвиг [12]. Однако этих признаков оказалось недостаточно для решения необходимых задач.

В новый этап независимого развития страны центральноазиатского региона СНГ вошли в состоянии «незавершенной модернизации». Модернизация по-советски привела к росту городов и увеличению численности титульных этносов в городах, способствовала развитию вертикальной социальной мобильности, привела к глубоким переменам в образе жизни, но практически не получила широкой поддержки со стороны традиционно-ценностных институтов, так как оставалась чуждой природе этих обществ [13]. Собственно, это во многом объясняет, почему модернизация осуществлялась за счет «русскоязычного» населения в регионе, массовый отток которых в середине 90-х гг. XX в. привел практически к полной или частичной остановке деятельности ведущих индустриальных объектов стран Центральной Азии.

Обращаясь к англоязычным исследованиям последнего времени, хотелось бы более подробно остановиться на анализе монографии А.М.Хазанова «После СССР. Этничность, национализм и политика в содружестве независимых государств». Автор особое внимание уделяет проблеме отсталости Средней Азии и Казахстана: «Модернизация в этом регионе была осуществлена с минимальным участием коренного населения – индустриализация, урбанизация, демографическая революция, революция в образовании и трудовая мобильность – не были осуществлены здесь в полной мере» [14, с. 155]. Лимитированная индустриализация, слабая включенность автохтонного населения в эти процессы в конечном итоге привели к сохранению традиционных предпочтений в сфере труда, концентрации местного населения в сфере торговли, обслуживания, образования и гуманитарных наук.

Многие современные экономические проблемы в регионе, среди которых неполная занятость и безработица, А.М.Хазанов объясняет наследием советской экономической политики. Незнание русского языка затрудняло переход титульных этносов в индустриальный сектор экономики. Города, как правило, были русскоязычными, и большая часть титульного населения предпочитала проживать в селе, занимаясь аграрным производством.

После распада СССР ситуация начала меняться и рост сельских мигрантов постепенно привел к образованию *underclass* в городах Средней Азии и Казахстана и целому ряду проблем социально-демографического и культурного порядка. В Казахстане ситуация приобрела особенное развитие в связи с переносом столицы из Алматы в Астану (Акмолинск–Целиноград–Акмола–Астана) и значительным перераспределением населения внутри страны. Наиболее

активно растущий город Казахстана – это, конечно, Астана. Данная проблема также нашла отражение в целом ряде работ англоязычных авторов. Среди них можно назвать Р. Вулфела, Г.Гутенбаха [15]. Оба исследователя связывают перенос столицы с процессом казахизации страны и продвижением суверенитета республики в северные регионы Казахстана.

О демографической индигенизации размышляет и Роберт Кайзер, отмечая, что к 1970-м гг. процесс демографической русификации в центральноазиатском регионе сменился демографической индигенизацией, что, безусловно, повлияло на процессы модернизации в республике [16]. Подобные позиции можно встретить и в трудах других исследователей, большинство из которых анализирует процесс формирования идентичности населения стран постсоветского пространства. Безусловно, они привлекают данные по миграционным процессам, среди которых реэмиграция русскоязычного населения, репатриация титульных этносов и динамика внутригосударственной миграции в странах из села в город.

Таким образом, подводя итоги нашим рассуждениям, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, существующие подходы к изучению СССР в англо-американской историографии в 30–50-е гг. XX в. в соответствии с динамикой событий в стране, становились все более лояльными и проявились в постепенном отказе от теории тоталитаризма и сменились теорией модернизации. В процессе модернизации страны обычно выделяется три периода: досоветский, советский, постсоветский, каждый из которых имеет целый ряд специфических характеристик.

К социально-демографической составляющей процесса модернизации обычно относят динамику развития демографической картины в регионе в этнокультурном и этносоциальном разрезе. Рассматривается качественный состав населения, прежде всего национальный состав, состояние и уровень образования. Отдельно анализируются миграционные процессы – внутренняя и внешняя миграция, процесс репатриации и реэмиграции. Самостоятельно исследуется занятость населения – сферы экономической деятельности, структура занятого населения по сферам деятельности. Как правило, данные проблемы изучаются с привлечением данных по реализации национальной политики имперской, а затем советской власти в Центральной Азии.

Теория модернизации претерпевает серьезные изменения и имеет различные трактовки своего содержания, подчас противоречащие друг другу. Вслед за концептом «модернити» в общественные науки

было введено понятие «постмодерна», затем возникла теория глобализации. Сегодня все активнее разрабатывается концепция виртуализации, которая признана наиболее перспективной основой для разработки адекватных теоретических моделей происходящих изменений. Новые методологические подходы приведут к дальнейшим изменениям и в трактовке тех вопросов, которые мы постарались рассмотреть в данной статье.

Литература и источники

1. Massell G.J. Modernization and National Policy in Soviet Central Asia: Problems and Prospect // The dynamics of Soviet Politics. Cambridge, Massachusetts and London, England, 1976. P. 267-268.
2. Critchlow J. «Corruption», nationalism and the native elites in Soviet Central Asia // Journal of communist studies. London, 1988. Vol. 4. № 2. P. 142-161.
3. Carrere d'Encausse H. La gloire des nations: Ou la fin de l'Empire sovietique. Paris, 1990. 431p.
4. Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978. 656 с.; Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977. 279 с.; Марушкин Б.И. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976. 160 с.; Хилтухин Э.Н. Крушение легенды: Критика апологии вестернизации. М., 1979. 62 с.; Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность. М., 1974. 271 с.
5. Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Красильщиков В.А. Мировые модернизации и судьбы страны // Свободная мысль, 1999. № 1. С. 93-108; Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Ахиезер А. Россия: Критика исторического опыта. М., 1991; Европа и Россия: опыт экономического преобразований. М., 1996; Модернизация и национальная культура. М., 1995; Нуров К.И. Правовая и экономическая модернизация традиционной структуры Казахстана. Алматы, 1995; Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографическое развития Республики Казахстан в условиях суверенитета. Алматы, 2001; Забирова А.Т. Идентичность казахов: между традицией и современностью. Алматы, 2003; Жумакаева Б.Д. Исторический опыт политической модернизации России и Казахстана в 90-е годы XX века (Историко-политологический аспект): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 23.00.02. Алматы, 2004.
6. Akiner Sh. Islamic peoples of the Soviet Union. London, 1983; Акинер Ш. Формирование казахского самосознания. От племени к национальному государству. Алматы, 1995; Akiner Sh. Social and Political reorganization in Central Asia: Transition from the Pre-Colonial to Post-Colonial Society. London, N.Y., 1998.

7. Rywkin M. National Symbiosis: Vitality, Religion, Identity, Allegiance // *The USSR and the Muslim World: Issues in Domestic and Foreign Policy*. London: Allen and Unwin, 1984. P.11-23.
8. Kats Z. Kazakhstan and Kazakhs // *Handbook of Major Soviet Nationalities*. London: Collier MacMillan, 1975. P. 212-215.
9. Imart G.G. Unique Impire // *Central Asian Survey*. London, 1987. P.18-24.
10. Rackowska-Harmston T. Central Asian Elite Mobility and Political Change in the Soviet Union // *Central Asia Survey*. London, 1986. P. 39-51.
11. Burg S.L. Muslim Cadres and Soviet Political Development. Reflection from a Comparative Perspective // *World Politics*. London, 1984. P. 39-51.
12. Zwick P. Ethnoregional Socio-economic Fragmentation and Soviet Budgetary Policy // *Soviet Studies*. Glasgow, 1979. P. 382-395.
13. Вишнеvский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // *Вестник Евразии*, 1996. № 2. С. 136-159.
14. Khazanov A.M. After the USSR. Ethnicity. Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. The University of Wisconsin Press, 1995. P. 155.
15. Wolfel R.L. North to Astana: nationalistic Motives for the Movement of the Kazakh(stani) Capital // *Nationalities Papers*, Vol. 30. 2002. P. 485–505; Huttenbach H. Whither Kazakhstan? Changing capitals: from Almaty to Aqmola/Astana // *Nationalities papers*. N.Y.,1998.Vol. 26. № 3. P. 581-587.
16. Kaiser R.J. Ethnic Demography and Interstate Relations in Central Asia // *National Identity and Ethnicity in Russia and the new states of Eurasia*. N.Y., London, 1994. P. 230-273.

*М. Ю. Макаренко**

**Влияние кризисных факторов
на формирование российских особенностей
смены модели воспроизводства**

Теория (или концепция) демографического перехода используется исторической демографией для описания эволюции демографических процессов, смены типов воспроизводства населения.

В самых общих чертах суть концепции сводится к следующему: демографическое равновесие между рождаемостью и смертностью, определяющее тип воспроизводства**, нарушается изменениями в социально-экономической сфере – индустриализацией, урбанизацией, фермеризацией крестьянского хозяйства, развитием медицинского обслуживания и образования. Это приводит к снижению смертности при пока еще остающемся высоким уровне рождаемости (от темпов снижения которого зависит определение типа начальной стадии демографического перехода: рождаемость падает значительно уже на первом этапе – французский тип; сохранение высокой рождаемости достаточно долго – английский). Спустя некоторое время, вследствие изменения репродуктивных установок населения, падает и рождаемость: «демографический баланс» восстанавливается на новом уровне, обеспечивая прогрессивный «экономный» тип воспроизводства.

Начало демографического перехода в России отставало от большинства европейских стран (прежде всего, от Франции – примерно, вековой разрыв). Предпереходное состояние воспроизводства характеризовалось очень высоким уровнем смертности, прежде всего младенческой (326‰), т.е. треть родившихся умирала, не дожив до года. До 15-летнего возраста не доживало более половины детей. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 29 лет для мужчин и 31 год для женщин. В начале XX в. каждым 100 россиянкам необ-

*Макаренко Мария Юрьевна (Краснодар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и социологии Кубанского государственного университета.

**Под типом воспроизводства населения понимается совокупность качественных черт репродукции в более или менее сходных экономических, социальных и культурных условиях. Большинство исследователей выделяют три типа воспроизводства населения: «архетип», «традиционный» («расширенный»), «современный» («экономный», «рациональный»).

ходимо было родить 530 детей, чтобы обеспечить простое замещение поколения, спустя всего 50 лет – не более 213.

Присутствовала неевропейская модель брачности: более половины браков заключалось в возрасте до 20 лет.

Во второй половине 1870-х гг. начинается снижение уровня смертности (прежде всего, младенческой и перинатальной), которое делало «ненужной» прежнюю высокую рождаемость. С 1890-х гг. происходит увеличение темпов ежегодного прироста населения за счет «тормозящего» снижения рождаемости. Прерванная военным периодом тенденция продолжилась во второй половине 1920-х гг., когда прирост достигал максимальных за всю историю страны значений – 1,9-2%. Демографические потери «мирных» 1930-х гг. и, особенно, 27 миллионов жизней, унесенных Великой Отечественной войной, практически свели на нет намечавшийся демографический взрыв, разрушая сложившиеся предпосылки развития демографического перехода по английскому типу.

В условиях военной повседневности в движение приходят нормы, служившие ранее основой общества, в том числе и гендерные роли. Мобилизация, значительные потери мужского населения, разводы привели к увеличению неполных семей. В подобных ситуациях нередко женщине-матери приходилось становиться во главе семьи. Значительно активизировалась роль женщины в обществе.

Важнейшая особенность российской демографической модернизации – высокая скорость изменения модели воспроизводства. Быстрота протекания и завершение демографического перехода к 1960-м гг., т.е. спустя менее 100 лет после его начала*, во многом определялась изменениями всей мотивации семейной жизни, нарушениями слитности матримониального и репродуктивного поведений, вызванными военной действительностью. Современная Россия, находясь в процессе второго демографического перехода, имеет тот же уровень развития модернизации, что и большинство европейских стран: присутствует суженное (экономное) воспроизводство, рост численности населения возможен лишь за счет иммиграции.

Термин «потерянное поколение» применяется обычно для идентификации личности в межвоенном двадцатилетии. «Потерянность» заключается в утрате прежних, традиционных (дореволюционных) ориентиров на «прогрессивные» («советские») инверсии «нормы» и «аномалии» в повседневной жизни. И без того малочисленные поколения родившихся накануне нэпа примут основной удар Великой -

* Во Франции аналогичный процесс занял почти в два раза больший период.

Отечественной, становясь потерянными уже в совсем другом – несоизмеримо более серьезном смысле.

Демографическое эхо Первой мировой и Гражданской войн определило дисбаланс полов в репродуктивных возрастных группах. Великая Отечественная еще больше сократила шансы среднестатистической женщины выйти замуж и родить ребенка. Особенно резкие диспропорции сложились среди поколений 1919–1924 годов рождений: на одного мужчину приходилось три женщины.

Как выглядело в середине XX в. соотношение полов на юго-востоке страны, в казачьих регионах Северного Кавказа, где благодаря особенностям колонизации долгое время (до конца XIX в. и даже в первые десятилетия XX в.)* присутствовал недостаток женщин? До оккупации на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет в Краснодарском крае приходилось 112 женщин аналогичного возраста, после оккупации – 322; в Ставропольском: до оккупации – 106, после – 260; в Ростовской области: до – 108, после – 248; в Сталинградской: до – 109, после – 298. Таким образом, на одного жениха приходилось чуть ли не три потенциальные невесты. В побежденной Германии этот расклад (возможно, самый важный в жизни) имел не такой печальный вид. При этом нельзя не учитывать, что на частично оккупированном Кавказе потери женского населения были намного больше, чем в Германии, поскольку в России война гораздо сильнее затронула мирных жителей.

В Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской республиках существовавшее до войны преобладание мужчин сменяется женским: в указанных возрастных группах на 100 мужчин приходится 259, 198 и 106 женщин [1].

Высокие показатели смертности в послеоккупационный период присутствовали даже в хлебных регионах страны. Причина – прове-

*Хотя накануне XX в. в составе населения России соотношение мужчин и женщин было практически равным (на 1000 мужчин приходилось 998 женщин), в Кубанской области, и особенно в Черноморской губернии, «мужской перевес» обозначился достаточно четко – на 1000 мужчин в Кубанской области приходилось 968 женщин, в Черноморской губернии – 707. В Российской империи этот показатель был одним из самых «нездоровых», ниже его были только показатели двух регионов: Приморской губернии (462 женщины на 1000 мужчин) и острова Сахалин (373 женщины на 1000 мужчин). В европейской же части России (объединенный показатель по 50 губерниям) в составе населения преобладали женщины – на 1000 мужчин приходилась 1031 женщина (Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 87-90).

денный при немцах посев озимых под урожай 1943 г. составил только часть (например, в Краснодарском крае – треть) довоенного.

В военные годы повторное замужество для большинства женщин оказалось невозможным, сокращалась и среднестатистическая продолжительность брака, особенно у женщин.

Произошло увеличение возрастов рожаящих женщин: в 1942–1944 гг. высокий процент приходится на 31–39-летних. Не было неожиданным сокращение рождаемости: самый низкий уровень – 9,9‰ приходится на 1943 г.

Перинатальная смертность наоборот сократилась. Можно объяснить это сокращение исключительно неполнотой учета на оккупированных территориях. На наш взгляд, все же не следует полностью исключать природные механизмы регулирования численности этноса в экстремальных условиях, поскольку аналогичный процесс отмечают немецкие и польские статистики. По сравнению с мирным временем повышается и процент многоплодных рождений.

В сложившейся ситуации особенно своевременными представляются социально-демографические меры (усложнение процедуры развода, признание того, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, и т. д.), принятые правительством для того, чтобы защитить женщину-мать, повысить рождаемость, компенсировав тем самым огромные людские потери. 8 июля 1944 г. был опубликован Указ Президиума Верховного совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об учреждении почетного звания «Мать-героиня», ордена «Материнская слава» и «Медали материнства». Даже мать-одиночка превращается из «нарушительницы социалистической морали» в дополнительный демографический резерв: в 1946 г. практически каждый пятый ребенок (18,7%) появился на свет вне зарегистрированного брака [2].

«Бэби-бум», охвативший по окончании Второй мировой все страны, активно участвовавшие в ней, в России выглядел гораздо скромнее. Одна из причин – потери недавней войны наложились на неблагоприятную демографическую ситуацию, прочно сложившуюся к началу 1940-х гг.

Следствие практически несостоявшегося компенсаторного прироста – снижение рождаемости на рубеже 1960–1970-х гг., когда в социально-репродуктивный возраст вступили немногочисленные дети военных лет. Это снижение сыграло немаловажную роль и в формировании современной депопуляции.

Таким образом, демографические потери Великой Отечественной войны окончательно изменили сценарий развития демографического перехода – английский тип был вытеснен французским.

Для советского кинематографа крайне нежелательным было обращение к теме любви на войне – любви, как правило, не освященной узами брака. Среди фильмов, в которых так или иначе эти мотивы становились частью сюжетной линии, выделяются «Белорусский вокзал» А. Смирнова (1970 г.); «Горячий снег» Г. Егиазарова (1972 г.); «Аты-баты, шли солдаты» Л.Быкова (1976 г.). Подобные отношения в названных картинах не осуждаются, но и счастья героям не приносят, либо из-за гибели, либо из-за негативной оценки окружающих.

В последние годы кинематографисты стали обращаться и к более сложным сюжетам. Среди них – двойные семьи («Военно-полевой роман», «Анкор, еще анкор» П. Тодоровского и т. д.).

Военные годы неблагоприятны и в плане материнской смертности. Основным методом ограничения рождаемости, как и до войны, оставались юридически запрещенные еще в 1936 г. аборты. Согласно постановлению ЦИК и СНК от 27 июля 1936 г., в этом правительстве шло «навстречу многочисленным заявлениям *(почему бы это женщина захотела отказаться от единственно доступного ей способа регулирования рождаемости?)* трудящихся женщин». В условиях военной повседневности сложнее становилось контролировать выполнение постановления: свыше 90% операций проводилось вне лечебных учреждений. Все же по РСФСР в 1944 г. прокуратура возбудила 17 тыс. уголовных дел [3]. За годы войны материнская смертность от абортов выросла почти в два раза [4]. Эта тема отражена в фильме «Вор» П. Чухрая.

СССР был заинтересован в возвращении «живых потерь» – тех людей, кто по собственному желанию или вопреки ему оказался за пределами страны. Согласно данным Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации во главе с генерал-полковником Ф.И.Голиковым, в марте 1946 г. за пределами страны оказались 30 тыс. советских женщин, вышедших замуж за иностранцев и имевших от них детей [5]. В соответствии с двусторонними советско-американским и советско-английским соглашениями от 11 февраля 1945 г. и аналогичным соглашением с Францией от 26 июня того же года эта категория не подлежала обязательной репатриации. Между тем, солидные историко-статистические исследования, к сожалению, подтверждают факты выдачи и этих женщин. Фильм Андре Тенеше «Восток–Запад» – проникновение художественными средствами в

исследование важной человеческой проблемы «мы – они». По сути дела, картина показывает расширение подходов и снятие всевозможных табу.

Таким образом, политические, социальные и, особенно, военные катаклизмы XX в., поглощая образовывавшиеся человеческие ресурсы, практически лишили Россию демографического выигрыша, который может принести государству демографический переход. Когда страна вышла из полосы катастроф, потенциал демографического роста был уже практически исчерпан: демографический мультипликатор* европейской части территории России – 2,05, Индии – почти в два раза больше. Военная повседневность, объявляя многое «предрассудком», ускоряла развитие демографической модернизации. Перемещение под угрозой немецкой оккупации огромных масс населения на восток, в тыл способствовало распространению модернизированных, западных стереотипов поведения. В результате сглаживалась еще одна российская особенность – различные уровни демографической модернизации в отдельных регионах страны. Названные аспекты свидетельствуют о решающем влиянии кризисных факторов на развитие демографического перехода в России.

Литература и источники

1. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т.2. 1940–1959. М., 2001. С. 59.
2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3144. Л. 1-9.
3. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1913. Л. 83-85.
4. Там же. Д. 245. Л. 313.
5. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4 а. Д. 1. Л. 3., 223.

*Демографический мультипликатор – отношение численности населения страны (или региона) после перехода к населению до перехода.

*О.Е.Бондаренко**

**Население Коми края по материалам Первой
Всеобщей переписи населения 1897 года:
историография вопроса**

Одним из важнейших условий жизни и развития общества является наличие населения, рост его численности и перемещение по данной территории. Как отмечалось в работе К.Маркса и Ф.Энгельса «Немецкая идеология», «первая предпосылка всяческой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов» [1].

В 1897 г. в России была проведена Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, назначение которой заключалось в том, чтобы «привести в известность численность, состав и местное распределение населения» [2]. Сбор сведений осуществлялся путем опроса населения, которому было предложено ответить на следующие 14 вопросов: 1) имя и фамилия; 2) пол; 3) возраст; 4) отношение к главе семьи и главе хозяйства; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка об отсутствии, отлучке или временном пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) грамотность; 14) занятие.

Собранные сведения поступали в Центральный статистический комитет и после их обработки были опубликованы как в виде общего свода [3], так и в форме тетрадей по отдельным губерниям. Сведения о численности и составе населения Коми края содержатся в тетрадях по Вологодской и Архангельской губерниям («Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Архангельская губерния. Тетради 1–3». СПб., 1899–1904; «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вологодская губерния. Тетради 1, 2». СПб., 1901–1904).

Отдельные материалы переписи 1897 г. использовались в работах исследователей, занимающихся историей Коми края [4], чаще всего приводились данные о численности населения, социальном составе жителей Яренского и Усть-Сысольского уездов, распространении грамотности. В некоторых работах имеются отдельные неточности.

***Бондаренко Ольга Евтихеевна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского госуниверситета, член-корреспондент Академии военно-исторических наук.

Так, в «Очерках...» численность населения Яренского уезда определена в 47038 чел., Усть-Сысольского – 95380 чел., в то время как, по данным переписи, она соответственно составляла 45832 и 89840. В работе Я.Н.Безноскова «Культурная революция...» численность населения края определена в 177 тыс. чел., в то время как по переписи 1897 г. она составляла 170 тыс. 664 чел.

Интересный сюжет переписи 1897 г. затронут в статье А.Терюкова [5]. Общая численность коми, проживавших в Российской империи, по его подсчетам, составляла 153618 чел., в том числе 73035 муж. и 80583 жен. Подавляющая часть коми проживала в Вологодской (114966) и Архангельской (23259) губерниях. В Tobольской губернии их насчитывалось более 7 тыс., в Пермской – более 4 тыс., в Томской – 1860, в Вятской – 334, в Олонецкой – 284, Варшавской – 273, Санкт-Петербургской – 167, Московской – 130, остальные проживали в других губерниях. Автор отметил, что по материалам переписи 63420 коми состояли в браке, не были женаты 8260,7 чел. были в разводе.

Достаточно подробная характеристика населения Коми края по материалам этой переписи была дана в статье автора данной работы [6]; на наш взгляд, это было первое специальное исследование данного сюжета. По переписи 1897 г., численность населения края составляла 170664 чел., а территория – 552551,7 кв. версты [7], население в уездах было распределено неравномерно, наиболее населенным был Усть-Сысольский уезд (89840), наименее – Печорский (34992). Коми край и в конце XIX в. продолжал оставаться слабо освоенной заселенной окраиной Российской империи, в то время как средняя плотность населения губерний Европейской России составляла 22,0 чел. на 1 кв. версту [8], в Усть-Сысольском уезде – 0,6, в Яренском – 0,9, Печорском – 0,1.

Основная часть населения проживала в селах и деревнях, всего насчитывалось 52 селения деревень с населением в 500 чел. и более. Численность городского населения была незначительна и составляла всего 3,2% от всего наличного населения. Из 12 городов Вологодской губернии Усть-Сысольск по численности жителей занимал 4-е, а Яренск – 11-е место. В составе населения края преобладали женщины, которые составляли 53,5% населения, на 100 муж. в Усть-Сысольском уезде приходилось 119 жен., в Яренском – 112, в Печорском – 109. Основное сословие на территории края составляли крестьяне (93%), численность остальных сословий была невелика (мещане – 2,4%, духовенство – 1%, дворяне – 0,2% и т.д.).

В момент проведения переписи уроженцы других уездов и губерний составили всего 3% численности населения, основной приток

населения на территорию края наблюдался из губерний европейской России. Для Коми края был характерен отрицательный баланс миграций – более 7% населения находилось за пределами названных уездов.

Определенный интерес составляют материалы для изучения занятий населения. Их перечень был однотипным для всех губерний, указывалось более 60 наименований занятий, в переписных листах они делились на основные и побочные. В качестве основного занятия земледелие обозначило 69% от общей численности лиц, занятых трудовой деятельностью. Также были распространены животноводство, охота, рыболовство и другие занятия. В рассматриваемый период фабрично-заводская промышленность была представлена Кажимскими металлургическими заводами, 360 чел. считало основным занятием добычу руды и выплавку металлов. Среди населения края только один человек назвал основным занятием науку и литературу, численность лиц, занимавшихся медицинской и преподавательской деятельностью была невелика.

В то же время следует отметить, что деревенская жизнь требовала многих умений и навыков, в уездах были свои мастера по изготовлению пеньки, канатов и веревок, изделий из шерсти и кружева, мебели, выделке овчин и мехов, производству извести и алебаstra. В Печорском уезде в рассматриваемый период имели место такие занятия как табаководство и пчеловодство. Трудно объяснить, почему в одну графу были объединены такие занятия как ювелирное дело, живопись, изготовление предметов культа, роскоши. На всей территории края только 35 чел. занимались их изготовлением, в том числе один поляк, 12 русских и 22 коми.

Более подробно вопросы национального состава населения и грамотности рассмотрены в последующих статьях автора [9]. По переписи 1897 г. осуществлялся сбор сведений о родном языке населения. Материалы переписи 1897 г. являются одним из немногих источников, позволяющих представить этнический состав населения в конце XIX в. В этническом отношении население края было сравнительно однородно – преобладали коми. В качестве родного языка – зырянский (коми) – указало 80% всего населения.

В качестве родного языка – русский – назвало 18% населения, проживавшего на территории Коми края. Можно выделить компактные группы расселения русских в Коми крае, что было связано с историей освоения и заселения этой территории: с. Усть-Цильма, с. Серегово, район Кажимских железоделательных заводов. Формирование русского населения в районе Серегово было связано с разви-

тием соляного промысла. С середины XVIII в. большие группы русского населения на Сыsole сложились вокруг Нювчимских заводов. Основная часть квалифицированных рабочих состояла из обученных заводскому мастерству крестьян Вятской губернии и Великоустюгской провинции. Устанавливались разнообразные связи между заводскими рабочими и коми крестьянами. По мнению Л.Н.Жеребцова, смешанные браки между заводскими рабочими и коми крестьянками способствовали распространению русского языка.

Ненецкий язык получил распространение только в Печорском уезде. Общее число лиц, считавших своим родным языком другие (польский, цыганский, татарский, еврейский, латышский и т.д.), было незначительно и составляло всего 170 человек. Сорок человек из них составляли поляки; в определенной степени это было связано с тем, что на территорию Коми края царское правительство в ссылку высылало участников польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг.

В Государственном архиве Архангельской области нам удалось обнаружить переписные листы по Пустозерской волости. Переписные листы являются важным источником, которые фактически не сохранились, так как были в свое время целенаправленно уничтожены. Переписные листы Куйского сельского общества (885 чел.) содержат уникальный материал для изучения семейных отношений, они были использованы для подготовки специальной статьи [10].

В конце XIX – начале XX в. брак для крестьян являлся главным условием порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Определенную роль в необходимости создания семьи играло и то обстоятельство, что крестьянское хозяйство требовало применения как мужских, так и женских рук, поэтому для большинства крестьян было характерно стремление вступления в брак. Доля женатых и замужних составляла в Куйском сельском обществе 57%. Семьи в конце XIX в. были достаточно прочными, об этом свидетельствует отсутствие разводов в обществе в рассматриваемый период. Определенную роль в сохранении семьи играло и отрицательное отношение церкви к разводам.

В большинстве случаев старшим по возрасту был супруг. В деревне Андегской из 14 полных семейств (имеется в виду наличие мужа и жены) муж был старше жены в 10 семьях, в одной семье супруги были одного возраста, и только в трех семействах жены были старше мужей. Разница в возрасте супругов в этой деревне была не очень значительной – от двух до восьми лет. Главой семьи в дореволюционной России традиционно считался старший мужчина (отец), хотя вместе с ним проживали и взрослые сыновья. Так, в деревне Б.Нарыга

главой семьи Корепановых был отец Василий Павлович восьми-десяти лет, хотя совместно с ним проживал его сорокадвухлетний сын. Аналогичная картина наблюдалась и в других семьях. Женщина считалась главой семьи только в том случае, если она была вдовой при малолетних сыновьях. Престарелые родители проживали с одним из сыновей, в отдельных случаях зятя принимали в семью родителей жены, обычно это происходило при отсутствии сыновей.

Естественным последствием семейных отношений было деторождение. При относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8–10 детей. Средний состав семьи в Печорском уезде, по данным переписи, составлял 5,5 чел. Число детей в семьях Куйского сельского общества было невелико, составляло в основном 1–2 ребенка. Небольшая численность детей может быть объяснена различными причинами – большой детской смертностью, отсутствием одного из супругов и т.д. Отсутствие медицинской помощи, недостаток продовольствия вызывали большую детскую смертность. По данным экспедиции 1903 г., в состав которой входил врач Мартынов, процент смертности детей у 59 опрошенных матерей в семи селениях Печорского уезда, в том числе в Куйском и Тельвисочном, составил 64,3.

В северной деревне процесс формирования и развития хозяйственных традиций происходил, главным образом, в рамках семейных отношений. Трудовое воспитание детей осуществлялось нераздельно с реальной производственной деятельностью семьи. В крестьянских семьях детей рано приучали к работе. С шестилетнего возраста мальчиков учили ездить верхом на лошадях, гонять скот на водопой, с 10–12 лет начинали брать на сенокос, где они сгребали сено. Рано приучали мальчиков и к промысловым занятиям – ставить петли, силки, они оказывали помощь отцам в охоте, рыболовстве и других промыслах. Девочки следили за порядком в доме, ухаживали за младшими братьями и сестрами, учились шить, вязать. Все это находило отражение в переписных листах, где отмечены такие занятия подростков, как: «вяжет носки и рукавицы», «нянчит сестру», «помогает отцу по хозяйству» и др. Раннее приучение к труду было связано не только с потребностью крестьянских хозяйств в дополнительных рабочих руках, но и с соображениями воспитательного характера. Трудовым воспитанием мальчиков занимались отец, старшие братья; девочка находилась на попечении матери и с ее помощью усваивала все необходимое для будущей хозяйки.

Основной формой семьи в Пустозерской волости, в том числе и в Куйском сельском обществе, являлась малая семья. Из 207 семейств

только одна представляла большую – это семейство Хайминых из д. Никитцынской, в которой совместно с отцом проживали две семьи его сыновей, в семье старшего брата было трое детей, общая численность семьи совместно с работницей составляла десять человек.

Материалы переписи 1897 г. были использованы Д.И.Пинаевским для характеристики трудоспособного населения и выделения основных тенденций, характерных для демографических процессов на европейском Севере России [11].

Характеристика населения Коми края по переписи 1897 г. содержится в интересной работе коллектива авторов «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи)» [12]. Авторами выделены характерные особенности структуры населения края: преобладание женского населения и демографическая молодость жителей (лица старше 60 лет составляли всего 7%). Авторы отмечают, что за пределами Коми края проживало примерно 12 тыс. чел., считавших родным языком коми-зырянский, они не разделяют точку зрения этнографов Н.Д.Конакова и О.В.Котова, которые называют цифру в 17143 чел. Высказанные положения нашли отражение и на страницах «Истории Коми» [13].

Анализ опубликованной литературы позволил установить некоторые спорные вопросы. Одним из таких является вопрос о численности населения Коми края, по материалам переписи 1897 г. Традиционно принято считать, что численность населения Коми края в рамках Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов составляла 170664 чел. (О.Е.Бондаренко, Д.И.Пинаевский). Этой же точки зрения придерживался до недавнего времени и И.Л.Жеребцов [14]. В настоящее время И.Л.Жеребцов считает, что «согласно переписи 1897 г., население Коми края (в современных границах Республики Коми) составляло примерно 156–158 тыс. чел. (из них около 142 тыс. коми и 14–16 тыс. русские)» [15]. Разные данные численности населения объясняются тем, что рассматривается разная территория – в современных границах Республики Коми или в иных пределах.

Второй вопрос, являющийся дискуссионным, касается грамотности населения. Грамотное население Коми края в конце XIX в. составляло 15,9% по отношению ко всему населению [16], в то же время в некоторых работах исследователей отмечается, что коми (зыряне) по грамотности занимали III место в России. Действительно, П.Сорокин в работе «Современные зыряне» [17], ссылаясь на статистические исследования верхневыхгодских волостей, приводит такие сведения. На наш взгляд, имеются определенные сомнения в принятии такой точки зрения, так как речь здесь идет только об одном из

районов края, обращение к материалам переписи показывает, что, возможно, речь идет о финно-угорских народах (финнах и эстонцах), процент грамотного населения у которых был достаточно высок и в дореволюционной России. Точка зрения автора по данному вопросу была высказана на конференции «На рубеже веков: музей в системе ценностей современной культуры» [18].

Отмечая, что материалы переписи 1897 г. при характеристике населения Коми края достаточно широко вовлечены в научный оборот, все же следует отметить, что некоторые вопросы остались вне поля зрения исследователей (физическое состояние населения, более подробная характеристика возрастного состава, продолжительность жизни разных социальных слоев).

Литература и источники

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.
2. Гозулов А.И. История отечественной статистики. М., 1957. С. 27.
3. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1, 2.
4. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955. С. 219; Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 25; Он же. Развитие народного образования в Коми АССР. Сыктывкар, 1973. С. 18–19; Попова А.С. Интеллигенция Коми края и переход ее на сторону советской власти // Расцвет и сближение социалистических наций. Сыктывкар, 1975. С. 98–99; История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980. С. 43 и др.
5. Терюков А. Комиын 1897 воын перепись йылысь // Войвыв кодзув, 1977. № 6. С. 60–61.
6. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Вып. 29. Сыктывкар, 1983. С. 154–163.
7. Там же. С. 155.
8. Общий свод... СПб., 1905. Т. 1. Приложения. С. 1.
9. Бондаренко О.Е. Национальный состав населения Коми края по материалам переписи 1897 г. // Первая Коми республиканская научно-практическая конференция по историческому краеведению. Сыктывкар, 1988. С. 87–89; Она же. Грамотность населения Коми края в конце XIX – начале XX в. // Народное образование на Урале в XVIII–XX вв. Свердловск, 1990. С. 74–76.
10. Бондаренко О.Е. Население Куйского сельского общества Архангельской губернии по материалам переписных листов 1897 г. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985.
11. Пинаевский Д.И. Трудоспособное население Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы

краеведения Республики Коми. Сыктывкар, 1997. С. 94–96; Он же. Демографические процессы на Европейском Севере России в XVIII – начале XX веков. Сыктывкар, 2002; Он же. Народонаселение дореволюционной России. Источники и методы работы. Сыктывкар, 2002.

12. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001.

13. История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. I.

14. Жеребцов И.Л. Переписи населения в Коми крае // Вестник политической информации, 1990. № 11. С. 19.

15. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Указ. соч. С. 47.

16. Бондаренко О.Е. Население Коми края... С. 158.

17. Сорокин П. Современные зыряне // Этнографические этюды. Сыктывкар, 1990. С. 112.

18. Бондаренко О.Е. Спорные вопросы народного образования в Коми крае (XIX – начало XX в.) // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2003. С. 190.

*Е.К. Трифонова, М.С. Федина**

**Этнодемографическая ситуация в Коми крае в работах
В.И.Лыткина середины 1920-х годов**

Изучение лингвистических аспектов этнодемографической ситуации в Коми крае было одним из важных направлений научной деятельности выдающегося финно-угроведа Василия Ильича Лыткина, 110 лет со дня рождения которого исполнится 27 декабря 2005 г. Его исследования, в которых обосновывается миграционная концепция этногенеза коми, сохраняют свою актуальность и сегодня, в дискуссии со сторонниками автохтонной концепции происхождения коми [1].

Интерес к этой проблематике в контексте социокультурного взаимодействия различных народов, в том числе между русскими и коми, сформировался у Лыткина в годы учебы в Первом Московском университете (1922–1925). Известно, что его учителями были выдающиеся ученые-лингвисты. Большую роль в становлении Лыткина как ученого сыграл Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942). В начале 1922 г., получив приглашение работать в Московском университете, он приезжает в столицу из Казани. В свои тридцать пять лет это был уже признанный специалист в области славянской филологии: его перу принадлежали работы о русско-чешских культурных и общественных связях первой половины XIX в., он был автором работы по дискуссионной в научном и политическом плане проблеме македонских говоров, а также исследований о неизученных русских диалектах Сибири [2].

Творческое кредо Селищева – «исследование разноречных связей в свете общественных отношений» – нашло отражение в теме дипломного сочинения Лыткина. Под руководством Селищева он исследовал русские заимствования в коми языке как источник для изучения исторической фонетики русского языка. Материалы для этой работы он собирал во время экспедиций. Летом 1923 г. он пешком прошел по р. Вычегда, от коми села Межог до Сыктывкара. Изучение нижневыхгодского диалекта коми языка он продолжил летом 1924 г. в с. Гам. Тогда же В.И.Лыткин познакомился с русским

***Трифонова Елена Константиновна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета.

Федина Марина Серафимовна (Сыктывкар) – кандидат филологических наук, доцент, декан финно-угорского факультета Сыктывкарского государственного университета.

говором д. Вадья Архангельской области. Зимой 1925 г. он исследовал лузско-летский диалект коми языка и русские говоры Лоймы и некоторых деревень Лальского района. Знакомство Лыткина со среднесысольским диалектом происходит летом 1925 г. [3].

С самого начала целенаправленного изучения диалектов коми языка он обращается к вопросам, связанным с формированием этнической территории коми, а также влиянием контактов между древнерусским населением и коми на языки этих этносов. В 1924 г. на страницах первого номера журнала «Коми му» Лыткиным была опубликована статья о западной границе расселения коми в конце XIV в. Цель этой небольшой работы заключалась в том, чтобы показать необоснованность представлений, бытовавших среди «работников, занимающихся историей Коми края и вообще среди коми людей, мало-мальски знакомых с прошлым своего народа», о том, что современное русское население Сольвычегодского (и бывшего Яренского) уезда представляют обрусевшие коми, так как они некогда сплошной массой населяли все течение Вычегды, вплоть до Котласа [4]. Такая же аргументация использовалась руководством Коми автономной области ранее. В мае 1921 г., когда вопрос о границах автономии еще не был окончательно решен, выдвигалось требование о присоединении к области 19 волостей Вятской губернии. Тот факт, что в 14 из них жили русские, объяснялся тем, что это были обрусевшие коми [5].

Появление в журнале «Коми му» статьи Лыткина о границах расселения коми на начальном этапе их христианизации было неслучайно. Она соответствовала не только целям одного из соучредителей журнала Общества изучения Коми края, среди которых была «научная разработка и распространение» результатов изучения края в «историко-археологическом, этнографическом, экономическом, лингвистическом и других отношениях» [6]. В 1922–1923 гг. руководство другого соучредителя – Коми облисполкома – вместе с партийными работниками автономной области настойчиво добивалось объединения коми-зырян и коми-пермяков Пермской губернии. Этот план предусматривал расширение ее границ на востоке [7].

В статье Лыткина рассматривался вопрос об этническом составе населения в XIV в. тех территорий, которые после принятия решения Президиума ВЦИК 5 мая 1921 г. об образовании Коми автономной области в соответствии с постановлением Яренского укома РКП(б) и уисполкома от 23 июня 1921 г. переходили к Яренскому уезду Северо-Двинской области. Это были пять нижневычегодских волостей с абсолютным преобладанием русских [8].

Лыткин указывал на причину неверных представлений о составе населения нижней Вычегды в XIV в.: «Материалы, из которых черпали исторические факты о прошлом коми народа, принимались за вполне достоверные источники, не подвергая их критическому взвешиванию». Так как «главным, едва ли не единственным» была житийная литература о Стефане Пермском, Лыткин уделяет ее анализу основное внимание. Он подчеркивает, что в отличие от средней Вычегды, района компактного проживания коми, нижняя Вычегда на протяжении семнадцати лет не являлась территорией, охваченной его деятельностью. Сохранение за Усть-Вымью на протяжении длительного времени роли центра вычегдских коми свидетельствует о том, что средняя Вычегда была самым заселенным районом. По мнению Лыткина, косвенным подтверждением этого является и тот факт, что упоминаемые агиографами населенные пункты, которые посетил Стефан, обращая в христианство коми, также располагались вблизи от Усть-Выми. В тоже время в житиях нет сведений о пребывании первого пермского епископа в поселениях на нижней Вычегде [9].

Для объяснения этих фактов Лыткин выдвинул три гипотезы: 1) коми нижней Вычегды приняли христианство до Стефана; 2) на этой территории коми не было, а жили только переселенцы из Новгорода; 3) коми население в данном районе было редким. Для проверки этих предположений Лыткин использовал современные ему лингвистические данные. Они подтверждали две последние версии и указывали на то, что расселение коми, двигавшихся с юга, и русских – с юго-запада, с Сухоны и Малой Двины происходило одновременно и охватывало не только нижнее, но и, возможно, среднее течение Вычегды, к тому времени малозаселенное финским племенем емь, близким по языку к западным финнам [10]. Таким образом, Лыткин приводил аргументы, подтверждающие гипотезу И.И.Лепехина о том, что расселение русских и коми на средней Вычегде, в районе Выми, происходило на уже освоенной территории [11]. «Двуязычная колонизация», по его мнению, завершилась незадолго до начала деятельности Стефана и привела к растворению финского населения среди русских и коми. Они были очень немногочисленны и сосуществовали рядом. Он указывал на то, что выше коми колонии Котлас располагались русские поселения – Целеб и Сольвычегодск [12]. Возможно, что Лыткин использовал выводы из книги А.Дмитриева, изданной в 1890 г. [13].

Лыткин датирует ускорение русской колонизации нижней Вычегды временем водворения русского самодержавия в крае. Политический фактор, а также конфессиональный («сладость стефановского

православия»), по мнению Лыткина, привели к изменению направления миграции коми. С нижней Вычегды они двинулись на север: Ижму, Печору, Обь [14].

Лыткин отмечает, что в его распоряжении нет исторических документов, позволяющих точно определить не только время, когда завершилось заселение нижней Вычегды, но и этнический состав населения этого района в XV–XVII вв. Лыткин выделил следующие тенденции этнодемографической ситуации в этот период на территории совместного проживания русских и коми: в районах с количественным преобладанием русских происходило обрусение коми, а там, где доминировали коми, озырянивались русские. Вывод Лыткина о том, что границей между коми и русскими на нижней Вычегде является с. Межог, вероятно, был сделан на основе материалов, собранных им летом 1923 г. на нижней Вычегде, а также данных корреспондента Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете К.А.Попова, опубликованных в 1874 г. [15]. При обосновании гипотезы о том, что западная граница расселения коми проходила в этом селе уже в начале XVII в., Лыткин показал, что сведения из «Дневных записок» И.И.Лепехина не могут рассматриваться как абсолютно достоверные [16].

Ряд положений Лыткина, основанных на тщательном анализе агиографической литературы о Стефане Пермском, данных Лепехина и лингвистики, были подтверждены с некоторыми уточнениями во второй половине XX – начале XXI в. Первые поселения на Ижме и Оби предков коми-зырян датируют XII–XIII вв., а более значительную миграцию – XVI в. Конец этого же века определяется как время окончательного оформления западной границы расселения коми, со ссылкой на упоминания в писцовых книгах этого периода с. Межог [17]. Данные археологии подкрепили вывод о том, что наиболее заселенным предками современных коми был вымский бассейн, а долина Вычегды являлась их периферией [18].

В работах по археологии, этнографии, истории и этнодемографии Коми края, опубликованных в последней трети XX – начале XXI в., рисуется более упрощенная картина этнокультурного взаимодействия на нижней Вычегде к началу христианизации коми. На основе менее критического отношения к сведениям Вычегдско-Вымской летописи о миссионерской деятельности Стефана Пермского, восходящей к агиографической традиции и информации И.И.Лепехина, а также далеко не бесспорных лингвистических данных, западная граница расселения коми существенно расширяется за пределы нижней

Вычегды, которая характеризуется как «район сплошного зырянского населения» [19].

В более завуалированном виде такое представление формируется, когда акцентируется внимание на том, что на начальном этапе, до XIII–XIV вв., древнерусская колонизация европейского Северо-Востока не носила массового характера и умалчивается о сделанных в начале 1970-х гг. выводах о редкой заселенности предками коми-зырян Вычегды [20]. По существу, воспроизводится представление о западной территории расселения коми начала 1920-х гг., опровержению которого посвятил свою статью Лыткин. Что же касается значимости критики Лыткиным таких суждений для руководства Коми автономной области в середине 1920-х гг., то оно было, вероятно, связано с приоритетом объединения в рамках одной административно-территориальной единицы районов с бесспорно коми населением.

Решению другой, не менее важной задачи, была посвящена вторая статья Лыткина, опубликованная на страницах «Коми му» спустя несколько месяцев, летом 1924 г. Изучение фонетики древнерусского и коми языков, в частности изменений, происходящих при передаче коми слов в русском языке, Лыткин использовал для доказательства несостоятельности представления о «злонамеренном искажении коми произношения» русскими. Признавая, что коверкание коми слов, «особенно лицами, сугубо щеголяющими незнанием коми языка», носит сознательный характер, он подчеркивает, что трансформация определенных звуков является объективным и закономерным явлением [21]. Анализ этого явления на ряде конкретных примеров Лыткин заключил выводом о значимости изучения истории языка, который является таким же историческим памятником, как и «вещественные памятники старины; по языку могут также открываться прошлые судьбы народа». Анализ фонетических изменений в русских заимствованиях в коми языке и в коми заимствованиях в древнерусском дал Лыткину основание для утверждения о том, что первые контакты между указанными народами относятся к периоду до IX в., что было подтверждено в конце XX в. С XI по XIV в., по данным лингвистики, они не имели друг на друга большого влияния [22].

Вопрос о роли русских заимствований в коми языке в отдаленном прошлом интересовал Лыткина не только как ученого, но и как активного участника национального возрождения, одного из творцов коми литературного языка. Он определял перспективы его развития, анализируя значение этнодемографических факторов в Коми крае, прежде всего, различных аспектов миграции.

Внешняя миграция в Коми в широком смысле слова, т.е. приток переселенцев на территорию края извне и переселение за его пределы – главный предмет внимания Лыткина при рассмотрении актуальнейшей проблемы – условий жизнеспособности коми языка. Анализируя ее последствия в связи с русской колонизацией европейского Севера и Северо-Востока, Лыткин не считал ее фактором, угрожающим чистоте коми языка.

В XVI–XIX вв., когда приток русских крестьян на территорию расселения коми резко сократился, стабилизировались этнические границы коми. Включение во второй половине XVI в. в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, разгром Сибирского ханства и установление власти московских государей в Западной Сибири в конце XVI в., а также похолодание направили волну русских колонистов на новые, более удобные для земледелия территории. Такие факты дает изучение верхней Вычегды, Прилузья и Летки [23]. Вероятно, материалы по лузско-летскому диалекту, собранные Лыткиным зимой 1925 г., стали основой для приведенного выше его вывода о влиянии русской колонизации для этнодемографической ситуации в этих районах Коми края.

Вне поля зрения Лыткина в 1925 г. была ситуация в районе Сереговского солеваренного завода на р.Вымь. Его возникновение и развитие на протяжении XVI–XIX вв. привело к изменению этнического состава в этом районе – обрусению местных коми. Этот же процесс проходил на верхней Сыsole, в районе Кажимских, Ньючимского и Ньючасского заводов [24]. Верхнесысольский диалект, для которого характерно большее количество русских заимствований, чем для говора средней Сысолы, несмотря на значительное развитие в этом районе отходничества в русские уезды [25], изучался Лыткиным значительно позднее, летом 1928 г. Вероятно, именно это обстоятельство обусловило его выводы о роли такой разновидности миграции как отходничество на перспективы развития коми языка. В конце XIX в., в условиях аграрного перенаселения (избыток занятых в земледелии взрослых мужчин составлял в Усть-Сысольском уезде 75% и 67% – в Яренском) и слабого развития местной промышленности, значительная часть взрослого мужского населения и подростки уходили на заработки в Вятскую, Пермскую, Тобольскую и Оренбургскую губернии. Там они шили одежду, катали валенки, рубили дрова для горных заводов. Эта же тенденция прослеживалась в начале XX в.

Известный исследователь Коми края В.Ф.Попов, в целом отрицательно относившийся к отходничеству, отмечал его положительное влияние на личность коми крестьянина. Оно заключалось в «расши-

рении умственного кругозора населения: отходчик запасается на стороне массой знаний, понятий и наблюдений из чуждых ему и его сородичам сфер быта, из жизни с иным земельно-хозяйственным и общественно-юридическим укладом, поэтому он выглядит человеком сравнительно бывалым, с большой жизненной сметкой, с более разносторонней опытностью и в то же время с меньшей косностью сравнительно с домоседом-землепашцем или охотником-лесовиком. Таким образом, отход как бы заменяет практическую и теоретическую школу жизни, имеющую для населения при крайне малом распространении грамотности и вообще низком культурном уровне, весьма серьезное значение» [26]. Эта пространная цитата делает понятным смысл очень лаконичного заключения Лыткина о роли крестьян-отходчиков в изменении коми языка: «Отхожие промыслы становятся модными, и язык людей, занимающихся ими, испещренный элементами русского языка, становится на родине объектом подражания» [27].

Отмеченные Лыткиным заимствования неологизмов из русского языка в коми, отражающих реалии революционной России, в связи с возвращением на родину «широкой массы демобилизовавшихся солдат и красноармейцев» [28] (в годы первой мировой войны из Коми края было призвано 57% мужского населения), ставит перед необходимостью уточнения классификации миграционных процессов. В специальной литературе отсутствует однозначная трактовка этого понятия. В узком значении миграция понимается как переселение безвозвратного вида, т.е. перемещение людей между населенными пунктами или в незаселенные районы, связанные со сменой ими места жительства навсегда.

Среди способов миграции выделяют принудительный, который осуществляется по воле и под контролем государства или частных лиц, одной из форм которого была военная, т.е. мобилизация на военную службу. Авторам данного доклада плодотворным представляется широкое понимание этого процесса, которое учитывает его сложный и многообразный характер, не сводит это явление только к перемене людьми постоянного места жительства навсегда и акцентирует внимание именно на подвижности, мобильности людей в пространстве, считая его разновидностью возвратную миграцию, в ходе которой происходит возвращение мигранта по происшествии относительно длительного срока проживания в ином поселении в населенный пункт, где он жил раньше [29]. С этой точки зрения демобилизация из армии, прежде всего в период после войн, может рассматриваться как один из видов возвратной миграции.

Таким образом, научное наследие В.И.Лыткина первой половины 1920-х гг., недостаточно изученное, сохраняет свою актуальность при исследовании широкого круга вопросов истории языка, истории культуры и истории этнодемографических процессов Европейского Северо-Востока России.

Литература и источники

1. Цыпанов Е.А. Об исконных «южных словах» в коми языке // Север Евразии: этнокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 81-87.
2. Бернштейн С.Б. А.М.Селищев – славист-балканист. М., 1987.
3. Туркин А.И. В.И.Лыткин – исследователь коми диалектов // В.И.Лыткин и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1999. С. 30-31.
4. Лыткин В.И. Языковой состав населения нижней Вычегды в конце XIV в. (при Стефане Пермском) // Коми му, 1924. № 1-2. С. 55.
5. История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 289.
6. Они любили край родной. Сыктывкар, 1993. С. 22.
7. История Коми. Т. 2. С. 292-295.
8. Там же. С. 275-288.
9. Лыткин В.И. Указ. соч. С. 55.
10. Там же. С. 56.
11. Э.А.Савельева называет И.И.Лепехина автором ошибочной емской теории, не приводя ни ссылок на литературу с критикой этой теории, ни собственных опровержений. См.: Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971. С. 18.
12. Лыткин В.И. Указ. соч. С. 57.
13. Кратко позиция А.Дмитриева изложена Э.А.Савельевой (см.: Савельева Э.А. Указ. соч. С. 152).
14. Лыткин В.И. Указ. соч. С. 57.
15. Там же. Вывод К.А.Попова цитирует Э.А.Савельева (Указ.соч. С. 11).
16. Лыткин В.И. Указ. соч. С. 57.
17. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 82-84; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005. С. 85.
18. Савельева Э.А. Указ. соч. С. 152; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Указ. соч. С. 82.
19. Савельева Э.А. Указ. соч. С. 152; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Указ. соч. С. 81-82.
20. История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 1.С. 56-58.
21. Лыткин В.И. Некоторые следы взаимоотношений древнерусского и коми языков // Коми му, 1924. № 4–6. С. 79.
22. Лыткин В.И. Указ. соч. С. 78, 83.
23. Жеребцов Л.Н. Указ. соч. С. 117-120; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Указ. соч. С. 96.

24. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 258;
Жеребцов Л.Н. Указ. соч. С. 120.
25. Лашук Л.П. Указ. соч. С. 259.
26. История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 1.С. 420-430; Т.2. С. 79-84.
27. Трифонова Е.К. В.И.Лыткин об условиях формирования коми литературного языка // Областные и районные центры России и их округа в историческом процессе: управление, экономика, культура. Яренск, 2005. С. 81.
28. Там же.
29. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Указ. соч. С. 65.

*Т. А. Малкова**

**Колонизационные экспедиции на территории
Коми края (1900–1930-е годы)**

Коми край является одним из наиболее ранних районов русской колонизации. В начале XX в. на первое место выходят исследования, проводимые с целью колонизации северных территорий, выявления пригодных для заселения земель. Среди потенциальных переселенческих районов европейской России был выделен и Коми край. С помощью колонизации правительство пыталось решить ряд важных вопросов: в результате переселения жителей центра и юга России появлялась свободная рабочая сила, которая позволила бы увеличить сельскохозяйственное производство за счет новых территорий, освоить полезные ископаемые и природные богатства Севера, построить необходимые пути сообщения.

Исследования, характеризующие возможности колонизации северного региона, были организованы центральными земельными ведомствами при непосредственном участии губернских и уездных земств. Экспедиционные работы проводились Переселенческим управлением в два этапа в соответствии с «Временными правилами об образовании переселенческих участков в Пермской и Вологодской губерниях», выработанных Министерством земледелия в 1900 и 1903 гг. Предварительные обследования показали, что наиболее перспективным в сельскохозяйственном отношении является юг Усть-Сысольского уезда. В 1901–1902 гг. на этой территории работала экспедиция под руководством Л.Н.Рума. Были собраны статистико-экономические сведения о населении в бассейнах рек Летка, Ношуль, Сысола. Подводя итоги исследований, Л.Н.Рума вынужден был частично признать малоземелье крестьян Усть-Сысольского уезда.

С целью выяснения возможностей сельскохозяйственной колонизации Печорского края в 1903 г. по инициативе управляющего Архангельской казенной палатой А.П.Ушакова на средства Комитета для помощи поморам Русского Севера была организована экспедиция под руководством ссыльного врача С.В.Мартынова. Подворно-экономические исследования проводили политссылные Н.П.Грацианский и Д.В.Тихомиров, санитарные – С.В.Мартынов. Экспе-

**Малкова Татьяна Александровна (Сыктывкар) – научный сотрудник отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО Российской академии наук.*

диция не закончила обследование всего уезда и не сделала каких-либо широких обобщений и выводов относительно колонизации Печорского уезда, отметив преобладание в крестьянском хозяйстве внеземледельческих промыслов.

Этими экспедициями ограничивается первый этап поисков колонизационного фонда, и вопрос о колонизации Коми края снова возникает в связи с проведением столыпинской реформы. Переселенческое движение, принявшее в России массовый характер, требовало расширения землеотводных работ и создания в кратчайший срок достаточного колонизационного фонда. Правительству предстояло решить две основные задачи: во-первых, разработать и провести в жизнь программу планомерного научного исследования почвенно-климатических условий заселяемых районов и выявления земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения; во-вторых, подготовить колонизационный фонд к заселению, что подразумевало осуществление широких мелиоративных и дорожных работ [1].

Материалы исследований экспедиции Л.Н.Рума были использованы Печорской землеустроительной экспедицией П.И.Соколова в 1908 и 1909 гг., которая провела комплексное обследование нескольких волостей Усть-Сысольского уезда. В состав экспедиции вошли почвоведы, ботаники, статистики, инженер путей сообщения и другие специалисты (В.И.Искуль, С.Н.Курбатов, В.Д.Андреев, К.Ф.Жаков, П.А.Сорокин, В.Ф.Попов, С.Е.Брюль и др.). Итогом работ экспедиции стала прогнозная характеристика земель уезда с целью их дальнейшего освоения и заселения. За два года исследований было выявлено 752 тыс. десятин земли в 21 районе края. Участниками экспедиции было рассмотрено геоморфологическое, геологическое и почвенное строение территории с составлением почвенной карты, изучено ботаническое строение лесов, пойменных лугов и болот, охарактеризованы климатические особенности территории, выявлены перспективы транспортного обустройства исследуемых земель. Мнение участников экспедиции по вопросу колонизации уезда было неоднозначным, и если руководитель экспедиции П.И.Соколов настаивал на скорейшем проведении переселенческих мероприятий с учетом предоставления выявленного фонда и старожильческому населению, то К.Ф.Жаков и В.Ф.Попов выступали против выделения угодий для переселенцев извне, отстаивая целесообразность проведения землеустроительных работ только для местного населения [2].

Систематическое изучение сельскохозяйственных возможностей и природных богатств Печорского края связано с именем А.В.Журавского, который стал одним из первых исследователей края, привле-

кающим внимание правительственных и научных организаций к нуждам северных территорий. В его работах «Печорская естественно-историческая станция при Императорской Академии наук. Ее задачи и история возникновения», «Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса (экономический потенциал Севера)», «Приполярная Россия. Нефть в бассейне Печоры», «К проблеме колонизации Печорского края» подняты важные вопросы социально-экономического развития Севера. А.В.Журавский сотрудничал с органами землеустройства Российской империи по вопросам выявления земельных потенциалов ниже-печорских земель, по выработке принципов научного обоснования разделения России на физико-географические районы, по вопросам землеустройства в северных губерниях, подготовке и экспедиционном исследовании Печорского края.

В изучении сельскохозяйственных возможностей освоения края принимали участие и научные общества, в том числе и Русское Географическое общество. В декабре 1908 г. собрание РГО приняло решение об организации экспедиции в Печорский край с целью изучения его колонизационной емкости. Программа работ Северо-Печорской экспедиции 1909 г., возглавляемой А.В.Журавским, предусматривала не только исследование территории и выяснение места и размера колонизационного фонда, но и бюджетно-статистическое обследование населения, а также производство опытов с сельскохозяйственными культурами в разных пунктах бассейна р.Уса. По итогам экспедиции А.В.Журавским был сделан вывод о необходимости открытия Печорского края для свободного вольного заселения, а не для хлебной колонизации. С целью решения вопроса о пригодности природных условий для ведения сельского хозяйства рекомендовалось проведение многолетних агрономических опытов и стационарных испытаний [3].

В начале XX в. все исследования выполнялись в ходе осуществления общероссийских реформ и позволили изучить не только географические особенности обширных территорий, но и сделать выводы о возможности колонизации многих районов Припечорья и Привычегодья. Но несмотря на усилия участников колонизационных экспедиций, на инициативу сторонников активного переселения крестьян из западных и центральных губерний России, этого переселения в значительных масштабах в Коми крае в начале XX в. не наблюдалось.

Активизация процесса освоения и заселения Коми края связаны с советским периодом. Почти каждая комплексная экспедиция,

работавшая на территории Коми края в 1920-е гг., включала в свою программу статистико-экономическое обследование крестьянских хозяйств, изучение климатических условий для занятий сельским хозяйством и промыслами, исследование почв, лесной и луговой растительности. В 1919 г. при Народном Комиссариате Земледелия была организована Колонизационная часть, в состав которой вошла Северная Колонизационная Экспедиция, ставившая своей целью колонизационные исследования северных территорий – Архангельской, Северо-Двинской, Вятской губерний и Коми автономной области. Земледельческая колонизация Севера планировалась параллельно с колонизацией промышленной. В 1923 г. представители Северной Колонизационной Экспедиции были командированы в Коми область для сбора сведений по составлению перспективного плана колонизации территории области и подготовке программы исследований.

Регулярные колонизационные исследования Печорского края и юго-восточной части Коми области начались с 1926 г. многолетней экспедицией Наркомзема РСФСР под руководством К.Ф.Маляревского, причем уже тогда отмечалось, что «колонизация Севера и Печорского края, в особенности, мыслится как колонизация промышленная». Взяв за основу первостепенное развитие скотоводства в Печорском крае, участники экспедиции, сотрудники Академии наук Ф.В.Самбук, Ю.А.Ливеровский, В.Н.Андреев, Ю.Д.Цинзерлинг провели обширные геоботанические и почвенные исследования территории с составлением карты растительности и почв в масштабе 1:100000.

С целью изучения состояния крестьянских хозяйств с социально-экономической и организационно-хозяйственной стороны проводилось статистико-экономическое обследование, выразившееся в выборочном бюджетном обследовании хозяйств, изучении условий рынка, транспортных условий, условий сельскохозяйственного и промыслового кредита. Выявленные экспедицией земли колонизационного фонда Наркомзем РСФСР рекомендовал также для целей внутриобластного распределения, учитывая перенаселенность и нехватку земель в Сысольском и Вычегодском краях.

Несмотря на проведенные мероприятия, в первое десятилетие Советской власти не наблюдалось большого колонизационного потока на территорию Коми области в целом и в Печорский край, в частности. Группы переселенцев были малочисленными, не имели определенных целей, плохо финансировались. Однако колонизационные исследования имели важное практическое значение с точки

зрения развертывания в последующие годы сельскохозяйственного производства в районах крупномасштабного промышленного освоения и заложили основу для создания подсобных аграрных предприятий в районах нового индустриального строительства [4].

Мезенская лесо-экономическая экспедиция 1926 г. была первым опытом разностороннего обследования одного из малонаселенных и малоизвестных районов Крайнего Севера с весьма ограниченной эксплуатацией лесных массивов: бассейн реки Мезени в пределах Архангельской губернии и Коми автономной области. Помимо основной задачи по выяснению запасов древесины, необходимо было изучить проблему рабочей силы и наметить пути и возможности дальнейшего заселения Мезенского бассейна. Руководил экспедицией ученый-лесовод Г.Г.Гулюшкин. Был образован ряд исследовательских групп, каждая из которых решала конкретно поставленные вопросы. Одной из групп была экономико-статистическая под руководством М.А.Павловского – аспиранта Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики.

Ученые понимали, что проблемы эксплуатации лесов Севера могли быть разрешены только в тесной увязке со всеми отраслями хозяйства и особенно с вопросами колонизации. Впервые была рассмотрена проблема лесопромышленной колонизации и проведено экономическое районирование. Опубликованный отчет экспедиции в 677 стр. включает не только текст, фотографии, но и карты, таблицы. В разделе «Экономическая характеристика района» даны экономическая характеристика края и населенность. Представлена таблица с данными о площади, численности населенных пунктов, числе хозяйств, населении обоего пола и населении на 1 кв. км. По Архангельской губернии отмечается: по национальности главную массу населения составляют великороссы – 91%. В южной части бассейна (Вымский уезд Коми автономной области) население состоит исключительно из зырян – 99%.

При работе экспедиции и написании отчета из сводных материалов были использованы следующие: 1) Перепись 1917 и 1920 гг.; 2) Динамическая перепись по Олемской и Лешуконской волостям; 3) Данные о перевозке грузов по Мезени и Вашке; 4) Цены на товары по Мезенскому уезду в 1924–1925 гг.; 5) Данные Губстатбюро о числе лиц, занятых в промыслах по волостям Мезенского уезда в 1924 г.; 6) Товарность крестьянских хозяйств мезенского уезда в 1923–1924 гг.; 7) Статистический сборник по Архангельской губернии 1917–1924 гг.; 8) Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 г.; 9) Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 г.;

10) Материалы по районированию Северо-Восточной области;
11) Журнал «Северное хозяйство» Архангельск, 1924–1925 гг. Однако почти все перечисленные материалы были по Архангельской области, а по шести волостям Коми области не имелось никакого материала, за исключением переписей.

С использованием этих материалов была составлена специальная программа бюджетного обследования, подробно учитывающая специфические особенности хозяйств. Было выявлено, что Мезенский край не имеет достаточных трудовых ресурсов и тяговой силы, чтобы обеспечить полную эксплуатацию лесов при уровне техники на данный период. В тоже время было отмечено, что в крае имеется значительный местный рынок рабочей силы. Крестьянские хозяйства отчуждают значительное количество рабочей силы, которая на три четверти находит применение в лесной промышленности. Были рассмотрены вопросы обеспеченности лесоразработок местными трудовыми ресурсами по северной и южной частям края и намечены основные пути решения проблемы рабочей силы. Первый путь – рационализация и механизация лесозаготовок, второй – рационализация и механизация сельского хозяйства и промыслов и третий – заселение и расселение. Ученые определили для данной территории комбинированный лесо-сельскохозяйственный тип колонизации [5].

В 1930–1931 гг. на территории Коми области работала Верхне-Вычегодская охотоустроительная экспедиция под руководством ученых-охотоведов С.В.Лобачева и В.Г.Стахровского. Главной задачей экспедиции было проведение обследования промыслового населения и угодий, а также выяснение возможностей организации научно-опытного промыслового хозяйства. Сотрудники экономической партии экспедиции были ознакомлены с материалами переписи 1927 г. и контрольными цифрами по Коми области, предоставленными Московским представительством Коми области при Президиуме ВЦИК. Карта-десятиверстка, полученная в Москве, оказалась неточной и руководствоваться ею было невозможно. План Усть-Куломского леспромхоза, полученный в Усть-Куломе, стал основой, на которую наносились дальнейшие исправления в количестве 156. Был выполнен и опубликован отчет экспедиции, где помимо специальных разделов по охотоустройству, представлен общий материал, характеризующий данный район в целом.

Особый интерес представляет глава «Охотничье промысловое население», где описывается: общая численность и плотность населения, сельское и городское население, национальный и возрастной состав, численность промыслового населения, производственные

группы, возрастные категории охотников, движение численности населения и влияние этого фактора на охотничий промысел. Изучение этих вопросов дало возможность выявить перегрузку охотничьих угодий по абсолютному большинству районов, что подтверждало необходимость реконструкции промысла и сокращения численности охотников путем нового охотоустройства [6].

Первоначальным толчком к освоению территории Коми края послужили крупные комплексные экспедиции, которые были направлены в соответствии с планом ГОЭРЛО во многие недостаточно разведанные районы, включая европейский Север. Выявленные ими запасы минерально-сырьевых и лесных ресурсов предопределили ресурсно-сырьевую направленность экономики Коми края на длительную перспективу. В последующие десятилетия динамика численности населения края во многом определялась темпами и масштабами хозяйственного освоения природно-сырьевого потенциала территории.

Литература и источники

1. Очерки по истории колонизации Севера. Петербург, 1922. Вып.1; Цой Ун-Ен. Дореволюционные исследования крестьянского хозяйства Коми края в начале XX века как исторический источник. Сыктывкар, 1986.
2. Ивкова О.Д. Исследования крестьянского хозяйства в Усть-Сысольском уезде. Партия под руководством Л.Н.Рума // Вычегодский край в истории России. Сыктывкар, 1994. С. 63-66; Соколов П.И. Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии. СПб., 1910. Т.2. Усть-Сысольский уезд.; Силин В.И. Исследования Печорской экспедиции П.И.Соколова // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1997. Ч. 1. С. 88-91.
3. Носов Я.Н. Подвиг ученого. К 110-летию со дня рождения А.В.Журавского. Усть-Цильма, 1992. С. 19-21; Центральный государственный исторический архив. Ф. 41-1906, л. 63; Национальный архив Республики Коми. Ф. 340, оп. 1, д. 97; Журавский А.В. Северо-Печорская экспедиция // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1909. № 9. С. 58-68; Вехов Н.В. Из истории освоения Русского Севера. Андрей Владимирович Журавский // Московский журнал, 2001. № 2; Малкова Т.А. Новые данные об истории развития Печорской сельскохозяйственной опытной станции // Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы. Сыктывкар, 2002. С. 45-49.
4. НАРК. Ф. 139, оп.1, д. 404, л. 3-12; д. 397, л.75-199; ф.3. оп.1, д.1559, л. 20; д.1550, л. 40-43; д.1743, л. 10; Самбук Ф.В. Ботанико-географический очерк долины Печоры // Труды Ботанического музея АН СССР, 1930. Т.22; Ливеровский Ю.А. Почвы Печорского края // Труды Почвенного института АН СССР, 1933. Т.8. Вып.7.

5. Гулюшкин Г.Г. и др. Мезенская экспедиция // Труды лесоэкономической экспедиции Управления лесами НКЗ РСФСР. 1929. Вып.1. 676 с.; Милованович Д.А. Работа Печорской лесо-экономической экспедиции Управления лесами НКЗ // Коми му, 1927. Вып.3. С. 40-45.

6. Верхне-Вычегодская экспедиция. Труды Северной методологической охотоустроительной экспедиции. Вып. 1. М., 1932.

А.А. Пригарин*

**Социально-демографические характеристики
русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века:
эвристический потенциал формулярных источников**

Данное исследование следует разместить в контекст двух основных направлений современной историографии. С одной стороны, стремительно развивающейся исторической клиометрики – в перспективные попытки примерить «строгий костюм» математики и выявить логичную закономерность в непредсказуемых фактах уникальной по своей природе истории [1]. Другое же направление более традиционно (начиная с хрестоматийных В.О.Ключевского и Л.И.Мечникова) и связано с изучением территориальной экспансии как феномена русского народа.

Количественные методы в исторических работах активно применяются при анализе массовых источников – ревизских переписей, метрических и клировых книг и т.д. [2]. Обратим внимание на формулярный характер таких данных – уникальность сведений подчиняется заданной структуре. Последняя, как правило, и определяет алгоритм возможностей, а наполнение используется для демонстрации степени вариативности.

Отталкиваясь от этого опыта, попробуем показать потенциал посемейных списков, которые составлялись российской администрацией для учета вновь приобретенных территорий. Они имели фискально-стратегическое содержание и составлялись чиновниками или военными непосредственно на местах путем сплошного опроса. Такие материалы позволяют реконструировать целый ряд сюжетов в отношении народонаселения и его миграционно-демографических свойств.

Для конкретного примера взяты списки жителей Килии, Аккермана, Измаила и Жебриян 1808–1813 гг. [3]; аналогичные сведения 1819–1820 гг. [4], а также результаты VIII ревизии (1835 г.) [5] в Придунавье. В этих формулярных источниках отложились данные о населении региона на этапе его модерного освоения. Для своего анализа мы привлекли материалы об одной этнической группе – русских. О репрезентативности задействованных источников говорит

*Пригарин Александр Анатольевич (Одесса) – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И.И.Мечникова.

тот факт, что только количественно в них содержатся данные о более чем 60% от всех русских Бессарабии того времени (подсчитано в сопоставлении с военно-статистическими описаниями П.Свиньи́на, В.Корниловича и И.Батянова [6]).

Эти материалы разрешают существенно детализировать наши представления о многих аспектах жизнедеятельности русских Придунавья в начале XIX в. Особо ценными представляются возможности проследить миграции, внутригрупповые отношения, половозрастные характеристики и типологию семей, отдельные культурно-бытовые реалии. Структура предлагаемых обобщений обусловлена спецификой указанных документов. В одних из них, учитывали все население (Измаил, Жебрияны), в других – только мужское (Килия; в Аккермане женщины указывались без имен). Иногда в описаниях содержатся сведения о хозяйственной деятельности (Килия, Жебрияны, Аккерман). А в одном из документов 1811–1813 гг. содержится также подробные описания антропологического облика глав семей (Измаил).

Стоит также отметить, что данные отражают историческую, социальную, конфессиональную специфику освоения нижнего Дуная различными общностями русского народа. Реализуя «миграционную парадигму» русского народа [7], на эти территории активно переселялись бывшие донские казаки из-за Дуная («некрасовцы» из Добруджи), беглые русские мещане и крестьяне, ранее проживавшие на землях бывшей Речи Посполитой («пилипоны») и масса социально неоднородного населения непосредственно из российских территорий («великороссийского звания»). Подтверждая тезис Б.Н.Миронова о важности Раскола в формировании переселенческих потоков, подчеркнем, что большинство из них принадлежали к старообрядчеству (две первые группы полностью, а на религиозные взгляды «великороссов» указывает факт частой синонимичности по отношению к ним понятия «часовенного согласия»).

Старообрядцы на протяжении всей своей истории проявляют высокую степень мобильности. Стоило им только ощутить давление со стороны государства и официальной церкви, как сразу же вчерашнее селение могло превратиться в пустошь, а его жители уже обосновались за сотни, а иногда и тысячи верст. Желание сохранить свою веру приводило к массовым переселениям за границы России. Активное освоение сторонниками «древнего благочестия» ряда регионов Европы (конец XVII–XVIII вв.) совпало со значительным расширением владений Российской империи. Эти параллельные процессы предопределяли ситуацию, когда практически каждое

поколение старообрядцев в поисках свободы вынуждено было искать новые места жительства.

Итак, на основе формулярных источников имеется возможность для реконструкций социально-демографических характеристик (с учетом групповой вариативности) русских переселенцев на Дунай первой трети XIX в. В частности, предметами нашего внимания являлись: половозрастной состав, брачность, структура и состав семей, хозяйственные занятия.

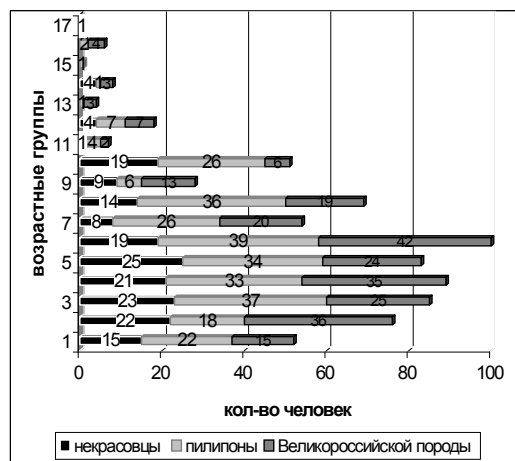
Половозрастная структура. Общая численность русских в регионе в первой трети XIX в. составляла от 1,5 тыс. (1808 г.) до 6 тыс. человек (1835 г.). В отношении других этнических групп следует отметить, что русские уступали лишь украинцам, занимая второе место по численности. На протяжении всего периода значительная часть русских проживала в городах, доля сельских жителей существенно выросла в 1820-е гг. – с 32% до 59%.

Наглядно основные половозрастные характеристики сведены в таблице и диаграммах (табл. 1, рис. 1). Обращает на себя внимание факт преобладания мужского населения над женским. На 100 особ у некрассовцев приходилось 52 мужского и 48 женского пола; у пилипонов и великороссиян (соответственно): 63:37 и 59:41 (58:42 – средний показатель для всех групп). При этом более половины особ у некрассовцев – до 20 лет, а у двух остальных групп – до средней возрастной когорты (21-40 лет). Практически минимально количество пожилых женщин во всех группах.

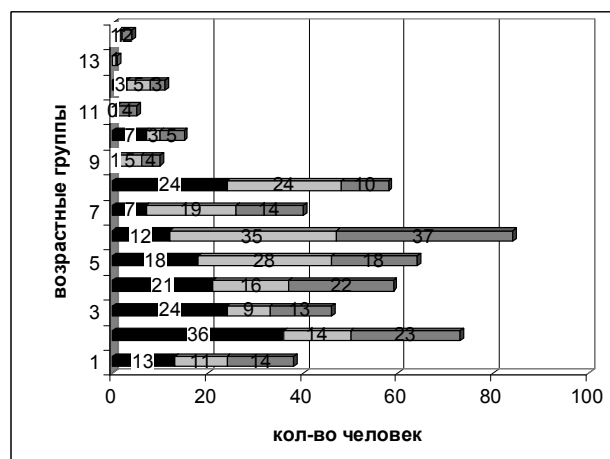
Таблица 1

Половозрастные характеристики русского населения Придунавья

Возраст		0-10	11-20	21-30	31-40	41-50	51-60	61 и старше	Всего
Некрассовцы	муж.	37	44	44	22	28	5	5	185
	жен.	49	45	30	31	8	3	1	167
	общая	86	89	74	53	36	8	6	352
Пилипоны	муж.	40	70	73	62	32	11	5	293
	жен.	25	25	63	43	8	6	2	172
	общая	65	95	136	105	40	17	7	465
“Великоросской породы”	муж.	41	60	66	39	19	9	10	244
	жен.	37	35	55	24	9	7	2	169
	общая	78	95	121	63	28	16	12	413
Итого		229	279	331	221	104	41	25	1230

мужской пол

женский пол

Рис. 1. Половозрастные характеристики русского населения
Измаила (1811–1812 гг.).

Возрастные группы: 1–5; 6–10; 11–15; 16–20; 21–25; 26–30; 31–35;
36–40; 41–45; 46–50; 51–55; 56–60; 61–65; 66–70; старше 70.

Такое гендерное соотношение является закономерным для подобных миграционных процессов в целом. Такая же картина, например, наблюдалась у старообрядцев-переселенцев на Алтае, в Забайкалье, на Дальнем Востоке [8]. Дефицит женщин в старообрядческих

общинах Придунавья ощущался вплоть до 1850-х гг. (материалы IX ревизии).

Еще одним принципиальным моментом в демографической характеристике является соотношение возрастных групп. Распределение между детьми (1–15 лет), взрослыми (16–50 лет) и пожилыми людьми (51 и старше) считается одним из типологических признаков демографических процессов в обществе. По этому критерию этнокультурные общности русских Придунавья могут быть отнесены к стабильным (пилипоны, у которых этот показатель составил 111:330:24 (в процентах – 24:71:5)), прогрессирующим (некрасовцы – 133:215:14 в абсолютных данных или 37:59:4 в %) и переходному от стабильному к прогрессирующему («великороссийской породы», соответственно 126:269:28 (30:64:6)).

У всех групп примерно равную небольшую долю составляли лица старше 51 года. Средний возраст мало варьируется по группам и составлял 37 лет с небольшим и для женщин, и для мужчин (в почти синхронном сравнении с другими территориальными группами старообрядцев прослеживается минимальная разница – против 40 с небольшим [9]). Наиболее пожилыми в списках являются мужчины 95 лет (некрасовцы), 96 (пилипоны) и 80 лет (великороссияне). У женщин всех групп максимальный возраст был одинаковым – 70 лет.

При этом значительно различались когорты детей и лица репродуктивного возраста. Если дети составляли лишь четверть у пилипонов, немногим менее трети у «великороссиян» и 37% у некрасовцев, то взрослое население, соответственно: 71, 64 и 59%.

Эта ситуация для всех групп меняется на протяжении 40 лет. К середине XIX в. все группы уже могут быть охарактеризованы как прогрессирующие – ко времени IX ревизии вырастают доли детей и пожилых людей [10].

Такое соотношение групп мы склонны объяснять моментами, связанными с условиями переселений. Особенность этого процесса у разных общностей русских повлияло на специфику демографических характеристик. Мы видим прямую зависимость от степени организованности миграций и их географии. Переселение пилипонов и великороссиян было стихийным по своей природе и существенным по пространственным дистанциям, а некрасовцев – регламентированным и недалеким. Если некрасовцы переехали на относительно небольшое расстояние, то представителям других групп пришлось преодолевать сложные и дальние маршруты. Именно эти факторы, на наш взгляд, детерминировали демографическую ситуацию у русских Придунавья начала XIX в. А именно, среди некрасовцев был наиболее сбалан-

сированный поло-возрастной состав, а у других групп можно отметить существенное преобладание мужчин молодого возраста.

Брачность. Согласно нашим подсчетам, средний брачный возраст у русских на Дунае первой трети XIX в. составлял 31–32 года для мужчин и 20–21 – для женщин. Мы исходили из предположения, что первые дети появлялись в течение первого года после заключения брака, что, учитывая старообрядческую традицию, вполне оправдано. Показательно, что он варьировался по отдельным группам (табл. 2) – для некрасовцев был в среднем меньшим, чем у пилипон, а у тех, в свою очередь, меньше, чем у «великороссиян». Это вполне объяснимо особенностями переселенческих движений.

Показательно сравнить с аналогичными подсчетами по «исторической родине». Так одной из метрополий дунайского старообрядчества являлись Стародубские слободы. В них наблюдался аналогичный возраст для девушек, но мужской возраст был меньшим – 25–29 лет. Автор проведенного анализа объясняет это пребыванием молодых мужчин на заработках, а также необходимостью достичь материального положения с их стороны для создания семьи [11]. В обоих регионах средний возраст был значительно выше, чем показатели по Центральной России (15–16 и 16–18 лет) [12]. Это приближает переселенцев к европейскому типу брачности [13].

Со временем дефицит женского населения и освоение на новых территориях приводят к заметному снижению возраста вступления в брак во всех группах: на 1835 год он уже составлял – 17–18 у девушек и 20–21 – у юношей [14]. Этот момент следует считать частным случаем реституции – временному возвращению от новой модели брачности к традиционной. В ее основе лежит, по-видимому, прагматичность в распределении земель, участок и объем которой зависели от количества семей, именно домохозяйство являлось единицей наделения.

Брачный возраст, таким образом, находился в прямой зависимости от условий переселений. При наделении земель администрация пользовалась посемейным, а не подушным принципом. Этим прагматизмом, а также нехваткой женского населения определяется существенное снижение брачной границы на протяжении одного-двух поколений. Для некоторых переселенцев 1830-х гг. зарегистрированы случаи создания семьи в 14 лет у девушек и 15 – у юношей.

Подсчеты брачного возраста также показывают, что абсолютное большинство девушек создавали семью до 22 лет. В то же время браки юношей до 25 лет составляли лишь немногим более 5%. При этом большинство женщин в репродуктивном возрасте состоят в браке (вне брака насчитывалось лишь пятая часть женской группы). Для

Таблица 2
Состав и структура сложных семей у различных групп русского населения города Тучкова (Измаил)

1811–1812 гг.												
Группы населения	Брачный возраст		Поколения			Сложных семей			Человек в них			
	муж.	жен.	1	2	3	отцовских	братских	всего	муж.	жен.	всего	индекс
Некрасовцы	31,5	18,7	24	47	9	8	12	20	53	68	121	6,1
Пилипоны	31,6	21,4	19	43	7	9	35	46	254	161	415	9,0
Великоросийской породы	32,3	21,4	20	30	16	12	22	33	214	142	356	10,8
Средний	31,8	20,5	63	120	32	29	49	99	521	371	892	9,0
1820 г.												
Группы населения	Поколения			Сложных семей			Человек в них					
	1	2	3	отцовских	братских	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	индекс
Некрасовцы	8	31	7	8	8	16	48	40	88	48	40	5,5
Великоросийской породы*	62	164	42	51	57	108	408	324	732	408	324	6,8
Средний	70	195	49	59	65	124	456	364	820	456	364	6,15

*В эту группу попали и «пилипоны», и «великороссияне».

Таблица 3
Состав и структура простых и неполных семей у различных групп русского населения
города Тучкова (Измаил)

1811–1812 гг.										
Группы населения	Простых	Человек в них			Неполных	Человек в них			индекс	
		муж.	жен.	всего		муж.	жен.	всего		
Некрасовцы	39	85	81	166	31	40	21	61	2,0	
Пилигоны	16	35	25	60	18	21	0	21	1,2	
Великороссийской породы	15	36	19	55	17	27	0	27	1,6	
	70	156	125	271	66	88	21	109	1,6	
1820 г.										
Группы населения	Простых	Человек в них			Неполных	Человек в них			индекс	
		муж.	жен.	всего		муж.	жен.	всего		
Некрасовцы	22	39	50	89	8	14	6	20	2,5	
Великороссийской породы	229	535	432	967	108	181	51	232	2,1	
	249	574	482	1056	116	195	57	252	2,3	

мужчин холостое состояние наблюдалось в 40% случаев. В среднем доля людей, состоящих в браке (индекс Э.Коула) переселенцев на Дунае, соответствовал среднему по европейской России, немногим ему уступая – 0,67 в регионе против 0,69 [15].

Соотношение семейного состояния русского населения региона показывает следующее: на 1808–1813 гг. не достигшие брачного возраста составляли – 32%; холостые и девицы – 14%; состоящие в браке – 47%; вдовы – 7%. К 1835 г. положение несколько изменяется: соответственно, 40, 15, 37 и 8%. Эти средние данные незначительно отличаются по группам. В гендерном плане стоит отметить, что на первоначальном этапе доля женщин, не состоящих в браке, была существенно меньшей, чем у мужчин: 42% женщин и 52% мужчин.

Структура семей. Типологически важным является поколенный состав семей. По этому критерию, у представителей всех групп доминировали двух- и однопоколенные семьи. Трехпоколенные составляли лишь 11,3% у некрасовцев; 10,1% – у пилипонов и 24,2% – у великороссиян. Более сложных вертикальных структур (четыре и более поколений) не выявлено.

Эта ситуация вполне соответствует структуре семей. По общепризнанной типологии, сложные семьи составляли 22% от всех некрасовских семей, 56 % – пилипоновских и 51% – великороссийских. Среди них показательна существенная доля братских семейных коллективов – совместное проживание женатых братьев. Вариативность доли таких семей по группам показывает абсолютное доминирование братских семей среди сложных у пилипонов; почти в два раза большее количество таких семей среди великороссиян и незначительное преобладание в среде некрасовцев.

Отцовские (неразделенные) семьи фиксируются также для всех групп. От общего количества семей в группах они составляют 9% (некрасовцы), 12% (пилипоны) и 18% (великороссийской породы). Показательно, что значительную часть из них составляют лишь однолинейные трехпоколенные коллективы, а оставшиеся – женатые бездетные семьи при своих родителях. Количество брачных пар на отцовские семьи составляло в среднем 2,4, т.е. было практически минимальным.

Характеризует такие сложносемейные коллективы совместное проживание не прямых родственников. Кроме некрасовцев, в других группах часто в составе семей указываются: «племенники», «тетка», «дядя», «братья двоюродные» и т.д. Нередко также присутствие родственников по браку: «теща», «тесть», «свояченица», «сестра или брат жены», «шурин», «шурья», «зять» и т.д. О повторных браках

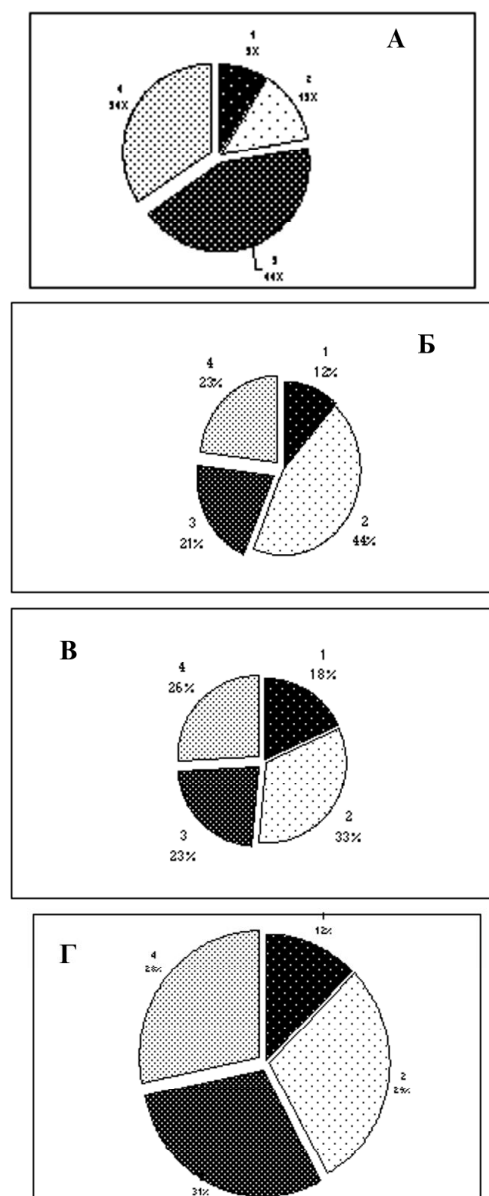

Рис. 2. Структура семей русского населения г.Измаила. 1811–1812 гг.
 (А – некрасовцы; Б – пилипоны; В – «Великороссийской породы»;
 Г – общая) 1 – сложные «отцовские»; 2 – «братские»; 3 – простые; 4 – неполные)

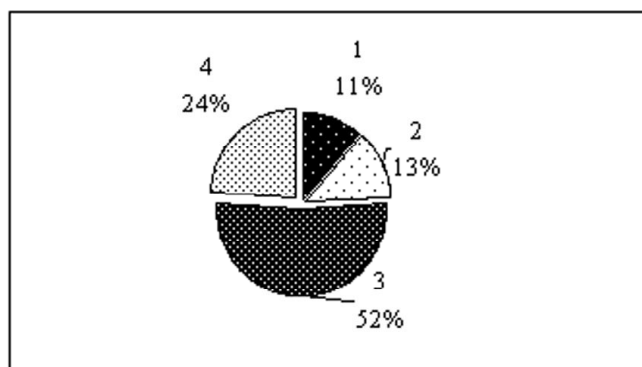
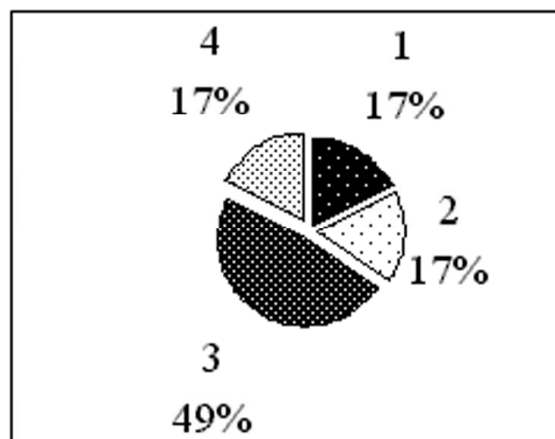

Рис. 3. Структура семей русского населения г.Измаила. 1820 г.
(А – некрасовцы; Б – «Великороссийской породы»;
1 – сложные «отцовские»; 2 – «братские»; 3 – простые; 4 – неполные).

свидетельствуют указания типа «падчерицы», «пасынки». Социально сложные явления иллюстрируют «воспитанники», «работники». Включение в состав семей последних говорит о неоднозначных социальных отношениях – как минимум о широком использовании наемного труда.

О внутрисемейных отношениях в сложных семьях говорит тот факт, что в отсутствие отца главой семьи во всех группах выступал старший женатый сын даже при наличии матери. Вдова в таком качестве выступала только в простых семьях, т.е. в семье, где не было женатого сына.

Численный состав сложных семейных коллективов также варьировался по группам. Средний показатель – девять человек на семью совпадал лишь у пилипон. У некрасовцев он составлял 6,1 чел. на семью, а у великороссиян, соответственно – 10,8 (табл. 2). Показательно, что только у некрасовцев в сложных семьях женщины преобладали над мужчинами, в остальных группах, наоборот, наблюдалось преобладание мужчин.

Большесемейные коллективы могли насчитывать до 20-25 чел. Самая большая по численности семья зафиксирована среди пилипон, в нее входило 29 чел. (17 мужского и 12 женского пола).

Анализ динамики показывает сравнение с аналогичными материалами 1820 г. Очевидна тенденция на уменьшение численности семей (этот индекс снизился до 6,15 чел. на семью). В структурном отношении выросло число отцовских семей, почти сравнявшись с братскими. Значительно уменьшилась и доля сложносемейных коллективов в целом (табл. 2).

Эти тенденции приводят к тому, что на момент VIII ревизии (1835 г.) сложносемейные коллективы составляли уже не более 10% от общего числа семей в Придунавье [16]. При этом, равную часть составляли отцовские и братские семьи. А к 1850 г. наблюдается реституция сложных семей – выявлены лишь отцовские однолинейные коллективы, которые составляли по материалам IX ревизии уже 15%.

Следующим типом семьи для всех групп можно считать простую (нуклеарную) семью – брачную пару с детьми. Она являлась основной для некрасовской группы (44%) и составляла существенную часть у двух остальных групп – пилипон (21%) и «великороссиян» (23%). Количество человек в таких семьях мало варьировалось по группам, составляя в среднем три-четыре человека. За счет большего числа детей в некрасовских семьях (на что повлияло, по-видимому, организованное переселение) у них аналогичный показатель был несколько выше – четыре-пять человек.

Стабилизация на новых территориях выравнивает этот индекс для всех групп (табл. 3). Это же способствует формированию новых семей и, частично, распаду некоторых большесемейных коллективов. На 1820 г. простые семьи составляют абсолютное большинство в рассматриваемых группах (табл. 3).

Отдельный тип представляют собой неполные семьи, в которые мы включили семьи вдовцов и одиноких холостых переселенцев. Их доля также показательна по группам. Среди некрасовцев они составляли самый больший процент (34%), характерным также было

наличие особ женского пола в таких группах. В двух других группах женщины абсолютно отсутствовали в составе неполных семей, а сами семьи составляли 23% – у пилипон и 26% – «великороссиян». В такой ситуации мы также склонны видеть влияние условий переселения – некрасовцы, имея четкие социально-экономические гарантии, переселяясь на относительно близкое расстояние, могли позволить себе заботу о нетрудоспособных членах общества.

На 1820 г. доля таких семей существенно сокращается до 24% у некрасовцев и до 17% – у пилипонско-великороссийского населения (табл. 3). При этом у некрасовцев реально сокращается количество холостых, а в двух остальных группах оно, наоборот, вырастает также как и абсолютное число семей вдовцов.

Показательно сравнение с раннее освоенными территориями. Так, данные на 1795 г. по Верхнекамью [17] более близки к дунайским 1820–1830-х гг. Это свидетельствует о том, что стабильные общины воспроизводились по близким демографическим моделям. А источники 1808–1820 гг. зафиксировали переход мигрантов к оседлости.

Еще одним важным показателем для структуры семей является индекс детности – количество детей на одну семью. У некрасовцев примерно равное количество семей имело по одному, два и четыре ребенка, немного меньшее – по три и пять. В двух семьях зафиксировано по шесть детей. Лишь шесть семей были бездетными. Таким образом, средний индекс составил 2,6 детей на семью. Принципиально на 1820 г. картина не изменилась – несколько сократилось число многодетных семей, за счет чего индекс составил уже 2,1.

У переселенцев-пилипонов большинство семей имело по три ребенка (более трех четвертей от общего числа семей). Почти каждая пятая семья имела по два ребенка. Столько же было с одним ребенком. Лишь четыре семьи являлись бездетными, а единичные – многодетными (четыре и более). При этом средний показатель был такой же как и у некрасовцев – 2,6.

Для семей «великороссиян» аналогичный индекс на 1812 г. был значительно ниже – 1,8. На такое положение оказало влияние большая доля бездетных семей. Большинство семей имело по одному-три ребенка. 10 семей могли быть охарактеризованы как многодетные – четыре и пять детей.

На 1820 г. доля бездетных семей у пилипонской и великороссийской групп значительно выросла. В остальном ситуация принципиально не изменилась. Стоит лишь отметить возросшее количество многодетных семей (4-7 детей). Однако, средний индекс составил как и у некрасовцев того же времени – 2,1 ребенка на семью.

Следует указать, что пожилые бездетные семьи часто принимали к себе детей своих родственников (племянники, внуки) или же осиротевших ребят («воспитанники»).

Хотя показательные данные приведены лишь по Тучкову (Измаилу), но есть все основания полагать, что они характеризуют состав и структуру семей у старообрядцев Придунавья в целом. Они вполне коррелируются с аналогичными по Жебриянам, Килие, Аккерману. Общими моментами являются переход к простой (нуклеарной) семье наряду с присутствием существенного количества большесемейных коллективов; исчезновение братских многолинейных семей; среднее численное уменьшение, структурное упрощение и, одновременно, увеличение количества детей. Все это происходит на фоне формирования новых форм общественной жизни, а, именно – возникновение и жизнедеятельность ряда соседско-религиозных общин в регионе.

Общественная организация. Целый ряд моментов в документах позволяет реконструировать традиции общественных отношений. Например, структура описания жителей Жебриян (1808 г.) показывает следующее устройство: в начале, отдельно – священник и дьяк, затем – «атаман», а после них – посемейные списки рядовых общинников. Так же, как и во многих других случаях (кроме Тучкова 1811–1812 гг., где хронологический принцип), наблюдается следующая закономерность – вначале полные семьи с пожилыми мужчинами, а за ними – холостые женщины и вдовы женщины.

Сам факт присутствия такого рода семей говорит о социальной солидарности и возможной заботе. Вряд ли бы вдовы с малолетними детьми решились бы на переселение, если бы не были уверены в помощи со стороны общины.

Выразительным также, на наш взгляд, является присутствие в составе семей работников (иногда до четырех на семью). Тут помимо уже отмеченного социального расслоения могла иметь место и конфессионально-социальная солидарность. В качестве таковых могли скрываться беглые крепостные крестьяне или одноверцы, прибывшие на Дунай в поисках свободы вероисповедания.

Отдельно стоит остановиться на организации религиозной жизни старообрядцев, столь важной для данных групп. В списках выявлено наличие белого и черного духовенства. Большинство монахов обособилось возле Некрасовских хуторов. Здесь в 1812–1829 гг. действовал Свято-Никольский старообрядческий монастырь [18], являвшийся значительным конфессиональным центром старообрядцев. Большинство монахов указаны как «пилипоны» из Серкова (Оргеевский уезд

Бессарабской области, где еще с середины XVIII в. действовал другой старообрядческий монастырь).

Меньше фактов о белом духовенстве. В каждой из общин имелся дяк-наставник. И лишь в одной – Жебриянах – прямо указан священник Борис Семенов сын Семенов, 70 лет. Выразительна его биография: «Из России Владимирской губернии и уезда селения Вешок посвящен в сей чин в 1771 году Ефимом епископом Владимирской и Муромской, оттоль перешел в Стародубский монастырь где проживал 27 лет и оттоль в Бессарабию в селение Жебрияны, где и проживает» [19].

Хозяйственные занятия. В ряде случаев источники начала XIX в. фиксируют занятия жителей. Благодаря этому мы можем охарактеризовать хозяйственно-социальные аспекты жизнедеятельности общин. К сожалению, эти данные касаются только городского населения и не поддаются адекватному сравнению: на 1808 г. – Килия и на 1820 г. – Тучков (Измаил). Такой характер данных делает некорректным диахронный анализ хозяйственной адаптации, но позволяет провести синхронный – показать роль отдельных хозяйственных традиций для группы.

Для русских Килии примерно в равной степени было развито земледелие (14 семей или около четверти от всего количества), рыбная ловля (16 семей), торговля (17 семей) и разные промыслы (12 семей). Две семьи жило за счет ремесел (портной и плотник). Такая структура занятий была характерна и для других этнических групп города [20]. Это свидетельствует о переходном типе Килии того времени – развитие городского уклада (торговля, ремесла) в сочетании с остатками сельского (хлебопашество).

Для общины Килии, большинство представителей которой еще недавно являлось сельскими жителями (Жебрияны и другие села Бессарабии и Добруджи), документ фиксирует начало такого перехода. Кроме этого, владельцы лавок и магазинов (т.е. купцы) не были включены в «Описание...», а были даны отдельно (всего 27 семей, количество русских не указывается).

Несколько иная картина наблюдалась в Тучкове (Измаиле) на 1820 г. Большая часть русских жителей проживало за счет «городских» занятий (ремесло, торговля, наемная работа). Эти занятия для некрасовцев являлись единичными. Большая часть некрасовской общины являлись земледельцами (26 семей) и рыбаками (10 семей). Для других русских Тучкова хлебопашество также составляло значительную часть (32,3% или 134 семьи). Показательно то, что во многих семьях указаны «работники». Так что реальное количество наемных рабочих было значительно больше.

Таблица 4

Хозяйственные занятия русских жителей городов Придунавья

	Хлебопашество	Рыбальство	Поденная работа	Разные промыслы	Торговля	Плотник	Мельник	Извозчик	Портной	Биржевик	Каменщик
Кишинев (1808)	14*	16		12	17	1			1		
Гучков (1820), в том числе:	150	21	185	12	24	19	6	12		15	4
Великороссия	134	11	183	12**	24	18***	5	9		15	4
Некрасовцы	26	10	2			1	1	3			

*Четверо занимались и земледелием, и рыбной ловлей.

**Включая: два – пильщика; по одному – колесник, щекатурищик, подевальщик, пряжник, золотых дел мастер, иконник, подевальщик, кожеварь, кузнец, сапожник.

*** Включены три столяра.

Специализация русского населения в хозяйственном укладе лишь формировалась на момент составления источников. Но даже в них отразились основные тенденции – к концу XIX в. русские (особенно – старообрядцы) прочно заняли позиции в рыболовстве, извозничестве, торговле, строительстве.

В заключение мы можем констатировать, что рассмотренные архивные материалы позволяют реконструировать ряд аспектов процессов миграции и формирования русского населения в Придунавье начала XIX в.

Во-первых, мы можем восстановить социально-культурное многообразие колонизации русскими Придунайских земель. Оно ярко проявляется в ряде исторических наименований общности зафиксированными источниками (некрасовцы, пилипоны, часовенные). Они отражают особенности колонизации и специфику положения представителей данных групп.

Во-вторых, демографические характеристики по отдельным группам показывают определенную зависимость между формами колонизации и половозрастным составом населения, структурой семей. Организованные формы переселений предопределяли равное гендерное соотношение, широкий возрастной диапазон, доминирование простых (малых) семей. Такие признаки прослеживаются среди некрасовцев. Преобладание мужчин, практически отсутствие людей пожилого возраста, большая доля сложных семей характеризуют группы пилипонов и великороссиян.

В-третьих, источники позволили осветить вопросы хозяйственной адаптации русских к условиям Придунавья. Региональной чертой следует считать значительную роль рыболовства. Наряду с ним важными укладами являлись земледелие, ремесла и торговля.

В целом, проведенные подсчеты позволяют характеризовать группу как переходную. С одной стороны, русские на Дунае представляют собой миграционную общность. А с другой, именно такая природа предопределила усиление тенденций к переходу на европейскую модель воспроизводства – стабилизация высокого брачного возраста, доминирование нуклеарной семьи, маргинализация городских типов хозяйствования. Примечательно в этом плане сочетание старообрядческой модели с модерной. Спецификой является высокий индекс детности, низкая доля людей, не состоящих в браке, возможно, редкость повторных браков и разводов и т.д.

Литература и источники

1. Среди ярких примеров теоретико-методологических рефлексий по этому направлению стоит отметить: Миронов Б.Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. Л., 1991; Историческая информатика: Уч. пособие / Под ред. Л.И.Бородкина, И.М.Гарсковой. М., 1996 и др.
2. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967 и др.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. МА, оп.165, д.27 за 1808 г.; Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО) в г.Измаил. Ф. 514, оп.1, д. 1-5.
4. ГАОО в г.Измаил. Ф. 514, оп.1, д. 33, л.127–179 об.; Национальный архив Республики Молдовы (далее – НАРМ). Ф. 5, оп.2, д.448, л. 51-56 об.; д. 495, л. 143-148 об., 305-307, 324 с об. и др.
5. НАРМ. Ф.134, оп.2, д.5, 25, 44, 130, 131.
6. Свиньин П. Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. 1876. Т. 6. С. 175-320; Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака. Аккерман, 1899.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Т.1. СПб., 2003. С. 28.
8. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 226-228; Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С. 191-192.
9. См., например: Пушков В.П. Ревизская сказка 1795 г. по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхнекамья // Мир старообрядчества: история и современность. Вып.5. М., 1999. С. 51-52.
10. Пригарин А.А. Семья у некрасовцев Бессарабии: по материалам ревизских переписей первой половины XIX века // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Т.3. Одеса: Друк, 2002. С. 331-333.
11. Волошин Ю.В. Брачный возраст и брачный рынок «Государевых описных малороссийских раскольнических слобод» (вторая половина XVIII века) // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции «Старообрядчество как историко-культурный феномен» (Гомель, 27-28 февраля 2003 г.). Гомель: ГГУ, 2003. С. 36-43.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 167.
13. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 23-33.
14. Пригарин А.А. Семья у некрасовцев Бессарабии... С. 332; Подсчитано на основе ревизских сказок: НАРМ. Ф.134, оп.2, д. 5, лл. 219 – 238, 358-367 об.; д.44, л.3-84; д.130, лл.100-112; д.131, лл.31-42.

15. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 172.
16. Пригарин А.А. Семья у Некрасовцев Бессарабии... С. 332; Подсчитано на основе ревизских сказок: НАРМ. Ф. 134, оп.2, д. 5, лл. 219–238, 358–367 об.; д.44, л.3-84; д.130, лл.100-112; д.131, лл.31-42.
17. Пушкин В.П. Ревизская сказка 1795 г. по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхнекамья // Мир старообрядчества: история и современность. Вып.5. М., 1999. С. 41–74.
18. Сапожникова Т.Д. Из истории создания и ликвидации Николаевского старообрядческого монастыря... С. 237–243.
19. РГВИА. Ф. МА, оп.165, д.27 за 1808 г., л. 8.
20. Бачинська О.А., Пригарин О.А. Етнокультурна характеристика населення міст Нижнього Подунав'я на початку XIX ст. (за матеріалами "Опису Кілії" 1808 р.) // Південна Україна XVIII – XIX століття: записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. Вип.6. Запоріжжя: РА "Тандем-У", 2001. С. 70-71; Бачинська О.А. Українське населення Придунайських земель. XVIII – початок XX ст. (Заселення й економічне освоєння). Одеса, 2002. С. 231.

*Е. М. Берестова**

**Половозрастная структура населения Удмуртии
по материалам ландратской переписи 1716 года**

В 1715–1717 гг. в России проводилась очередная подворная перепись, порученная специально назначенным ландратам (советникам от дворян уезда). Южная часть современной Удмуртии в тот период являлась административной единицей Казанской губернии. Перепись «ясашных крестьян и новокрещенов, и вотяков и татар и черемисы» Арской дороги была осуществлена ландратом Данилом Варыпаевым в 1716 г. Территория Арской дороги была разделена на шесть сотен, возглавляемых сотниками – выборными из крестьян, неоднородных по территории и численности населения.

Сохранившиеся до наших дней материалы переписи (РГАДА. Ф. 350, оп.1, д. 1061) являются наиболее ранним массовым источником по демографической истории Удмуртии. Чрезвычайный интерес перепись представляет для изучения половозрастной структуры населения. Каждый двор описывался отдельно, с указанием пола, возраста и родственных отношений проживавших там людей, отмечался также размер тягла, количество убывших и причины убыли (смерть, бегство, переселение и замужество). Разумеется, возраст, из-за отсутствия точных данных о дате рождения, записывался весьма приблизительно и обычно округлялся до пяти или десяти. По каждому населенному пункту переписчики подробно фиксировали количество и возраст всех жителей мужского и женского пола. В заключении описания сотни подводился общий итог, где возраст населения указывался в пятилетних (до 20 лет) и десятилетних интервалах. При этом подсчитывались и отдельные данные по этносам и конфессиональным группам, и общие по всем категориям населения. Благодаря этому мы можем получить четкое представление о половозрастной структуре населения Удмуртии.

Наиболее полно в настоящий момент проанализированы данные по трем, наиболее густонаселенным сотням: Ямая Досмякеева, Прони Янмурзина и Токбулата Рысова. Всего на территории этих сотен в 1716 г., без учета пришлого населения, проживало 10030 чел., в том числе 4940 муж. и 5090 жен. Удмурты составляли 79% от общего

**Берестова Екатерина Михайловна (Ижевск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.*

числа учтенного населения, русские – 20%, татары – 1%. В конфессиональном отношении состав населения также не был однородным, часть населения, а именно русские и крещенные удмурты, являлись православными – 20% и 7% соответственно, татары – мусульманами (1%), а подавляющее большинство удмуртов – язычниками (72%). По сотням население располагалось не равномерно. Наибольшей по численности населения являлась сотня Янмурзина – 4594 чел., следующей была сотня Досмякеева – 3518 чел., затем Токбулатова – 1918 чел. Большая часть русских была сосредоточена в сотне Прони Янмурзина, татары проживали в сотнях Досмякеева и Рысова, крещенные удмурты – в сотне Досмякеева.

Возрастная структура всех категорий населения в процентном соотношении выглядела следующим образом: дети до 5 лет составляли 10, 2% от общей численности населения; от 5 до 10 лет – 13,2%; от 10 до 15 лет – 8,2%; от 15 до 20 лет – 6,6%; от 20 до 30 лет – 20,3%; от 30 до 40 лет – 18, 7%; от 40 до 50 лет – 11,5%; от 50 до 60 лет – 6,7%; от 60 до 70 лет – 3%; от 70 до 80 лет – 1,2% и число жителей старше 80 лет составляло менее 1%. Существует очевидная диспропорция, почти в полтора раза, между числом детей до 10 лет и возрастной группой от 10 до 20 лет. Однако незначительная разница между группой от 20 до 30 лет и группой от 30 до 40 лет, вызванная естественной убылью, не свидетельствует о возможном снижении рождаемости ввиду меньшей численности населения репродуктивного возраста. Высокая детская смертность также не может служить приемлемым объяснением такой «демографической ямы», так как ее наибольшие показатели приходятся на возраст до 5 лет. Вполне возможно, что причиной резкого уменьшения населения именно в возрасте от 10 до 20 лет являются неблагоприятные экономические условия, сложившиеся на рубеже веков и (или) эпидемические заболевания. При этом этническая принадлежность населения не играла роли. Такая демографическая ситуация должна была вызвать последующий спад рождений в более поздний период, при вступлении этой группы в репродуктивный возраст. К сожалению, отсутствие исследований такого рода, применительно ко второй половине XVIII в., не позволяют проследить последующие изменения рождаемости.

Половозрастная структура населения также имеет весьма существенные особенности. В процентах соотношение полов в разных возрастных группах выглядит следующим образом: мальчики в возрасте до 5 лет составляли 7,4% от общего числа мужского населения, девочки – 12,9%; от 5 до 10 лет – 10,6% и 15,7% соответственно; от 10 до 15 лет – 7,7% и 8,7%; от 15 до 20 лет – 9% и 4,5%; от 20 до 30 лет –

23, 3% и 17,4%; от 30 до 40 лет – 18,5% и 18, 9%; от 40 до 50 лет – 12,2% и 10,9%; от 50 до 60 лет – 6,9% и 6,6%; от 60 до 70 лет – 3% и 2,8%; от 70 до 80 лет – 1% и 2,8%; старше 80 лет – 0,5% и 0,3%. Совершенно очевидна значительная разница в количестве мужского и женского населения в некоторых возрастных группах. Так, в группе до пяти лет количество девочек превышает число мальчиков почти в два раза, в группе от 5 до 10 лет – в полтора раза. Такая диспропорция трудно объяснима с точки зрения рождаемости, так как известно, что число родившихся мальчиков чаще всего больше числа девочек. В целом, среди русского населения более характерной является тенденция занижения числа детей женского пола, однако эти наблюдения относятся уже к более позднему периоду, второй половине XVIII–XIX вв.

Вероятнее всего, тяжелая социально-экономическая ситуация, в частности, усиление налогового бремени, наборы рекрутов и работников, вызванные петровскими реформами, привели к тому, что при проведении переписи крестьяне очень часто утаивали от переписчиков детей мужского пола. Об этом косвенно свидетельствуют и некоторые другие источники. Это было связано с тем, что при налогообложении, в первую очередь, принималось во внимание количество работников мужского пола, как основных плательщиков тягла. При высокой смертности детей, крестьянам, очевидно, было невыгодно регистрировать всех мальчиков. Так, даже в случае их смерти до следующей ревизии сумма налога не уменьшалась. Только в возрастной группе от 10 до 15 лет количество мальчиков и девочек выравнивалось, так как уже не было смысла и возможности скрывать выросших детей.

В возрастной группе от 15 до 20 лет, наоборот, наблюдается резкое уменьшение, почти в два раза, лиц женского пола. Это, возможно, обусловлено вступлением девочек в репродуктивный возраст и высокой смертностью во время первых родов. На это указывают также ранние браки, характерные для крестьян этого периода, и отмеченные в переписи частые случаи вдовства мужчин в возрасте 18-20 лет. С недостатком женщин брачного возраста связаны сохранение среди удмуртов обычая левирата и наличие большого числа холостых мужчин в возрасте до 30 лет, тогда как незамужние девушки старше 16 лет практически не встречаются.

В следующей возрастной группе диспропорция между мужчинами и женщинами уменьшается, а в возрастных группах от 30 до 70 лет количество мужчин и женщин примерно одинаково. В группе от 70 до 80 лет женщины вновь численно преобладают, почти в два раза,

что свидетельствует о меньшей средней продолжительности жизни мужчин. Но среди лиц, переживших девяностолетний рубеж, мужчины встречаются в полтора раза чаще.

Вышеуказанные особенности половозрастной структуры наиболее четко прослеживаются на примере удмуртов, составлявших большинство населения и несших основное налоговое бремя. Тем не менее, данная разница в соотношении полов заметна и на русском населении, хотя в тот период происходит активное освоение края, и на демографическую картину существенно влияли миграционные процессы.

Таким образом, ландратская перепись является чрезвычайно ценным источником и дает возможность для детального изучения половозрастной структуры и типологии семьи населения юга Удмуртии в первой четверти XVIII в.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-01-80102 а/У.

В. С. Дерябин*

**Ревизская сказка Кудымкарской волости 1850 года
как источник для изучения демографического развития
Пермского края в середине XIX века**

Заселение уральских земель русским населением, как неоднократно отмечали в своих исследованиях В.А.Оборин, И.Л.Жеребцов, Г.Н.Чагин, в XVI–XIX вв. шло неравномерно. Вне сомнения, русская стихийная, а в последствии – планомерная колонизация, в значительной степени привела к ассимиляции коми-пермяков. В 1846 г., приступая к изучению быта иньвенских коми-пермяков и написанию грамматики пермского языка, Н.А.Рогов указывал на то обстоятельство, что он вынужден заняться подобной работой только потому, что у него вызывает беспокойство быстрое обрусение коренного народа. С 1880-х гг. в церковно-приходских школах Пермского края стала успешно внедряться система Ильминского, прежде всего, выпускником Казанской духовной семинарии Е.Е.Поповым, автором азбуки коми-пермского языка.

Однако демографическое исследование Г.Н.Плотниковой, изучившей коми-пермское население Урала в 1860–1900-х гг., убедительно доказало, что коренное население выросло с 70 тыс. до 103 тыс. душ обоего пола, которые проживали в Пермской и Вятской губерниях [1].

Какие социально-экономические факторы обусловили планомерный рост автохтонного населения в Иньвенском крае? Исследуя историю Кувинского чугуноплавильного завода, А.М.Кривошеков приходит к следующему выводу: несмотря на то, что основным источником сырья для завода являлась болотная руда, находящаяся на довольно большом расстоянии, С.Г.Строганов обосновал его строительство той целью, чтобы коми-пермяки, работая на добыче руды, ее извозе, изготовлении древесного угля, были бы способны платить налоги, как в государственную казну, так и в строгановский майорат [2].

О тяжелом социально-экономическом положении местного населения свидетельствует ревизская сказка Кудымкарской волости 1850 г., ныне хранящаяся в фонде 3 Коми-Пермского окружного государ-

*Дерябин Валерий Семенович (Кудымкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Коми-пермского отдела общественных наук Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

ственного архива. Данные переписи сравниваются с данными 1834 г. В ревизии указаны пофамильно дворовые и крепостные крестьяне, а также место, откуда они прибыли, и их передвижение [3].

В Кудымкарскую волость в 1850 г. входило с. Кудымкар с 28 деревнями и 19 починками. Если в 1834 г. в волости проживало 1536 чел., то в 1850 г. – 3796 душ обоего пола. Исследование фамилий показало, что в с. Кудымкар проживало, в основном, русское население: оно составляло большинство в 15 деревнях и 12 починках. Географическое изучение поселений свидетельствует, что русские и коми-пермяки проживали чересполосно. Однако крестьянские общества не разделялись по национальному признаку.

Анализ ревизии показывает, что кудымкарская семья, как правило, была четырехпоколенная, в ней числилось от 12 до 16 чел. (как правило, дедушка и бабушка, их два-три сына с семьями). Из 256 семей Кудымкарской волости недоимки числились за 192. Результаты ревизии только в Кудымкарской волости убедительно свидетельствовали, что С.Г.Строганов принял решение строить Кувинский чугуноплавильный завод в 1853 г. не только в интересах собственных доходов, но и в надежде повысить благосостояние собственных подданных. Последний же фактор впоследствии способствовал значительному увеличению численности титульного населения в Пермском крае.

Литература и источники

1. Плотникова Г.Н. Коми-пермяцкое население Урала в 1960-е – 1900-е годы XIX века (численность и расселение) // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы I Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 1997. С. 226.
2. Кривошеков А.М. Кувинскому чугуноплавильному заводу 140 лет // Там же. С. 214-219.
3. Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. 420 л.

Ю. Е. Вечтомова*

**Вопросы народонаселения
в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии»**

В конце XIX – начале XX в. в русском обществе возрос интерес к своему историческому прошлому. Как среди столичных ученых, так и среди провинциальных исследователей значительно вырос интерес к истории отдельных областей. Печать призывала «к совместному труду на пользу края». Местные любители истории стали активно писать статьи по экономике, этнографии, культуре и быту родного края.

К концу XIX в. в среде провинциального общества появилось ядро просвещенной, прогрессивно мыслящей интеллигенции, которая с энтузиазмом взялась за всестороннее изучение своего края. Они ставили своей целью прописать историю родного края в общерусской истории. Возросший интерес к прошлому показал необходимость организации на местах исторических обществ. Так появилась идея академика Н.В.Калачева о создании в губернских центрах архивных комиссий. Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК), первые из которых были открыты в 1884 г. в Рязанской, Тамбовской, Тверской и Орловской губерниях, стали связующим звеном между провинциальной исторической мыслью и столичной наукой.

Вятская ученая архивная комиссия (ВУАК) была создана на волне общественного подъема в канун первой Русской революции и являлась 25-й по счету в России. ВУАК проработала всего 14 лет, но за эти годы сумела подготовить и издать 46 выпусков «Трудов» – больше, чем другие ГУАК, созданные в начале XX в. Основной задачей, которая ставилась при создании ГУАК, была «архивная» работа, т.е. «сосредоточение и вечное хранение архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее важных в историческом отношении» [1]. Сами же ГУАК зачастую на первое место ставили свою «ученую» деятельность: разработка исторических документов, написание на их основе статей касающихся всех сторон жизни родного края.

Одной из ведущих тем, которой занимались местные исследователи, являлась тема народонаселения своего края. Видным историком Вятского края, посвятившим около 60 работ истории удмуртов,

*Вечтомова Юлия Евгеньевна (Киров) – аспирант кафедры истории и краеведения Вятского государственного гуманитарного университета.

был член ВУАК Павел Николаевич Луппов [2]. Серьезно заниматься историей удмуртов Павел Николаевич начал, будучи студентом 4-го курса Московской духовной академии. Тему кандидатского сочинения Луппов сформулировал так: «Христианство у вотяков со времени первых известий о них до XIX века». По удмуртам в то время практически не существовало литературы, но Луппов любил быть первопроходцем в своих исследованиях. Эту свою черту он объяснял так: «В своем кандидатском сочинении мне хотелось сказать что-нибудь новое, неизвестное читателям, а не перефразировать только старый, уже заезженный материал» [3]. Луппову повезло – он нашел в архиве Вятской духовной консистории брошенный в беспорядке фонд XVIII по обращению вотяков в христианство. Луппов писал, что удмурты являлись одним из финских племен северо-восточной России. Это племя было невелико, всего около 380 тыс. чел., и проживало оно на территории Вятской, Казанской, Самарской, Уфимской и Пермской губерний. Однако основная их масса (до 90%) обитала в Вятской губернии [4]. В своей работе Луппов в общих чертах рассказал о первоначальной истории вотяков, их быте, дал сведения о язычестве удмуртов, о распространении среди них христианства, развитии просвещения и т.д.

Будучи членом Вятской архивной комиссии, Луппов написал вторую монографию по истории удмуртов «Христианство у вотяков в первой половине XIX века». Эта монография являлась продолжением первой, но была гораздо более узкой по тематике. Она была напечатана в I–II выпусках «Трудов» ВУАК за 1911 г. Как и первая монография Луппова по удмуртам, вторая его работа носит историко-этнографический характер, но в большей степени отвечает своему названию. В ней Луппов дает подробный анализ деятельности Вятских епархиальных властей и миссионеров по христианизации удмуртов в XIX в. Задачей исследования Луппов видел освещение хода миссионерской деятельности в одном из нерусских племен европейской России.

Луппов подчеркивал, что первая половина XIX в. являлась временем значительного оживления миссионерства в России: появлялись новые миссии, на удмуртский язык были переведены Евангелие и некоторые молитвы, христианизация удмуртов стала предметом усиленной заботы Вятского епархиального начальства и Высшего духовного управления. С 1801 по 1850 г. число церковных приходов в вотских районах увеличилось на 78%, что значительно приблизило христианский храм к удмуртам, изменился и внешний вид храмов (деревянные церкви заменялись на каменные). Улучшался

состав приходского духовенства: в 1830-х гг. две трети священников имели образование не ниже философского класса духовной семинарии. В это же время организовывались специальные миссии среди удмуртов, а миссионерами выбирали лиц, владеющих удмуртским языком и хорошо знакомых с их бытом и обычаями.

Задачи миссионеров оставались прежними: приучение удмуртов ходить в церковь на богослужение, исправлению христианской требы (крещение младенцев, исповедание, причащение, соблюдение постов и т.д.). Главным способом христианизации Луппов называл принуждение, но в XIX в. все чаще стали использовать увещание, убеждение. Усилилось обучение удмуртских детей грамоте, оно велось в специальных начальных школах и на квартирах членов причта. Луппов писал, что в первой половине XIX в. значительно усилилось влияние русского народа на удмуртов. Это было связано с увеличением притока русских в вотские районы. Возросло количество смешанных браков. На юге же, по словам Луппова, заметно сильнее было влияние на вотяков со стороны татар (магометан), внешне враждебных христианству [5].

Лупповым были найдены данные по численности удмуртов в некоторых уездах Вятской губернии: так в Глазовском уезде на 1802 г. по рапорту губернатора Рунича насчитывалось 23595 удмуртов, в Сарапульском уезде – 20121, в Елабужском – 10599, в Уржумском – 2531, в Слободском – 915. Луппов подчеркивал, что данные приводились только по мужскому населению. Таким образом, видно, что в Глазовском уезде удмурты являлись преобладающей частью населения, при 20203 русских и 1770 татар. В Сарапульском и Елабужском уездах удмурты составляли вторую по численности группу населения.

Тщательно проанализировав источниковую базу, Луппов пришел к выводу, что процесс обращения удмуртов в христианство ко второй половине XIX в. далеко еще не был завершен, оставались тысячи некрещеных удмуртов. Даже крещеные удмурты зачастую оставляли своих детей некрещеными. Поскольку удмурты принимали христианство в основном либо по принуждению, либо из-за материальной выгоды (денежные награды, льготы по воинской повинности и другие), то они и являлись плохими христианами. Они не проявляли желания усваивать учение и обряды христианской веры, а, наоборот, всячески старались уклониться от новой веры. В душе удмурты, по словам Луппова, оставались еще язычниками, но, не отрешаясь от язычества, выполняли и христианские обряды. Луппов писал, что в XIX в. среди удмуртов начало укореняться религиозно-психологическое состояние двоеверия, когда в умах вотяков укре-

пилаась мысль, что и христианская вера может быть полезна, что «надо и по-вотски, и по-русски молиться» [6].

К данной монографии Лупповым было дано солидное приложение в виде документального материала на 339 страницах. Этот материал является ценной источниковой базой: в 145 документах (указах, письмах властей, отчетах миссионеров и т.д.) можно найти сведения по домашнему быту удмуртов, пище, одежде, их обычаях. Репутация Луппова как лучшего знатока истории удмуртов оставалась непоколебимой и после Октябрьской революции. Не случайно власти Вотской (а затем Удмуртской) автономной области неоднократно обращались к нему в 1920-е гг. с просьбой написать историю удмуртского народа.

Другим исследователем по истории народов Вятского края был историк, археолог, этнограф Михаил Георгиевич Худяков. Еще будучи студентом историко-филологического факультета Казанского университета Худяков начал сотрудничать с Вятской архивной комиссией. Он всерьез занялся археологией и историей родного Малмыжского уезда. В 1915–1917 гг. в «Трудах» ВУАК было опубликовано более 10 его работ по истории Малмыжа: «Исторический очерк города Малмыжа», «Материалы по истории татар Малмыжского уезда» и другие. Эти работы содержат ценный материал по истории удмуртов, татар, черемис.

В предисловии к «Историческому очерку города Малмыжа» Худяков дал обзор литературы о Малмыже от записок Н.П.Рычкова, написанных в 1770 г., и до 1903 г. Худяков писал, что изучение истории Малмыжа значительно замедлилось из-за того, что в 1780 г. Малмыж был отделен от Казанской губернии и передан в Вятскую губернию. Таким образом, казанские ученые перестали интересоваться Малмыжем «как чужим городом», а вятские историки занимались в основном коренными вятскими городами. Худяков начал очерк с вопроса о первых жителях края. В эпоху бронзового века, по его словам, будущий Малмыжский край был заселен одним из финских племен, которое распространило свои стоянки от Кукарки до Уфы, от устья реки Белой до Камы. Из современных племен, живущих на территории Малмыжского уезда, первыми появились вотяки, пришедшие с северо-востока, из бассейна реки Чепцы. Они заняли левый берег Вятки и значительную часть территории между Вяткой и Волгой, образовав так называемую Арскую землю. В состав Арской земли вошли вся нагорная часть Малмыжского уезда и северные части Казанского и Мамадышского уездов [7].

В подтверждение своей точки зрения Худяков привел названия деревень и рек, оставшихся после удмуртов. Например, вотские речные имена, оканчивающиеся на «ма»: Шурма, Тойма, Нурма, Ошторма. Позднее удмуртов в Малмыжском крае появляются черемисы, они шли с запада. Черемисы не образовали сплошного населения и расположились островками среди вотяков. Значительные черемисские поселения в основном находились по нижнему течению реки Шормы и на левом берегу Вятки. Здесь черемисы начали теснить удмуртов за реку Вала и на среднее течение Кильмези. Черемисские поселения проникли далеко вглубь вотского края, но победы, одержанные удмуртами над черемисами в верховьях реки Кильмези и между селами Селты, Мултан и Старая Мокья, положили конец этому движению.

Каждая глава очерка Худякова посвящена отдельным периодам в истории Малмыжа. Первая глава рассказывает о «черемисском периоде» в истории Малмыжа (XV век – 1550 или 1553 г.). В данной главе Худяков анализирует название «Малмыж». Он соглашается с мнением ряда знатоков черемисского языка, которые выводят название «Малмыж» от черемисского «малымаш» (спанье), т.е. «место отдохновения (сна)». Худяков писал, что Малмыж становится известен только в эпоху татарского владычества, т.е. не ранее XV в. После распада Золотой Орды власть над черемисами перешла к Казанским ханам (1437 г.), которым черемисы платили дань. Политическое значение Малмыжа как черемисского княжества Худяков считал сильно преувеличенным.

Вторая глава посвящена покорению Малмыжа. Худяков привел два мнения относительно времени покорения. Первая точка зрения принадлежала Н.П.Рычкову и С.К.Кузнецову. Согласно ей, покорение Малмыжа произошло в 1553 г. во время похода Даниила Адашева на «непокорных инородцев» по Волге, Каме и Вятке. Ф.И.Елабужский и С.В.Шубин полагали, что Малмыж пал раньше Казани, во время первого похода Ивана IV на Казань, в 1550 г. Худяков писал, что летописного рассказа о взятии Малмыжа нет, существуют только косвенные доказательства в пользу и той, и другой версии. Далее Худяков привел ряд доказательств в пользу обеих версий.

Третья глава «Адашевский период» имеет хронологические рамки с 1550 или 1553 г. по 1580 г. В течение этого периода Малмыж являлся всего лишь военным постом – «укрепленным островком русской дружины, окруженной со всех сторон враждебными инородцами». Это было «время упадка и запустения прежнего княжества». «Положение русских, в течение по крайней мере тридцати лет, было

самое неопределенное... инородцы встретили русских поселенцев враждебным образом. Русские поселенцы, состоявшие из беглых, не желающих платить подати по писцовым книгам, преступников, ушкунников явились сюда не столько колонизировать Малмыж, сколько пожить чужим добром и пожить за чужой счет» [8]. Конец «адашевскому периоду» был положен основанием в Малмыже крепости и поселение в ней стрелецкого отряда. Постройка крепости стала своего рода вторым основанием Малмыжа. В это же время в Малмыже было введено воеводское управление. В 1584 г. правительство Федора Иоанновича осуществило обширную программу построения линии Заволжских крепостей. Были построены Царево-Санчурск, Яранск, Царев-Кокшайск и Уржум. Малмыж так же вошел в состав Заволжской линии. Быстро начало расти население пригорода Малмыжа. К своей работе Худяков дал приложение, в которое вошли рассказ о покорении Малмыжа, указы, касающиеся Малмыжа, и многие другие документы.

В статье «Материалы к истории татар Малмыжского уезда» Худяков повествует о приходе татар на территорию Малмыжского уезда, их влиянии на черемис. Первые татары появились здесь после 1431 г., когда русское войско положило конец Болгарскому ханству. Жители его бежали в леса, покрывавшие правую сторону Камы, слабо заселенную черемисами и удмуртами. Благодаря своей грамотности, культуре болгарские татары имели сильное влияние на коренное население. Мусульманские проповедники приобретали много последователей среди язычников. Следующая волна татар хлынула после покорения Казанского ханства. Татары быстро заселили Янглуловскую, Цыпьянскую и Четаевскую волости Малмыжского уезда, где находились деревни черемис и удмуртов. Слабые русские отряды часто оказывались осажденными многочисленными татарами. Именно нападения татар стали причиной построения в Малмыже крепости. В заключении статьи Худяков делал вывод, что хотя «татары потеряли свою политическую независимость, утратили культурное влияние на черемис, но они остались наиболее стойким элементом среди инородцев, мало подвергшимся обрусению» [9].

Главными вопросами в истории Вятского края этнограф Дмитрий Константинович Зеленин считал хронологический (когда появились первые русские поселенцы на Вятке) и этнографический (какая этнографическая группа великороссов первой поселилась на Вятке). Историк и этнограф Вятского края, товарищ председателя ВУАК и редактор «Трудов» комиссии Александр Степанович Верещагин во многом ответил на эти вопросы в своей работе «Вопрос о перво-

начальном заселении Вятского края» и в предисловии к «Повести о стране Вятской».

Изучая вопрос о том, кто были первые поселенцы на Вятке, Верещагин рассматривает несколько теорий. Верещагин писал, что хотя прочно установилось мнение, что первыми поселенцами были новгородцы, но существуют и другие версии. Так, в XVI в. известный польский хронист Матвей Стрыйковский в своей «Хронике» писал: «Князи Кий, Щек имели под своей властью других князей, из коих главные – Радим – от которого родимичи и Вятко – от которого вятчане». Сходство названий Вятко и р.Вятка привели Стрыйковского к идее о тождестве вятчан и вятичей. Впоследствии эта теория неоднократно повторялась, в том числе и князем Щербатовым в его «Российской истории», а также историком Рычковым. Только в конце XVIII в. И.Н.Болтин высказался против отождествления вятчан и вятичей, а после появления в печати «Повести о стране Вятской» и благодаря ряду историков началось торжество «новгородской теории».

Одной из главных работ Верещагина было опубликование им в «Трудах ВУАК» ряда важнейших первоисточников летописного характера по истории Вятки с его предисловиями и послесловиями. Так, в предисловии к «Повести о стране Вятской», Верещагин тщательно изучал вопрос о времени заселения Вятки новгородцами, о первоначальном их пребывании здесь, о построении первых городов. В «Повести» указан год появления русских на Вятке – 1174. Верещагин писал, что это упоминание являлось «единственным фундаментом державшегося более столетия мнения о «древности» русской Вятки, поддержанного и укрепленного авторитетами Карамзина и Костомарова» [11]. Верещагин говорил, что им были прочитаны летописи до конца XV в. – времени покорения Вятки, и ни в одной не было указаний на появление здесь русских в конце XII в.: «Даже нет намека на жительство русских по берегам Вятки в течение двух веков после 1174 года» [12]. Верещагин считал весьма удивительным тот факт, что ни в летописях Новгорода, ни в двух Софийских нет упоминания о Вятке до 1391 г., «а между тем в них записаны даже незначительные походы из Новгорода на инородцев». Сам поход новгородцев в 1174 г. Верещагин считал невозможным. Походы же ушкуйников особенно участились во второй половине XIV в. 1174 г. Верещагин считал либо простой ошибкой переписчика (неразборчивый текст), либо ошибка сделана нарочно для «придания вящей древности» русской Вятки. По словам Верещагина, большинство городов не обошлось без легенд об их древности.

Огромное значение в деле колонизации играли монастыри. Еще Ключевский изучал Жития святых как источник рассмотрения роли монастырей в колонизации. Особенно важную роль монастырской колонизации Ключевский видел в Северо-Восточной Руси. На Вятской земле первые монастыри появились в конце XVI в. В 1580 г. игуменом Трифоном был основан первый на Вятке Успенский монастырь. Здесь сложились благоприятные условия для быстрого развития монастырских вотчин, так как здесь были большие никем не занятые пространства. Монастыри являлись незаменимым колонизатором пустующих земель, поскольку крестьян, желающих занять дикие земли, было немного. Кроме того, правительство, стесняя льготы монастырей в густонаселенных местностях, предоставляло большие льготы монастырям на окраинах. Заселение Северной и Северо-Западной Руси во многом обязано монастырям.

Самым богатым вотчинником на Вятке был Успенский монастырь. В «Трудах ВУАК» за 1906 г. А.С.Верещагин поместил «Грамоты и акты Вятского Успенского монастыря» со своими предисловием и послесловием, в которых рассказывал о важном значении этих документов для истории Вятского края, его колонизации, для ознакомления с бытом монахов и крестьян, проживающих на монастырских землях. Особенно возросла колониальная работа монастыря во второй половине XVII в., когда он получил земли по берегам Кырмыжа, Кумены, Сунны, Ноли, Вои и их мелким притокам. В 1678 г. население, проживающее на землях Успенского монастыря, в два раза превышало население пяти вятских городов. А в 1764 г. при секуляризации в государственную казну из Успенского монастыря поступило 25636 душ крестьян. Таким образом, монастыри получали не только пустующие земли, но и деревни и даже целые волости, оброчные или тяглые. Правительство давало монастырям два права в отношении крестьян, проживающих на их землях: право сбора оброка и право суда.

«Труды» ВУАК дают богатый материал по истории населения Вятского края. Так, ВУАК печатала «писцовые» и «переписные» книги по Хлынову, Слободскому, Елабуге, Уржуму, Яранску, Кукарке и другим городам Вятского края. В них содержатся сведения по составу и количеству населения городов и уездов, данные о татарах, черемисах, удмуртах. Например, из документа «Волость Черемисская в Малмыже по списку с писцовой книги Ивана Болтина 1777 (1603) года» можно узнать, что в то время за черемисами в Малмыже находилось 38 дворов, даются подробные сведения о количестве их земель, угодий. Материал по народонаселению можно найти и в

наказах для составления нового уложения 1767 г. В «Трудах» были помещены указы от служилых татар (каринских князей) Слободского уезда, указы от ясачных черемис Казанского уезда и ряд других документов, рисующих положение нерусского населения, их нужды, проблемы.

«Переписные» и «писцовые» книги являлись правительственными документами XV–XVII вв., служившими основанием для податного обложения. В «переписные» книги давалось подробное исчисление дворов тяглого населения, в «писцовых» описывалось качество и количество земель, урожайность, повинности населения. Сравнивая переписные книги за различные годы, можно увидеть, как шел прирост населения в том или ином уезде. Например, «Писцовая книга города Котельнича 1629 года писца Афанасия Толочанова» и «Переписная книга города Котельнича Михаила Воейкова 1676 года» рисуют экономический быт, материальное благосостояние в уезде в начале и конце XVII в. Если в 1629 г. в Котельничском уезде было 383 двора с населением 405 чел., то в 1676 г. число дворов выросло до 996, а население составило 4080 чел. Таким образом, за 50 лет население увеличилось почти в 10 раз. В Орловском уезде за это же время население выросло с 495 чел., по переписи Толочанова 1629 г., до 3346 чел., по переписи Воейкова 1678 г.

Несмотря на многообразие статей по населению, проживающему на территории Вятского края, членами ВУАК не было написано обобщающего труда на эту тему. В основном члены комиссии занимались своим родным уездом или изучали историю одной народности. Так, М.Г.Худяков занимался в основном историей черемис и татар – Малмыжского уезда. Г.Е.Верещагин – первый этнограф-удмурт – написал 21 работу, посвященную жизни и быту удмуртов Сарапульского уезда. Однако именно некоторая узость тем позволила местным историкам наиболее глубоко изучить взятые ими темы.

Огромной заслугой членов Вятской ученой архивной комиссии были разыскание и издание исторических документов, всесторонне рисующих жизнь Вятки, а также написание на их основе огромного количества статей по истории, народонаселению, экономике, этнографии, культуре Вятского края. Многие из опубликованных документов можно найти только на страницах «Трудов» ВУАК, поскольку оригиналы не дошли до наших дней.

Литература и источники

1. Положение об учреждении ученых архивных комиссий и губернских исторических архивов // Труды ВУАК за 1905 г. Вып. I. Отд. I. С. 1.
2. П.Н.Луппов: библиографический указатель // Сост. Г.Ф.Чудова. Ижевск, 1985. 92 с.
3. Луппов П.Н. Автобиография. Киров, 1947. С. 52.
4. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка, 1901. С. 111.
5. Луппов П.Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века // Труды ВУАК за 1911 г. Вып. I–II. С. 563-564.
6. Там же. С. 568.
7. Худяков М.Г. Исторический очерк города Малмыжа // Труды ВУАК за 1916 г. Вып. I–II. Отд. III. С. V.
8. Там же. С.17.
9. Худяков М.Г. Материалы к истории татар Малмыжского уезда // Труды ВУАК за 1915 г. Вып. II–III. Отд. III. С. 5.
10. Верещагин А.С. Вопрос о первоначальном заселении Вятского края // Памятная книжка и календарь Вятской губернии за 1905 г. Вятка, 1904 г. С. 7.
11. Верещагин А.С. Послесловие к «Повести о стране Вятской» // Труды ВУАК за 1905 г. Вып. III. Отд. II. С. 69.
12. Там же. С. 71.

М. С. Черкасова*

**Источники по исторической демографии городов
Вологодского наместничества конца XVIII века**

Проблемы городообразования, управления городами, их социально-экономического развития, народонаселения в период позднего феодализма и раннего нового времени разрабатывались в трудах Я.Е.Водарского, М.Я.Волкова, А.А.Кизеветтера, Б.Н.Миронова, П.Г.Рындзюнского, К.Н.Сербиной, Н.А.Четыриной и других ученых [1]. Проблемы эти представляются еще недостаточно исследованными на уровне отдельных территориально-административных единиц Российской империи, тем более столь крупных, как образованные в конце XVIII в. наместничества. Вологодское наместничество было открыто 30 июня 1780 г. в составе трех обширных провинций – Вологодской (с городами Вологда, Тотьма, Вельск, Грязовец, Кадников), Архангельской (с городами Архангельск, Шенкурск, Пинега, Мезень, Кола, Онега) и Великоустюжской (с городами Великий Устюг, Соль Вычегодская, Яренск, Красноборск, Никольск, Усть-Сысольск, Лальск) [2]. Названные провинции включали всего 19 уездов, население которых на тот момент составляло 313515 ревизских душ.

Через четыре года была образована самостоятельная Архангельская провинция, выведенная из состава Вологодского наместничества. Наместничество возглавил ярославский и вологодский генерал-губернатор, действительный тайный советник и сенатор А.П.Мельгунов, а исполнительным органом при нем стало наместническое правление из 2–3 советников. После смерти Мельгунова в 1788 г. Вологодским и Ярославским генерал-губернатором стал генерал-аншеф Е.П.Кашкин, а с 1794 г. – генерал-поручик П.В.Лопухин [3]. В систему местных органов управления входили также городовые и губернский магистраты, предназначенные для суда над горожанами в гражданских и уголовных делах и решения ряда текущих финансовых вопросов [4]. В государственном архиве Вологодской области имеется ф. 13 «Вологодское наместническое правление» и ф. 833 «Вологодский губернский магистрат», среди дел которого можно найти ценные документы по учету народонаселения в провинциальных городах и уездах. Анализу некоторых из них и посвящается предлагаемая статья.

*Черкасова Марина Сергеевна (Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского госпедуниверситета.

Это прежде всего *ведомости*, ежегодно посылаемые из городских магистратов в Вологодский губернский магистрат. Они могли быть двух типов: табличные и развернутые описания. В фонде губернского магистрата в ГАВО нами было выявлено «Дело по репортам городских магистратов о состоянии городов и в них жителей за прошлый 1790 год». В нем собраны ведомости двух отмеченных типов по Вельску, Вологде, Верховажскому посаду, Грязовцу, Кадникову, Тотме [5]. Сама табличная форма, когда за основу брался формуляр из 25-й главы регламента Главного Магистрата, могла быть более подробной в отношении фиксации категорий населения, и обобщающей, «генеральной».

В *первой форме* сведения о населении были даны по 9–10 графам: хозяева, жены, вдовы, их сыновья и дочери свыше 15 лет, дети меньше 15 лет, жены сыновей, слуги мужского и женского пола, купленные калмыки у хозяев. Например, сословный состав населения Тотмы был распределен следующим образом: 1) купцы соответственно первой, второй и третьей гильдии; 2) мещане (это были ремесленники разных специальностей); 3) питающиеся всякою разною работою и в услугах; 4) «находящиеся в отлучке по пашпортам в разных российских городах при купецких делах в услужении и ради прокормления работою»; 5) мещанские вдовы, занимающиеся «вязанием нитяных чулков и прочим рукоделием»; 6) осиротевшие дети, находящиеся «в услужении у разных людей и в училище на содержании градском». Общая численность населения Тотмы по ведомости первой формы составляла 2130 чел. обоего пола, т.е. по общероссийским меркам город относился к разряду малых. В ведомостях *второй формы*, в виде генерального табеля «о жительствующих в городе Тотме торговых, художественных и прочих людях за прошлой 1790 год», тот же состав населения города был дан по более укрупненным рубрикам, однако общая численность жителей совпадала.

Второй тип магистратских ведомостей о состоянии городов представлял собой их развернутое историко-топографическое и статистическое описание. Несколько таких описаний можно изучить по отмеченному выше делу 420. Подобные описания состояли из 21 «запроса» и соответствующих им «ответствований». В них указывалось расположение города, протекающие через него реки, ручьи, наличие озер, других водоемов, крепостные сооружения, рвы, подъемные мосты, храмы, монастыри, условия для хозяйственной деятельности (ландшафт, качество земли, наличие лугов и пастбищ, соляных источников и т.п.). Почти в каждой ведомости такого типа отмечалось расстояние данного города от моря, пути сообщения с мор-

скими гаванями, типы речных судов (лодок, барок, карбасов, каюков) и их грузоподъемность.

Численности населения города был посвящен 15-й запрос: «Сколько в городе жителей мужеска и женска полу и у них детей обоего пола, служителей и у них детей же, и холостых и незамужних жен, и чем оныя питаются». Следовало сообщить данные и о числе убогих и дряхлых, сирот, которые не могут питаться и коим образом они содержатся? При ответе на этот вопрос составитель ведомости разделил всех жителей уже упомянутой выше Тотьмы на «счисляющихся гражданами» (купцов, мещан) и «находящихся вне записного гражданства» городничего, расправного судью, исправника, двух дворянских заседателей, нескольких служителей в штатной воинской команде, священно- и церковнослужителей Спасо-Суморина монастыря, а также живущих в Тотьме «своими домами» крестьян.

Данные о народонаселении городов в магистратских ведомостях приводились по «последней четвертой ревизии» (1782 г.). Так, в ведомости Вологодского городского магистрата в губернский магистрат сообщалось, что в Вологде в 1790 г. жителей мужского пола – 2451 душа, женского – 2819 душ, а всего 5270 душ, «в оном числе мещан и цеховых убогих и дряхлых, которые собою пропитания иметь не могут, находятся на градском купеческом и мещанском содержании, мужеска 9, а женска 26, да вновь рожденных женска 3», итого 38. Если сравнить данные о населении в следующей по времени магистратской ведомости за 1792 г., то из нее видим, что душ мужского пола в Вологде стало 2478, а женского – 2852, а всего 5330, т.е. прирост населения за год составил 1,1% [6].

В той же ведомости (1791 г.) интересны сведения о численности и структуре вологодского гильдейского купечества: к первой гильдии отнесено 45 чел., второй – 33, третьей (наиболее многочисленной) – 693 чел. Давалась краткая характеристика заморских торгов наиболее состоятельного купечества – в Голландии, Гамбурге, Англии и других иностранных землях [7]. Основная же масса вологодских купцов традиционно ездила торговать на Архангельскую ярмарку. В этой связи ведомость 1790 г. указывала, что река Вологда «течение свое имеет луговыми и лесными местами от города вниз на 30 верст, впадая в р.Сухону Рабангскую. Сообщались также сведения о размерах судов и их грузоподъемности.

Одновременно с магистратскими ведомостями в городских управлениях благочиния составлялись ежегодные ведомости о состоянии городов для отсылки их в наместническое правление. Судя по выявленному нами делу 401, содержащему ведомости за 1791 и 1792 гг., они

подписывались комендантами (Вологды, Устюга) или городничими (остальных городов). Лишь по Верховажскому посаду ведомость была составлена ратушей и подписана бургомистром и ратманами [8]. Данное дело состоит из двух частей – в первой (до л.35об.) приведена подборка ведомостей по городам за 1791 г., во второй (с л.41) – за 1792 г. Общий заголовок дела свидетельствует о том, что оно было сформировано в Вологодском наместническом правлении и предназначено для отправки в Ярославль тогдашнему Ярославскому и Вологодскому генерал-губернатору, лейб-гвардии Семеновского полка премьер-майору Евгению Петровичу Кашкину.

Эти ведомости, как и магистратские, также представляли из себя более или менее развернутые ответы на вопросы о географическом расположении городов, количестве домовладений в них (каменных и деревянных, казенных и частных зданий с указанием года строительства присутственных мест и того, построены они по плану или не по плану), церквей (каменных и деревянных), монастырей, способах водоснабжения, караульных и весовых изб, торговых помещений, питейных заведений, винных подвалов и погребов, соляных и винных магазинов, численности и сословном составе их населения. В отличие от магистратских ведомостей, в ведомостях из управ благочиния особое внимание уделялось вопросам противопожарной безопасности – описанию «огнеспасательных орудий, годных в пожарных приключениях» (больших и малых заливных труб, багров, бочек и чанов, вил, парусов, щитов, швабр, топоров, лестниц и пр.).

В подборке ведомостей городских управ в деле 401 мы видим более полный состав городов Вологодского наместничества по сравнению с выявленными нами магистратскими ведомостями. В деле содержатся ведомости по Вологде, Великому Устюгу, Кадникову, Грязовцу, Вельску, Тотьме, Усть-Сысольску, Сольвычегодску, Яренску, Никольску. В ведомостях городских управ не наблюдается строгого единообразия в фиксации профессионально-сословных групп городского населения. Только купцы, мещане, дворяне и духовенство (священно- и церковнослужители) указаны практически во всех ведомостях. Большей четкостью отличалось структурирование состава населения в небольших городах. Скажем, в ведомостях по Кадникову и Яренску выделялись купцы, мещане, дворяне, духовенство, воинские, приказные и разночинцы. В ведомости по Вельску к этим группам были добавлены еще приказнослужительские дети, военнослужительские дети и дворовые люди.

Произвольные группировки населения находим в ведомости по Вологде: здесь суммарно с обер-офицерами были учтены приказные

служители, а с унтер-офицерами – все нижнего звания люди; в группу же дворовых были включены крестьяне и бобыли, проживавшие в городе. По Великому Устюгу, напротив, крестьяне были учтены отдельно, причем и те, что «живут при пашнях своих», и те, что живут домами своими и без домов на подворьях разных округ и селений. По данным табл.1, обобщающей сведения ведомостей из первой части дела 401, видно, что крестьяне в Устюге составляли весьма значительную по численности категорию населения (2027 чел. о.п.), уступая лишь мещанам (3629 чел. о.п.).

В ведомости Сольвычегодска при указании на численность сельских жителей уточнялось, что 111 чел. о.п. из них – это крепостные камер-юнкера Нарышкина и кн.Шаховского, а 210 чел. о.п. – это черносоловьиные крестьяне казенного ведомства и владельческие половники [9]. В ведомости по Никольску не выделена группа крестьян, но, скорее всего, именно они понимаются под «мещанами в деревнях, приписных к городу» (всего 254 чел. о.п. – нами в таблице они отнесены к крестьянам) [10]. При таком подсчете очевидно, что крестьяне Никольского предместья по численности своей существенно преобладали над купечеством и мещанством этого небольшого города. Интересны сведения, сообщаемые ведомостями, об аграрном развитии городов и ближайших предместий. Так, по Вельску в «ответствовании» на 5-й «запрос» (какой хлеб и овощи более около тех мест родятся) говорилось: «В г. Вельске и в предместии оного родится хлеб – рожь, овес, ячмень, пшеница, овощи – лук, капуста, ретяка, огурцы, горох грецкой и морковь» [11].

Помимо отмеченных выше, категории населения по Устюгу были даны довольно подробно. Среди них, например, были выделены: 1) беспомощные, находящиеся в градских богадельнях; 2) воспитанники воспитательного дома; 3) кормилицы и даже 4) кат (*палач – Авт.*) с женою и детьми. В Тотьме в отдельную группу были выделены сторожа в присутственных местах. В группе духовенства имелись в виду прежде всего священники приходских церквей в городах. Отдельно указывались, впрочем, немногочисленные группы монашествующих – Сольвычегодского Введенского монастыря (8 чел. м. п.), великоустюгских монастырей (конкретно не названных – всего 16 чел. о.п.), Тотемского Спасо-Суморина монастыря (6 чел. м. п.).

Выше говорилось, что дело 401 делится на две части, в каждой из которой видим ведомости по одному и тому же составу городов Вологодского наместничества. Однако сопоставление данных о численности населения в них не всегда совпадают. Среди жителей Усть-Сысольска в ведомости городничего Григория Левашова за 1791 г.

были выделены: штаб-офицеры из дворян – два чел., штаб-офицеры не из дворян – семь чел.; купцы – 173 чел. о.п., мещане – 1365 чел. о.п., священно- и церковнослужители – 28 чел. о.п., приказные – 37 чел. о.п., военнослужащие – 37 чел. о.п., разночинцы – 37 чел. о.п., а всего 1659 чел.

В следующей по времени ведомости «правлящего должность городничего», прапорщика Перелетова за 1792 г. численность основных групп населения Усть-Сысольска выглядит иначе: купцов – 122, мещан – 1698, воинских и офицерских чинов с их служителями – 112, разночинцев – 29 чел. о.п., а всего 1993 жителей о.п. При сопоставлении с данными ведомости за 1791 г. мы видим возрастание численности населения Усть-Сысольска на 17%. Или это, действительно, бурный рост населения всего лишь за год, или дело в разной полноте учета населения разными составителями ведомостей в 1791 и 1792 гг. Разрешение выявленного недоумения возможно на путях привлечения дополнительных источников (прежде всего материалов четвертой и пятой ревизий 1782 и 1795 гг.) и их сравнения с уже приведенными ведомостями. Во всяком случае Усть-Сысольск по количеству жителей являлся четвертым в наместничестве после Вологды (9407 чел.), Устюга (8126 чел.) и Тотьмы (2702 чел.) (табл. 1). По общероссийским критериям, согласно предложенной Б.Н.Мироновым градации [12], Вологда и Устюг могут быть отнесены к средним по величине городам (свыше 5 тыс. жителей), а Тотьма, Сольвычегодск и Усть-Сысольск – к малым (до 5 тыс.) (табл. 1).

В ведомости прапорщика Перелетова по Усть-Сысольску за 1792 г. также сообщалось, что здешние жители в отношении питьевой воды довольствуются выкапываемыми ими колодцами. В этом городе было показано две каменные церкви, к ним четыре придела, и еще одна деревянная церковь при кладбище. Казенные строения состояли из присутственных мест, построенных в 1780 г., соляного магазина, построенного в 1786 г. и хлебного магазина, построенного в 1787 г. Составитель ведомости сообщил также, что жители Усть-Сысольска «пропитание имеют от хлебопашества своих земель, а ремесел не имеют» [13]. Б.Н.Миронов пишет, что в малых, преимущественно аграрных городах, состоявших главным образом из мещан-земледельцев, быт последних мало отличался от деревенского [14]. Автор имеет в виду, в том числе, и социальный быт, сохранение отношений общинного типа в купеческих, мещанских и ремесленных обществах.

Что же касается еще более мелких городских поселений в составе Вологодского наместничества, то у четырех из них численность жителей была примерно равной (Никольк, Кадников, Красноборск, Верховажский посад) – по 486–497 чел. о.п. (табл.1). Тем не менее, в

отношении управления между ними сохранялись некоторые отличия, поскольку посады как типы городского поселения обычно не имели тяготеющих к ним уездов, и исполнительным органом в них (в том числе и в Верховажском посаде) являлась ратуша, а не магистраты. Вместе с тем уступающий Верховажскому посаду по численности населения Вельск (313 чел. о. п.) имел статус не посада, а города. Состав жителей Верховажского посада не ограничивался только лишь купечеством, как то предписывалось законодательством XVIII в., а включал еще мещан. Разночинцев и крестьян (табл.1). Таким образом, наблюдения над статусом, численностью и профессионально-сословным составом некоторых городов Вологодского наместничества показывают определенное расхождение нормативной стороны местного управления в России и реальной практики [15].

Таблица 1

Сословный состав населения городов
Вологодского наместничества в конце XVIII в.

Город	Куп- цы	Ме- щане	Дво- ряне	Духо- вен- ство	Воен- ные	Крес- тьяне	Разно- чинцы и прочие	Всего
Вологда	1813	2789	228	850	1587	1962	178	9407
Великий Устюг	929	3629	—	445	136	2027	960	8126
Кадников	35	166	33	23	141	—	88	486
Грязовец	426	547	32	28	73	—	172	1278
Вельск	24	99	18	27	94	—	51	313
Тотьма	291	2072	31	95	—	127	86	2702
Усть- Сысольск	173	1365	19	28	37	—	37	1659
Яренск	105	541	5	55	101	83	139	1029
Сольвы- чегодск	113	700	17	164	83	321	55	1453
Никольск	11	22	—	29	115	254	66	497
Лальск	65	532	9	66	124	87	376	1259
Красно- борск	48	268	30	6	—	—	137	489
Верховаж- ский посад	162	153	—	44	—	53	74	486
Всего	4195	13137	422	1860	2491	4660	2419	29184

Источник: ГАВО. Ф. 833. Оп.1. Д. 401. Л. 6–35об.

Нами были проанализированы лишь некоторые источники по исторической демографии севернорусских городов конца XVIII в. Помимо ведомостей магистратов и управ благочиния, сведения о городском населении можно почерпнуть в Топографическом описании Вологодского наместничества, описаниях, составленных А.А.Засецким и П.И.Челищевым, но более всего – в метрических экстрактах, обывательских книгах и алфавитных списках обывателей конца XVIII в. В дальнейшем все эти источники необходимо изучать в сопоставлении.

Литература и источники

1. См.: Водарский Я.Е. Список городов России с указанием примерного количества посадских дворов (1723 г.) // Исторический архив, 1961. № 6; Он же. Население России конца XVII – начала XVIII в. М., 1977; Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994; Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. СПб., 1903; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1; Рындзюнский П.Г. Новые города России конца XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.-Л., 1951; Четырина Н.А. Посад как тип городского поселения в России в XVIII веке (На примере Сергиевского Посада Московской губернии): Автореф. дис. М., 2003; и др.
2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. № 14973; Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города / Под ред. проф. Ю.К.Некрасова. Вологда, 2004. С. 77 (Автор текста – А.В.Камкин).
3. Кочина З.С. Вологда в XVIII веке. Правление Екатерины II. Вологодская хроника и российские законы. Справочные материалы. Кн. V. Вологда, 2003. С. 67-68, 108, 127.
4. См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 122.
5. ГАВО. Ф.833 (Вологодский губернский магистрат). Оп.1. Д. 420.
6. Там же. Д. 444.Л.14-14об.
7. Там же. Д. 420.Л.8.
8. Там же. Д. 401. Посады в XVIII в. управлялись ратушами, а уездные города – магистратами. Подробнее см.: Четырина Н.А. Посад как тип поселения в XVIII – первой половине XIX в. (терминологические наблюдения) // Вестник МГУ. Серия 8 «История», 1999. № 6. С.28-31.
9. ГАВО. Ф.833. Оп.1. Д. 401. Л.28.
10. Там же. Л. 29об.
11. ГАВО. Ф.833. Оп.1. Д. 444.Л.2.

12. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы... С. 22 (данные на 1782 г.).
13. ГАВО. Ф.833. Оп.1. Д. 401. Л.68об.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 1. С. 499.
15. Четырина Н.А. Указ. соч. С. 29.

*А.А.Черепова, С.П.Ермаков, В.В.Максаков,
М.В.Черковец, В.Н.Лобанова**

**Опыт конкретных исследований
медико-демографических процессов на уровне региона**

В современных условиях всеобщей компьютеризации всех сфер общественной жизни возрастает значение моделирования и ЭВМ для описания, анализа, оценки и прогнозирования реальных процессов с целью своевременной выработки научно обоснованных управляющих решений, определения их краткосрочных и долгосрочных эффектов с целью мониторинга, оценки и корректировки целевых программ и мероприятий. К числу важнейших процессов такого рода относятся медико-демографические процессы, которые характеризуют изменения одного из ведущих качеств населения – здоровья. Наблюдаемые в настоящее время неблагоприятные тенденции качественных и количественных характеристик воспроизводства населения РФ требуют особенно углубленного и серьезного количественного изучения, в том числе с использованием современных демографических моделей, доступной сегодня медико-статистической информации и продвинутых информационных компьютерных технологий.

К сожалению, широко апробированный международный опыт такой активности до недавнего времени остается невостребованным в нашей стране. Это связано, в первую очередь, с неподготовленностью отечественной медико-статистической базы, отсутствием актуализированных и доступных для исследователей статистических регистров наиболее распространенных болезней и факторов риска, недостаточной координацией соответствующих исследований, снижением возможностей для ученых разного профиля обмениваться опытом посредством участия в конференциях и симпозиумах по данному научно-практическому направлению.

***Черепова Анна Анатольевна** (Москва) – кандидат медицинских наук, исполнительный директор Московского областного фонда обязательного медицинского страхования (МОФОМС).

Ермаков Сергей Петрович (Москва) – доктор экономических наук, профессор, начальник отдела анализа социально-экономической информации МОФОМС.

Черковец Марина Владимировна (Москва) – кандидат географических наук, главный специалист, отдел анализа социально-экономической информации МОФОМС.

Лобанова В.Н. (Москва) – сотрудник МОФОМС.

Максаков В.В. (Москва) – сотрудник МОФОМС.

Тем не менее, уже сегодня существует возможность значительного продвижения в данном направлении, поскольку имеются в наличии все необходимые для этого предпосылки:

- методология интегральной оценки здоровья населения, одобренная и «продвигаемая» ВОЗ, а также полностью реализованная и апробированная в целом ряде развитых и развивающихся стран;
- имеющиеся практически во всех субъектах Российской Федерации автоматизированные информационные регистры и электронные базы данных о потреблении населением медицинских услуг по линии обязательного медицинского страхования (ОМС);
- имеющиеся во всех субъектах Федерации автоматизированные базы данных свидетельств о смерти ЗАГС, с указанием кодов МКБ-10 для основной причины смерти;
- использующиеся в большинстве региональных фондов обязательного медицинского страхования продвинутое информационные технологии, обеспечивающие удобный исследовательский интерфейс и современные пакеты прикладных программ для «извлечения данных» и статистического анализа.

В докладе представлен опыт соответствующей деятельности, накопленный авторами за последние несколько лет в Московском областном фонде ОМС и ряде научно-исследовательских организаций.

Эта деятельность проводилась преимущественно по следующим направлениям:

- 1) совершенствование системы демографических моделей и показателей с целью наиболее полного и адекватного описания процессов воспроизводства населения и медико-демографических процессов на различных уровнях управления: федеральном, территориальном, муниципальном;

Точная информация о болезнях и травмах, их распространенности, последствиях, причинной обусловленности и их тенденциях более чем когда-либо необходима для информирования лиц, принимающих решение (ЛПР) в здравоохранении. В условиях, когда потребности в услугах здравоохранения превышают финансовые возможности существующих систем здравоохранения, ЛПР на всех уровнях все более и более обязаны оценивать последствия принимаемых решений, а также обосновывать принятие новых решений, направленных на развитие системы и гарантировать доступность информации для межпрограммных сравнений.

В целях получения интегральной оценки уровня здоровья населения ВОЗ в 1990-х гг. разработала и рекомендует к применению

методологию оценки Глобального бремени болезней (ГББ). В основу этой методологии положены не только имеющиеся в большинстве стран хорошо известные наборы оценок смертности и заболеваемости по возрасту и полу, но и новые оценки, разработанные специально для проекта ГББ: годы жизни населения, скорректированные с учетом нарушений здоровья, характерных для этого населения (disability adjusted life year – DALY). Показатель DALY и используется в качестве количественного измерителя величины ГББ по странам. Использование DALY позволяет исследователям объединить в единственный индикатор (показатель) годы жизни, потерянные в результате преждевременной смертности с годами жизни, проведенными с различными нарушениями здоровья, не приводящими к смертельному исходу. Таким образом, создается единый интегральный индекс здоровья населения, расчет которого по единой методологии представляет уникальные возможности для межстранового анализа и сравнений. Следует отметить все возрастающий политический интерес международного сообщества к таким индикаторам.

2) исследование возможностей построения комплексных индексов интегральной оценки результативности медико-демографических процессов, которые бы обобщали имеющийся мировой опыт и были бы более наглядными, интерпретируемыми, демографически и статистически обоснованными и доступными для различных категорий пользователей;

Уникальной базой для оценки болезненности населения являются данные о потреблении населением медицинских услуг по линии обязательного медицинского страхования, содержащиеся в сводном реестре медицинской помощи в системе ОМС* во всех субъектах РФ. В реестре содержится информация по каждому случаю обращения за медицинской помощью в системе ОМС, включая паспортные данные, пол и возраст пациента, код основной причины обращения, сопутствующего заболевания и осложнения по МКБ-10, длительность случая и т.д., а также финансовые параметры оказанных услуг (сумма, выставленная к оплате по счету; исключения из счета; финансовые санкции за дефекты медицинской помощи; итоговая сумма, подлежащая оплате).

С помощью процедур статистической обработки этих данных можно рассчитать количество людей, которые обращались в течение

*В Московской области реестр формируется в соответствии с Приказом МОФОМС № 74; 04.06.2002 «Об утверждении и введении в действие «Порядка представления и обработки учетно-отчетных данных от ЛПУ в СМО в электронном виде».

года за медицинской помощью только в связи со случаями заболеваний (исключив из подсчета тех лиц, поводом для обращения которых в ЛПУ были только состояния с кодом МКБ-10 из интервала Z00-Z99 – обращения, а не заболевания). В качестве результативного показателя подсчитывается оценка количества людей по половозрастным группам в рассматриваемом населении, у которых хотя бы один раз в течение года регистрировалось любое заболевание. Эта величина (в расчете на 1000 населения соответствующей возрастно-половой группы) и отражает суммарную болезненность лиц данной возрастно-половой группы.

Также может быть рассчитана болезненность по отдельным заболеваниям. Для обеспечения потребностей управленческого анализа предлагается рассчитывать такую оценку не по классам болезней МКБ-10 (такая оценка будет весьма грубой), и не по отдельным кодам МКБ-10 (количество различных кодов, используемых для кодировки болезней, являющихся поводом для посещения медицинских учреждений превышает несколько тысяч), а использовать дополненный авторами настоящего доклада вариант классификации заболеваний и травм, разработанной ВОЗ на основе МКБ-10 в рамках проекта по оценке глобального бремени болезней (ГББ) [Colin D Mathers, Eduardo Sabatè, Alan D Lopez. Guidelines for epidemiological reviews: the Global Burden of Disease 2000 project. – WHO, 2001]. Используемая нами классификация включает 151 группу болезней, травм и поводов для обращения в ЛПУ (код Z по МКБ-10), имеет древовидную структуру и состоит из четырех уровней.

На первом уровне выделяются четыре обобщенные группы болезней:

- группа I: инфекционные болезни, причины материнской смертности, болезни перинатального периода и нарушения питания (объединяет виды заболеваний, преобладающие в профиле заболеваемости населения преимущественно развивающихся стран);
- группа II: неинфекционные болезни (объединяет виды заболеваний, преобладающие в профиле заболеваемости населения развитых стран);
- группа III: травмы;
- группа IV: прочие причины и обращения в учреждения здравоохранения

На втором уровне на основе деления каждой группы на несколько подкатегорий выделяется 21 вид болезней и травм. В группе IV выделяются всего две подкатегории 2-го уровня: «симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния» (коды МКБ-10: R00-R99) и «непра-

вильно классифицированные случаи ИБС» (коды МКБ-10: I46, I47.2, I49.0, I50, I51.4–I51.6, I51.9, I70.9).

Третий уровень используется для идентификации более специфических заболеваний и травм внутри каждой из подкатегорий 2-го уровня.

Для некоторых заболеваний, таких, как заболевания, передаваемые половым путем (ЗППП), представлен четвертый уровень (для данной группы это сифилис, хламидиоз и гонорея).

3) методическое обеспечение мониторинга реальной медико-демографической ситуации в России и на ее отдельных административных территориях с использованием большего числа известных и новых демографических индексов с целью повышения наглядности и обоснованности выводов о возможных и нежелательных тенденциях;

Наряду с уникальными возможностями по оценке здоровья населения, анализ данных реестров медицинской помощи в системе ОМС с применением статических методов и современных компьютерных технологий открывает новые возможности для получения информации и создает предпосылки для повышения эффективности деятельности системы здравоохранения. Ниже приведен краткий обзор лишь некоторых процедур, апробированных нами, результаты которых востребованы в ФОМС.

– *Выявление и удаление дублирующих записей.*

Исходные файлы реестров медицинской помощи в системе ОМС, представляемые филиалами ФОМС, часто содержат так называемые дублирующие записи, в которых значения основных идентификационных полей полностью совпадают (ФИО пациента, адрес, диагноз, сроки лечения и т.д.). В целях обеспечения достоверности исходной информации о деятельности ЛПУ и состоянии здоровья населения и обеспечения качественных результатов исследований массив данных очищается от таких записей.

– *Поиск отдельных категорий лиц по заданным параметрам.*

Довольно часто возникает необходимость в информации о параметрах оказания медицинской помощи или характеристиках отдельных категорий граждан (например, льготников). При этом можно использовать одновременно несколько параметров поиска, например, все лица, пролеченные в стационаре данного района, в отношении которых были применены финансовые санкции за дефекты оказания медицинской помощи.

– *Расчет финансовых показателей оказания медицинской помощи в системе ОМС.*

Финансовые показатели оказания медицинской помощи в системе ОМС – сумма оплаты по счету, финансовые санкции за дефекты медицинской помощи, исключения из счета – в зависимости от поставленной задачи могут быть рассчитаны в различных разрезах: по страховым медицинским организациям, регионам проживания пациентов, филиалам ФОМС и ведомствам, половозрастным группам, видам заболеваний и т.д.

– Анализ затрат на оплату медицинских услуг в системе ОМС в зависимости от практики использования разных видов ЛПУ и ресурсосберегающих технологий.

На основе применения различных методов математической статистики (регрессионный, корреляционный и др. виды анализа) возможным проведение более сложных исследований. Так, нами проводился медико-статистический анализ эффективности использования дневных стационаров в системе ОМС для различных профилей и видов заболеваний как перспективной ресурсосберегающей технологии лечебно-профилактического обслуживания, позволяющей существенно сократить затраты на оказание квалифицированной медицинской помощи населению без ухудшения ее качества.

4) разработка информационных компьютерных технологий, максимально использующих возможности современной вычислительной техники, для создания автоматизированных информационных систем и баз данных, способствующих проведению мониторинга медико-демографических процессов на всех территориях РФ.

Выполнение перечисленных выше процедур и расчетов на основе данных реестра медицинской помощи в системе ОМС возможно с помощью программы SPSS (Statistical Package for Social Sciences). SPSS – специальное программное средство для проведения статистического анализа социально-экономической информации, широко применяющийся в сфере социологии, биологии, медицины и других наук для обобщения статистических данных и поиска скрытых закономерностей. Два основных преимущества SPSS – это возможность обработки файлов произвольного размера (в ИАЦ МОФОМС обрабатываются файлы объемом свыше 20 Гбайт) и наличие внутреннего языка программирования, позволяющего заблаговременно разрабатывать необходимые алгоритмы обработки данных и после отладки таких алгоритмов исполнять их в пакетном режиме. В докладе продемонстрированы возможности применения SPSS для решения перечисленных и некоторых других задач.

*М.В. Черковец, В.Н. Лобанова**

**Опыт изучения региональных различий
демографической ситуации в зависимости
от социально-экономических факторов**

Период социально-экономических преобразований 1990-х гг. в России характеризовался существенными изменениями ключевых демографических показателей. Произошло снижение ожидаемой продолжительности жизни, отмечался рост смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, травм и отравлений, в том числе убийств, самоубийств и отравлений алкоголем.

В связи с этим, актуальной задачей является изучение влияния изменений в социально-экономической сфере на демографические процессы.

Исследовать эту проблему необходимо комплексно, на разных территориальных уровнях, с углублением детализации по мере укрупнения масштаба исследования. Объектами на макроуровне будут являться субъекты РФ, на мезоуровне – муниципальные образования в пределах одного субъекта РФ. На микроуровне следует проводить детальное изучение демографической ситуации в одном из муниципальных образований одного из субъектов РФ (так называемый case study).

Ниже представлен вариант методики исследования различий демографической ситуации в субъектах РФ в зависимости от социально-экономических факторов на макроуровне. Методика состоит из трех шагов: получение интегральной оценки демографической ситуации (1), получение интегральной оценки социально-экономического положения (2), анализ влияния социально-экономического факторов на демографические процессы (3).

1. Для изучения *динамики и территориальной дифференциации демографических процессов* предлагается использовать показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении (с учетом различий по полу и типу местности) и младенческой смертности. Получение интегральной оценки демографической ситуации в субъектах РФ

***Черковец Марина Владимировна** (Москва) – кандидат географических наук, главный специалист отдела анализа социально-экономической информации Московского областного фонда обязательного медицинского страхования (МОФОМС).

Лобанова В.Н. (Москва) – сотрудник МОФОМС.

предполагает два этапа. На первом этапе путем нормирования данных показателей методом линейного масштабирования по формуле 1 рассчитывают соответствующие частные индексы по регионам.

Формула 1.

$$Индекс = \frac{Y_i - Y_{min}}{Y_{max} - Y_{min}}, \quad \begin{array}{l} \text{если рост } Y_i \text{ сигнализирует} \\ \text{о более благополучной ситуации.} \end{array}$$

$$Индекс = \frac{Y_{max} - Y_i}{Y_{max} - Y_{min}}, \quad \begin{array}{l} \text{если рост } Y_i \text{ сигнализирует о менее} \\ \text{благополучной ситуации} \end{array}$$

На втором этапе рассчитывается интегральный демографический индекс, как среднее арифметическое частных индексов, исходя из предположения об их равнозначности. В итоге выделяются группы регионов с относительно благоприятной, средней, удовлетворительной и плохой демографической ситуацией.

2. Для характеристики *социально-экономического положения* рекомендуется использовать следующие статистические показатели:

- валовой региональный продукт на душу населения;
- уровень безработицы;
- среднедушевые денежные доходы населения;
- соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума;
- наличие собственных легковых автомобилей (на 1000 населения);
- фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения;
- потребление мяса на душу населения;
- удельный вес жилой площади, оборудованной канализацией;
- уровень преступности (число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения);
- уровень образования (численность студентов государственных вузов, на 10000 населения);
- обеспеченность медицинскими мощностями (мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. населения, число посещений в смену);
- обеспеченность медицинским персоналом (число врачей на 10 тыс. населения);

– обеспеченность медицинским персоналом (численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. населения).

Построение интегрального индекса социально-экономического положения осуществляется в три этапа. На первом этапе на основе исходных статистических показателей методом факторного анализа выделяют три фактора, характеризующие основные аспекты социально-экономической ситуации: уровень благосостояния, уровень медицинского обслуживания и уровень безработицы. На втором этапе путем нормирования выделенных факторов методом линейного масштабирования по формуле 1 рассчитывают соответствующие частные индексы по регионам. На третьем этапе на основе полученных частных индексов рассчитывается итоговый социально-экономический индекс для интегральной оценки региональных различий в социально-экономическом положении. В результате выделяются группы областей с относительно благоприятным, выше среднего, удовлетворительным и неблагоприятным социально-экономическим положением с точки зрения влияния на демографическую ситуацию.

3. Для анализа *связи между интегральным демографическим индексом и социально-экономическим индексом* применяют диаграммы рассеяния, а также корреляционный и регрессионный анализ, которые в совокупности позволяют выявить наиболее существенные аспекты влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в регионе.

Данная методика апробирована на примере регионов Центральной России.

*С.П. Ермаков**

Когортный анализ смертности населения России

За последнее десятилетие в Российской Федерации отмечается значительный рост заболеваемости и смертности населения, который сопровождается повышенным вниманием исследователей к этой важнейшей социально-политической и демографической проблеме.

Сегодня впервые доступные статистические данные по смертности населения страны с 1965 г. дают возможность провести когортный анализ соответствующих процессов в сравнении с общей смертностью и смертностью от некоторых причин, которые косвенным образом характеризуют социально-экономическую ситуацию и социальное напряжение в обществе.

Построение когортных рядов смертности по пятилетним когортам родившихся автором проводилось стандартным образом, посредством соответствующих группировок количеств умерших и среднегодовых величин численности населения, с последующим расчетом возрастных коэффициентов смертности для каждой из рассматриваемых когорт сверстников. Всего были рассчитаны повозрастные коэффициенты смертности для 25 когорт – с 1878 по 2002 годы рождения. Понятно, что для некоторых когорт половозрастные коэффициенты смертности удалось рассчитать только по небольшому числу возрастных групп. Так, для когорты рождения 1878–1882 гг. – это коэффициент смертности в возрасте 85 лет и старше, рассчитанный для периода 1963–1967 гг., для когорты рождения 1998–2002 гг. – это коэффициент смертности в возрасте 0-4 года, рассчитанный для одноименного периода, и т.д. Полученные результаты представлены в графическом виде на рис. 1 и 2.

Из представленных рисунков видно, что как для мужского, так и для женского населения когорты рождения 1923–1927 года задает разделение кривых повозрастной смертности на две группы с различными тенденциями изменения смертности в зависимости от возраста. Так, для всех когорт, рождение которых пришлось на период позднее 1927 г., кривые смертности во всех возрастах находятся выше кривых смертности, соответствующих когортам населения, более старшим

***Ермаков Сергей Петрович** (Москва) – доктор экономических наук, профессор, начальник отдела анализа социально-экономической информации МОФОМС, сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

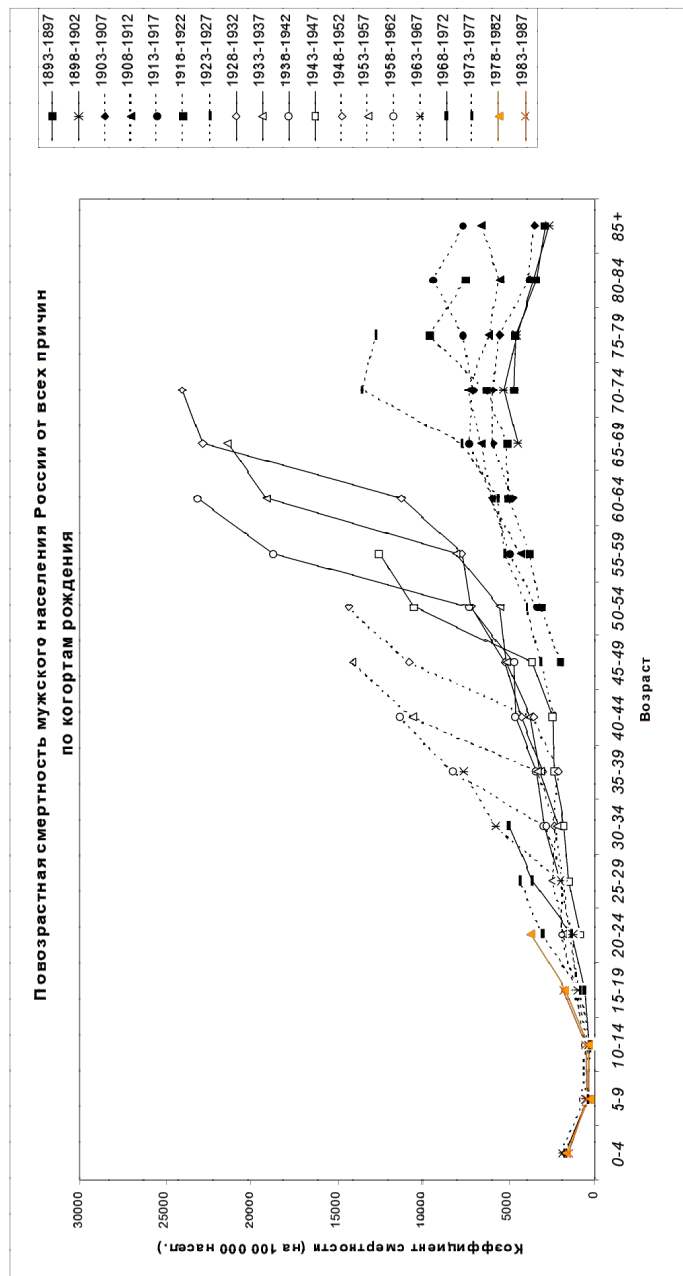

Рис. 1.

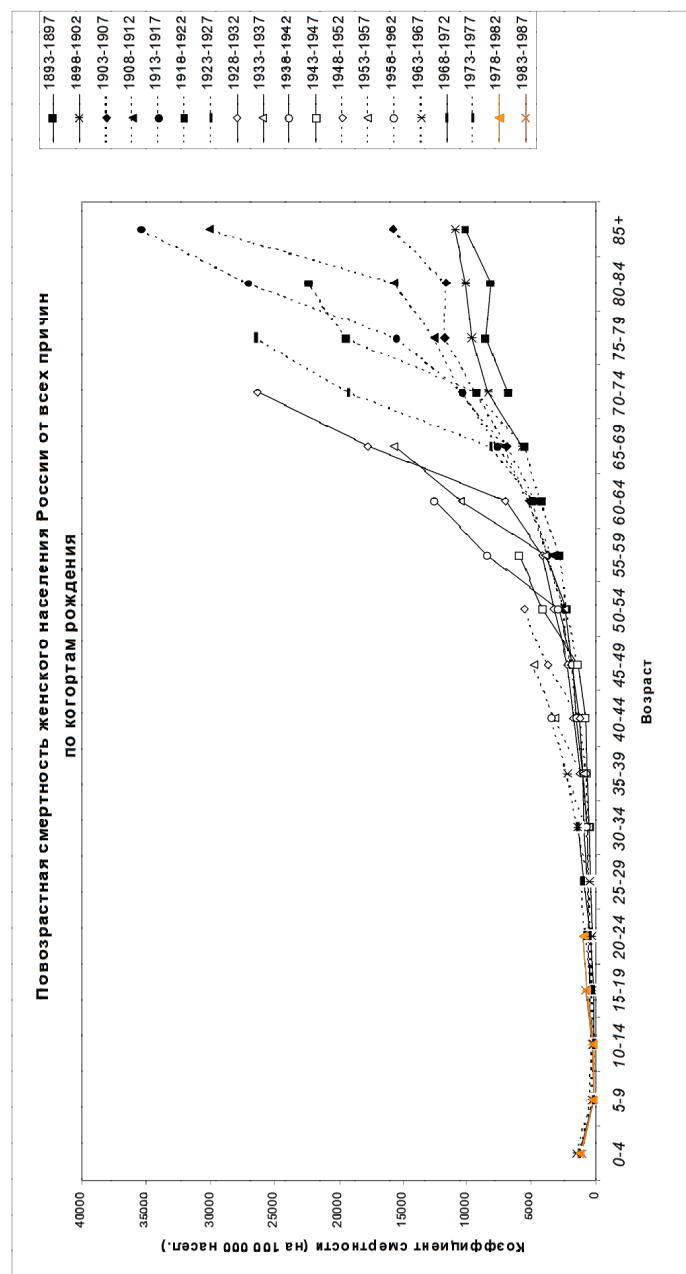

Рис. 2.

по дате рождения. Это означает, что риск смертности в различных возрастах для молодых когорт российского населения существенно выше, чем для старых когорт. Какими гипотезами можно объяснить полученные результаты?

Одна из гипотез связана с биологическим фактором снижения жизнеспособности молодых поколений, которая может свидетельствовать об ослаблении генетической приспособляемости российской популяции. Вторая гипотеза связана с гетерогенностью популяции по уровню жизнеспособности. Если в соответствии с этой гипотезой считать, что в годы Великой Отечественной войны умирали преимущественно менее жизнеспособные индивиды, то можно предположить, что оставшаяся в живых часть населения обладает большей жизнеспособностью по отношению к тем поколениям, которые в войне участия не принимали. Третья гипотеза связана с возможным резким усилением влияния на население неблагоприятных социально-экономических и социально-психологических факторов. В соответствии с этой гипотезой наиболее подвержены неблагоприятному влиянию те когорты сверстников, которые в рассматриваемый период вступали в фазу активной трудовой деятельности. Понятно, что в столь краткой статье невозможно исчерпывающе исследовать правдоподобность как этих, так и других возможных гипотез, однако некоторые закономерности удастся обнаружить.

Для обобщенной оценки относительной жизнеспособности различных когорт по каждой пятилетней возрастной группы нами были рассчитаны средние значения половозрастных показателей смертности по всем доступным когортам.

После этого половозрастные показатели смертности были пересчитаны в так называемые «коэффициенты наглядности», для чего мы рассчитали частное от деления упомянутых половозрастных показателей смертности на вычисленное ранее среднее значение, и выразили полученный результат в процентах. На завершающем этапе были рассчитаны средние значения полученных коэффициентов наглядности для каждой из рассматриваемых в настоящем исследовании когорт раздельно для населения мужского и женского пола. Результаты описанных расчетов для пятилетних когорт по годам рождения представлены на рис. 3.

Анализ рис. 3 позволяет сделать вывод о почти синхронном изменении обобщенного риска смертности для мужчин и женщин и выделить три когорты (1928–1942, 1953–1967 и 1973–1987 годов рождения), для которых этот риск значительно повышен. Представителям первой когорты сейчас 60-70 лет, второй – 35-45 лет, а третьей – 15-25 лет.

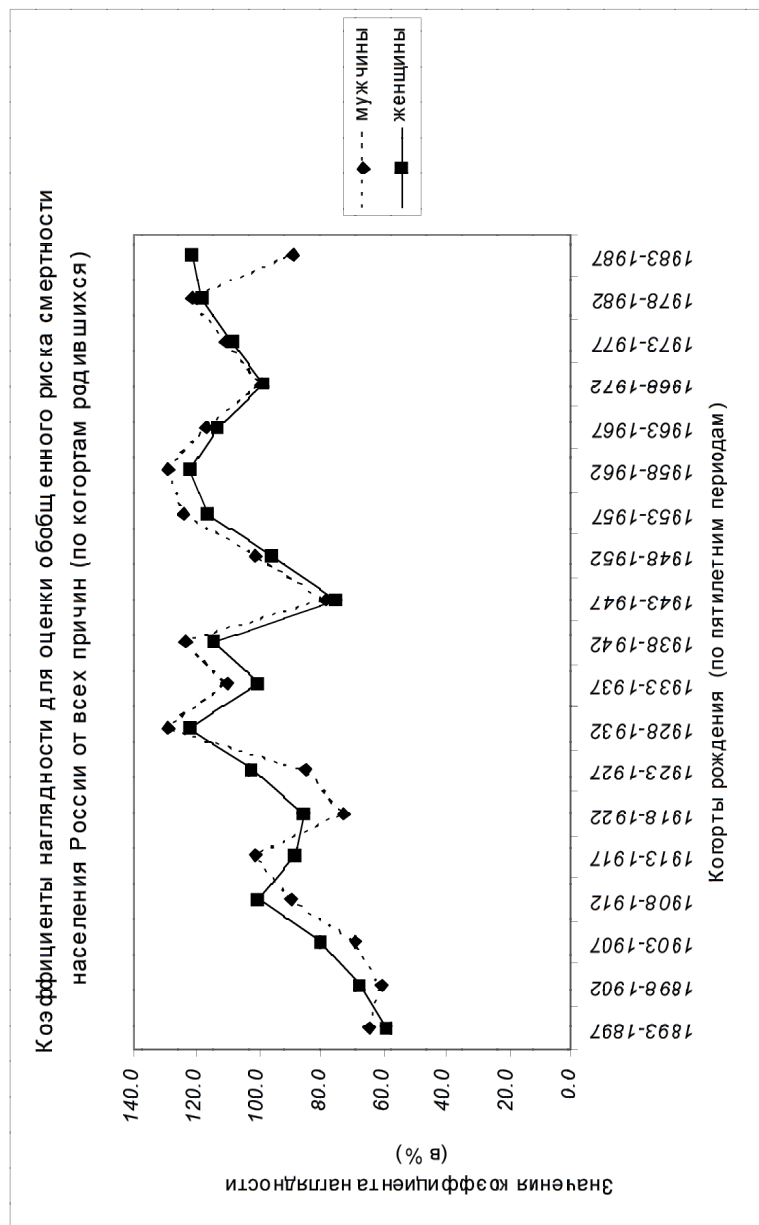

Рис. 3.

Таким образом, в первую когорты попали те люди, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, во вторую – люди наиболее активного трудоспособного возраста, а в третью – молодежь, начинающая трудовую деятельность. Заметим, что состав рассматриваемых когорт является репрезентативным для характеристики современного состояния и перспектив развития населения Российской Федерации.

Расчеты коэффициентов наглядности для оценки обобщенного риска смертности были выполнены для некоторых социально обусловленных причин смерти (туберкулез, ВИЧ/СПИД, сифилис, гепатит), а также для ряда причин смерти, которые косвенным образом характеризуют социально-экономическую ситуацию и социальное напряжение в обществе (хронический алкоголизм, алкогольные психозы, токсикомании, алкогольный цирроз печени, отравления алкоголем, самоубийства, убийства).

Оказалось, что для первой рассматриваемой когорты обобщенные риски смертности для первой группы причин смерти вследствие социально-обусловленных заболеваний относительно невысоки, в то время, как для второй группы причин эти риски значительно превышают средний уровень, характерный для российского населения в целом. Наивысшие обобщенные риски смертности для этой когорты характерны для смертности вследствие алкогольных отравлений, хронического алкоголизма и самоубийств.

«Бич» смертности для второй когорты (35-45 лет) – это хронический алкоголизм, туберкулез и сифилис (характерный для возрастов 35-40 лет). Для наиболее молодой когорты (15-25 лет) наиболее высокий обобщенный риск смертности наблюдается для таких причин смерти, как СПИД, алкогольные отравления и убийства. Значимо более высокий обобщенный риск смертности для этой когорты характерен и для гепатита. Отметим также чрезвычайно неблагоприятный факт, связанный с тем, что для этой когорты населения обобщенный риск смертности от всех причин увеличивается с уменьшением возраста (то же самое верно для СПИД и алкогольных отравлений).

Для правильной интерпретации полученных результатов необходимо помнить о том, что они основаны не на наблюдаемых уровнях смертности, а на тенденции в смертности, связанные с отклонениями от общероссийской ситуации, что делает их весьма полезными при стратегическом анализе проблемы.

*С.А.Лимборская**

**Изучение геномных маркеров в популяциях
современных жителей Северной Евразии для анализа
особенностей их этнической истории**

На рубеже двух тысячелетий в результате успехов, достигнутых в области генетики человека, историческая наука приобрела новый источник информации, записанный в нашем генофонде. Именно в этот период была завершена грандиозная работа по расшифровке генома человека, которая может быть отнесена к выдающимся достижениям современной науки наряду с расщеплением атомного ядра, освоением Космоса и другими. В результате получена громадная по объему информация о строении ДНК человека, разработано большое число новейших технологий по анализу ДНК, по созданию и хранению баз данных, способов обработки больших массивов результатов. На основе развития этих исследований возникло новое научное направление, получившее название геномики.

Геномика революционизировала всю современную биологию, позволила выявить многие черты организации генома, обнаружить новые гены и генетические элементы, расшифровать дефекты генов при многих наследственных болезнях, выявить генетические характеристики различных популяций и т.д. Разработка столь многочисленных проблем привела к тому, что уже внутри самой геномики стали развиваться специализированные разделы, такие как функциональная геномика, сравнительная геномика, медицинская геномика, и, наконец, наиболее захватывающий раздел – этническая геномика.

Основной задачей этнической геномики является изучение геномного разнообразия в генофонде отдельных популяций, этносов, этно-территориальных общностей. Самым интригующим в этнической геномике является то, что изучение генома ныне живущих людей дает возможность получить сведения об очень отдаленных исторических событиях, вплоть до момента происхождения нашего вида. Чтобы прочесть эти сведения, необходимо провести анализ геномных маркеров многих человеческих сообществ и оценить степень их генетического родства.

*Лимборская Светлана Андреевна (Москва) – доктор биологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, зав. отделом молекулярных основ генетики человека Института молекулярной генетики РАН.

Прежде, чем приступить к рассмотрению основных проблем этнической геномики, необходимо несколько слов сказать о геноме человека. Вспомним, что почти каждая клетка нашего тела (кроме некоторых форменных элементов крови) содержит клеточное ядро. В каждом клеточном ядре имеются молекулы ДНК – материальные носители нашей наследственности. Именно в ДНК зашифрованы все наши наследственные свойства и признаки, полученные нами от родителей.

ДНК – это сложный биополимер, состоящий из соединенных между собой звеньев, называемых нуклеотидами. В состав ДНК входят четыре нуклеотида: аденозин (А), тимидин (Т), цитидин (С), гуанозин (G). Именно они – А, Т, С, G – и считаются теми самыми буквами, с помощью которых записана наша наследственная информация. Эта запись состоит из различного их сочетания вдоль цепи ДНК. Таким образом (и это удивительно) всего четыре буквы зашифровывают всю нашу информацию о генах, обмене веществ, регуляции этого обмена – и в том числе определяют реакцию организма на факторы внешней среды.

Если взять любой расшифрованный участок генома человека, записанный четырьмя буквами, и распечатать на бумаге, то на одной странице уместится только три тысячи нуклеотидов. Весь наш геном (а геном – это вся совокупность ДНК клеточного ядра) содержит 3 миллиарда этих букв. Как мы можем себе представить, что такое 3 миллиарда букв? Если запись всего расшифрованного генома человека напечатать обычным типографским шрифтом, то нам понадобятся сотни увесистых томов типа энциклопедии. И это геном только одного человека.

Первые же исследования ДНК разных людей показали, что у всех у нас основные принципы устройства генома очень похожи. Однако найдено множество точек, по которым мы можем легко отличать геном одного человека от другого. На этом основаны методы идентификации личности по ДНК и установления родства (отцовства, материнства и т.д.).

В результате многочисленных исследований было обнаружено фундаментальное свойство генома – его вариабельность (полиморфизм). Это свойство можно обнаружить только в том случае, когда сравнивают геномы разных людей между собой и выявляют различия между ними.

Геномный полиморфизм обычно обозначает нейтральные вариации в строении генома у разных людей. Нейтральные, или, как еще их называют более образно – молчащие вариации, – это те вариации,

которые не проявляются внешне и не сказываются на здоровье человека.

В геноме имеется несколько вариантов полиморфизма. Первый вариант – это точковые замены нуклеотидов, т.е. одна «буква» меняется на другую (однонуклеотидный полиморфизм). Это наиболее представленный в геноме полиморфизм. Оказалось, что примерно на каждые 1000 нуклеотидов приходится одна точковая замена, т.е. у одних людей здесь находится один нуклеотид (одна буква), у других – другой. Например, в какой-то точке генома у одних людей стоит буква С, у других – Т. В другой точке у одних людей – G, у других – А. Повторяю, что здесь речь идет о заменах нейтральных, не влияющих на здоровье. И таких варибельных точек в геноме имеется примерно 3 млн. (учитывая, что размер генома 3 млрд. нуклеотидов). Это огромная величина, хотя она и составляет всего навсего 0,1% всего генома.

Следует отметить, что этот тип полиморфизма характеризуется низкой частотой возникновения. Одна точковая замена может происходить очень редко, например, один раз в течение нескольких тысяч лет. Чем меньше скорость возникновения полиморфизма, тем более отдаленные события он маркирует. Таким образом, как будет видно далее, данный тип полиморфизма используют в тех случаях, когда хотят выяснить события, происходившие в очень отдаленные времена.

В геноме имеются и другие типы полиморфизма, например, так называемые гиперварибельные участки. Оказалось, что во многих участках генома находятся так называемые tandemные повторы, т.е. одна небольшая нуклеотидная последовательность может быть повторена несколько раз, причем эти участки следуют один за другим стык в стык. В качестве примера можно привести миоглобиновый ген, внутри которого обнаружен участок, размером в 33 нуклеотида, повторенный четыре раза (tandемная организация). В этой же точке миоглобинового гена у второго человека число таких tandemных повторов может быть 10, у третьего – 15 и т.д. Из-за столь большого индивидуального разнообразия информативность этих маркеров очень высока.

Именно этот вариант геномного полиморфизма был обнаружен в 1985 г. А.Джеффрисом и соавторами из Лестерского университета в Англии. Эта работа произвела подлинный переворот не только в молекулярной генетике, но и во многих областях биологии и медицины. Исследователи показали, что именно этот повтор содержится не только в миоглобиновом гене, но и во многих других участках генома. Таким образом, он имеет, как говорят, множественную лока-

лизацию в геноме. Это позволяет в одном эксперименте проанализировать все участки, содержащие данный tandemный повтор. Первые же исследования показали, что число tandemных повторов в каждом изучаемом участке сильно варьирует от человека к человеку, т.е. наблюдался высокий межиндивидуальный полиморфизм. У каждого человека выявлялся свой индивидуальный, высокоспецифический рисунок таких гипервариабельных участков. Вероятность совпадения такой картины для двух разных индивидов крайне мала – 10^{-11} , что превышает по точности метод отпечатков пальцев в дактилоскопии. Так как в то время часто сравнивали данные анализа ДНК с результатами дактилоскопии, то этот метод получил название ДНК-фингерпринтинга или геномной дактилоскопии. Анализ таких участков стал активно использоваться для установления родства и идентификации личности в практических целях.

В геноме также встречаются единичные гипервариабельные участки. Каждый из них расположен в одной конкретной точке генома, представляет собой tandemный повтор, варьирующий по длине у разных людей. Очевидно, что один такой вариабельный участок не может сравниться по обилию генетической информации об индивидууме с tandemными участками, имеющими множественную локализацию в геноме. Однако, если взять в анализ несколько таких единичных участков в количестве, допустим, 6, 7 или 9, то с их помощью можно получить сведения об индивидуальности генома с достаточной вероятностью, хотя и не столь высокой, как при маркерах с множественной локализацией. Тем не менее этот подход часто используется в криминалистике и судебной медицине, и связано это с тем, что в таком случае можно использовать сравнительно простой метод анализа, который доступен для прикладных лабораторий.

Следует отметить, что различия по гипервариабельным участкам возникают значительно чаще (в 1000 раз), чем в случае точковых замен. Как будет показано далее, изучение этого типа полиморфизма позволяет тестировать события сравнительно недавнего прошлого.

Итак мы увидели, что имеется высокая степень межиндивидуального геномного полиморфизма. В то же время близкие родственники обладают некими сходными геномными характеристиками. Возникает вопрос – имеются ли какие-либо закономерности в геномной вариабельности внутри групп людей, принадлежащих к одной популяции, к одному этносу, к одной этнотерриториальной общности.

Оказалось, что у людей внутри этнических общностей имеются сходные характеристики. Разные этнические группы могут отличаться между собой по частоте и по спектру встречаемости конк-

ретных вариантов. На основании этого можно вычислить степень сходства и различия популяций, оценить их этноисторическое происхождение.

Важно отметить, что маркеры ДНК, используемые для исследования популяций, можно разделить на три группы. Первая – это группа маркеров митохондриальной ДНК, которая наследуется по материнской линии. С их помощью проведена работа, позволившая свести все современное человечество к одной женщине, жившей в Африке (митохондриальная Ева). Вторая группа маркеров – это маркеры Y-хромосомы, наследующейся по мужской линии. С их помощью был выявлен Адам, тоже африканского происхождения. Третья группа маркеров не зависит от пола, а характеризует сообщество людей в целом.

Первым полиморфизмом ДНК, который был использован для изучения популяций человека – это полиморфизм митохондриальной ДНК. Здесь необходимо отметить, что на самом деле каждая клетка нашего организма содержит два генома – один ядерный, «истинно человеческий», в котором зашифрованы все наши признаки. Другой геном содержится вне ядра в клеточных тельцах – митохондриях, основная роль которых состоит в обеспечении клетки энергией. По образному выражению одного из исследователей этих клеточных образований, «митохондрии являются силовыми станциями клетки». В каждой клетке содержится от нескольких десятков до нескольких тысяч митохондрий. Митохондрии обладают собственным геномом, причем, как правило, все митохондрии одного и того же организма имеют одинаковый геном.

Геном митохондрий очень мал (16569 нуклеотидов), в нем содержится всего 37 генов, которые кодируют белки, необходимые для функционирования митохондрии. Обладает очень высоким уровнем полиморфизма, так как скорость накопления мутаций (изменений) в 10-15 раз выше, чем в ядерном геноме. Митохондриальный геном у человека наследуется по материнской линии. Таким образом, его анализ дает информацию о генетической истории по женской линии.

Почти двадцать лет назад была выполнена работа, которая вызвала большой резонанс в мировой науке. Авторы взяли в исследование несколько десятков популяций из разных регионов мира. У каждого обследованного человека в митохондриальной ДНК было определено 370 известных на то время полиморфных участков. Выявлено, какое конкретное их сочетание имелось у конкретного человека (т.е. определен митотип).

Далее сравнили эти сочетания – митотипы – у людей разных популяций и построили эволюционное древо (дендрограмму), которое показало, как связаны между собой митотипы людей, относящихся к разным популяциям. Популяции более родственных народов оказались на этом древе рядом, так как они обладали похожими митотипами. Более отдаленные народы имели менее похожие митотипы и оказывались на дендрограмме далеко друг от друга. Интересно, что в основании древа находятся митотипы, обнаруженные у африканцев. Митотипы всех остальных народов являются производными от африканцев. Из этого был сделан вывод об африканском происхождении всего человечества.

Кроме того, исследователи обратили внимание, что все базовые африканские митотипы могут быть математически достаточно просто сведены к единому виртуальному митотипу. Этот митотип, не существующий ныне, но легко вычисленный, авторы обозначили как митотип Евы, прародительницы рода человеческого.

На основании самых современных исследований митохондриальной ДНК ныне живущих людей была построена карта древних миграций человека.

Оказалось, что самые ранние миграции по выходе человека из Африки осуществлялись более 70 тысяч лет назад по южной береговой линии Азии в Австралию. Затем человек активно осваивал Азиатский континент; в Европу он проник 40 тысяч лет назад, и позже – в Новый Свет.

Интересующий нас регион – Северную Евразию – на сегодняшний день населяют народы, относящиеся к европеоидной и монголоидной расе, а также те, которые в разной степени содержат тот и другой компонент. Митотипы европеоидных и монголоидных групп существенно различаются. Монголоидные достаточно гетерогенны и представлены несколькими вариантами митотипов. В отличие от них европеоиды более гомогенны, у многих содержится один и тот же вариант митотипа. На рис. 1 в качестве примера представлены наши результаты по митохондриальной ДНК европейских популяций. Это – восточные славяне, одна популяция – белорусская и две – русские. Здесь результаты представлены в виде медианных сетей. Митотипы обозначены кружками, причем, чем чаще встречается митотип в изучаемой популяции, тем больше диаметр соответствующего кружка. Вокруг него располагают те митотипы, которые отличаются от него одной нуклеотидной заменой, далее – те, которые таким же образом отличаются от последних и т.д.

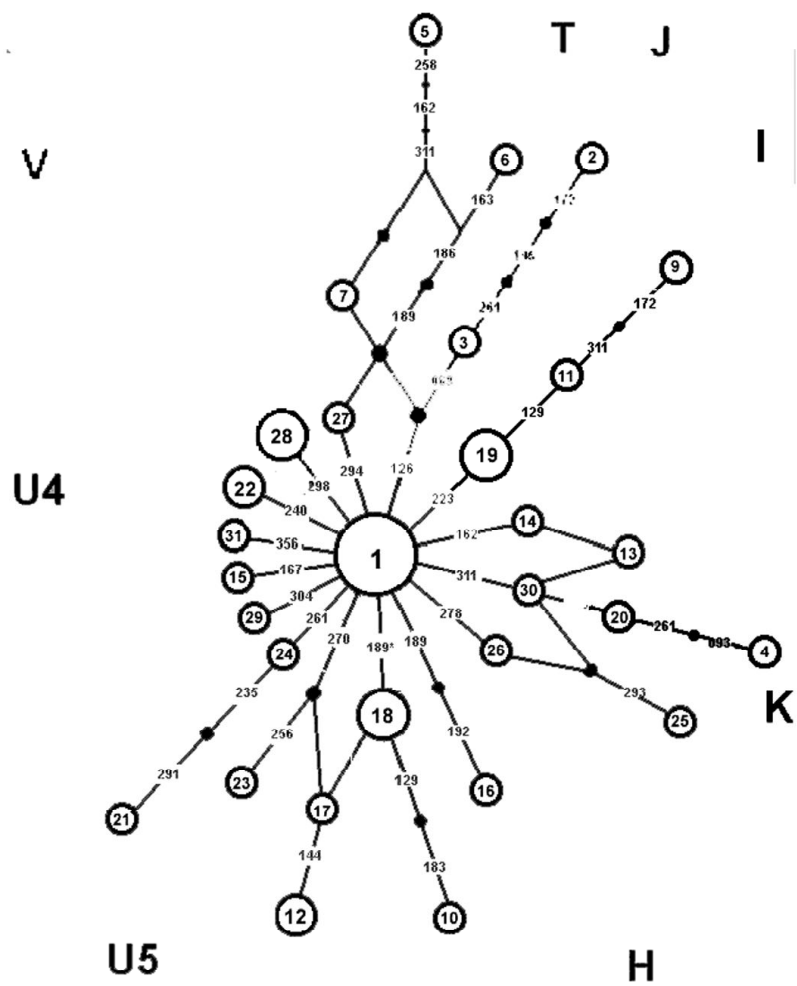

Рис. 1. Медианная сеть, построенная по первому гипервариабельному участку мтДНК для трех восточнославянских популяций.

В этих популяциях видно довольно много разных вариантов митотипов, однако особенно часто встречается митотип, относящийся к так называемой гаплогруппе Н, именно такая ситуация характерна для большинства европеоидных народов. По встречаемости этого митотипа в популяциях смешанного происхождения можно оценить вклад европеоидного компонента по женской линии.

В геноме человека имеется также система маркеров, позволяющих оценивать генетический вклад в этническую историю по мужской линии. В клеточном ядре наш геном распределен по 46 хромосомам, из них две – половые, у женщин они одинаковые – XX, у мужчин – разные – XY. Y-хромосома содержится только в геноме мужчин и передается в ряду поколений от отца к сыну, причем практически в неизменном виде, сохраняя один и тот же генетический материал и одно и то же сочетание полиморфных маркеров. Таким образом, эта структура является очень устойчивой во времени, хотя и подвергается изменениям за счет случайных мутаций.

Именно полиморфные маркеры Y-хромосомы активно используются для изучения генетической истории популяций по мужской линии. В качестве примера я приведу работу, которая была выполнена большим интернациональным коллективом, куда вошли две американские и восемь европейских лабораторий, включая нашу.

В работе изучали более тысячи мужчин из 25 регионов Европы и Ближнего Востока. У каждого из них было изучено более 20 полиморфных участков Y-хромосомы и проанализированы их сочетания – так называемые гаплотипы. Причем в работу был взят полиморфизм в виде замен нуклеотидов, имеющих низкую скорость изменений (редко происходящих), и таким образом пригодных для оценки событий, происходивших в весьма давние времена. У европейцев было выявлено всего навсего 10 вариантов гаплотипов, что говорит о наличии здесь только 10 исторических родословных по мужской линии. При этом оказалось, что более половины европейских мужчин содержат два гаплотипа, которые являются родственными, но отличаются лишь в одной точке. Интересно, что эти родственные гаплотипы имеют прямо противоположное географическое распределение. Один из них наиболее представлен у басков и других жителей Пиренейского полуострова. Частота этого гаплотипа уменьшается с запада на восток. Второй гаплотип, наоборот, практически отсутствует в Западной Европе, максимально встречаясь в Центральной и Восточной (Польша, Венгрия, Украина).

Оба гаплотипа относятся к очень древней ветви, характерной для Северной Евразии. По-видимому, эти варианты или возникли в

Европе, или привнесены сюда 35-40 тысяч лет назад с востока той группой *Homo sapiens*, которая начала освоение нового для себя континента.

Данные по распространению двух основных европейских гаплотипов позволяют предположить следующий сценарий. Во время последнего ледникового периода люди, освоившие северо-восток и центральную часть Европы, вынуждены были переместиться западнее и южнее. Часть из них обосновалась в Пиренеях, другие – на Балканах (единственное место в Центральной Европе, где сохранилась возможность существования). Таким образом ледниковый период люди переживали в двух регионах, находясь в значительной изоляции друг от друга. Есть целый ряд данных, в том числе по другим маркерам ДНК, подтверждающих описанную картину.

После окончания ледникового периода началось повторное заселение Европы, основным источником которого явились убежища на Балканах и Пиренеях.

Кроме двух основных гаплотипов у европейцев было также выявлено еще два гаплотипа, которые, как показали детальные исследования, появились в Европе из Ближнего Востока уже в послеледниковый период (неолит), по-видимому, неся с собой новую земледельческую культуру.

Остальные шесть обнаруженных гаплотипов можно отнести к тем родословным, которые существовали в Европе до ледникового периода наряду с двумя основными.

Таким образом было показано, что современный европейский генофонд на 80% имеет древнее палеолитическое происхождение и на 20% – неолитическое.

Многочисленные последующие работы других авторов подтвердили в деталях полученные результаты.

В том случае, когда нас интересуют сравнительно недавние события – в пределах 1-2 тысяч лет, в исследование необходимо брать другой тип маркеров Y-хромосомы – tandemно организованные гипервариабельные участки.

В качестве примера я приведу нашу работу по изучению трех восточно-славянских популяций (Киевская, Новгородская, Пинская). Исследование проводилось совместно с украинскими и белорусскими коллегами. Так как расхождение восточных славян относится к событиям относительно недавним, то для исследования были выбраны гипервариабельные участки Y-хромосомы, маркирующие события именно такого рода.

Анализ проводили по пяти полиморфным маркерам и определяли их сочетание (гаплотипы). Обнаружено, что для всего изученного массива один из гаплотипов встречается наиболее часто. Он обозначен номером 1. Второй по степени встречаемости обозначен № 2 и т.д.

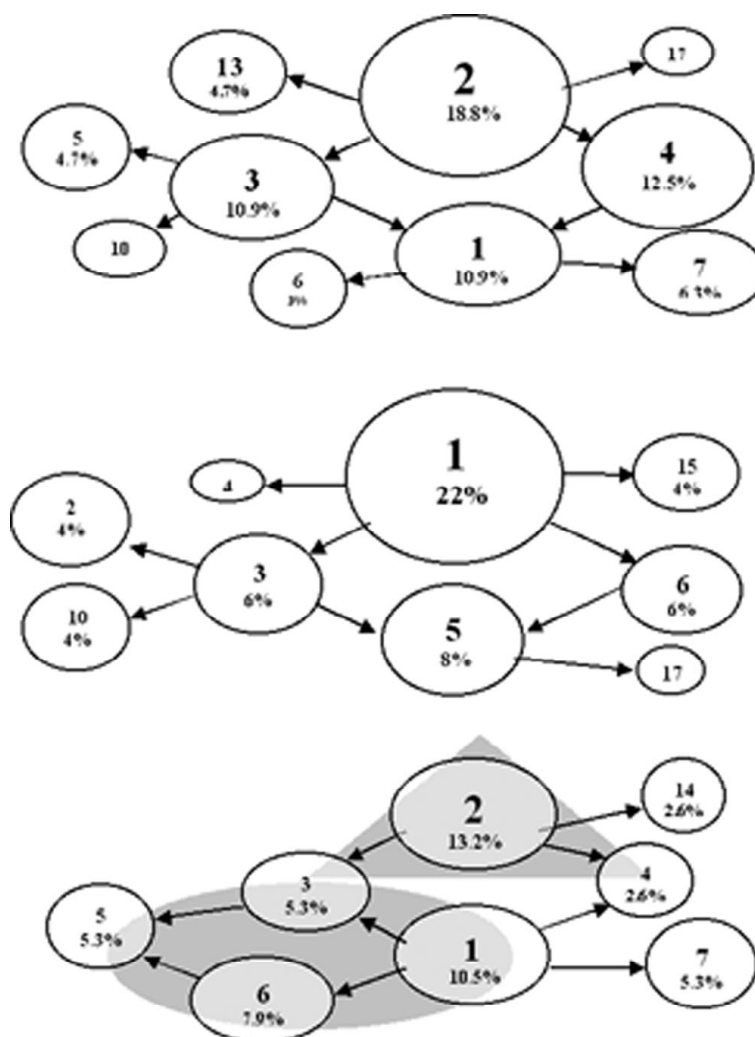

Рис. 2. Медианные сети наиболее частых гаплотипов в популяциях: А) – Украины; В) – России; С) – Белоруссии (цифрой обозначены номер гаплотипа и его частота).

На рис. 2 представлены взаимоотношения гаплотипов для каждой изученной популяции. Видно, что самые частые – № 1 и № 2 – различаются только в двух точках. Оба они представлены достаточно хорошо во всех трех популяциях. Интересно, что у русских гаплотип № 1 является самым частым, у украинцев таковым является № 2, а у белорусов оба гаплотипа представлены почти поровну. Кроме того, у белорусов окружение гаплотипов вблизи гаплотипа № 1 похоже на таковое для русских, а вблизи гаплотипа № 2 – на украинцев. Эти результаты можно трактовать таким образом, что белорусская популяция по данным характеристикам ближе других к предковой восточно-славянской. Такая точка зрения имеется у ряда исследователей смежных наук, и наши результаты на данном этапе ее подтверждают.

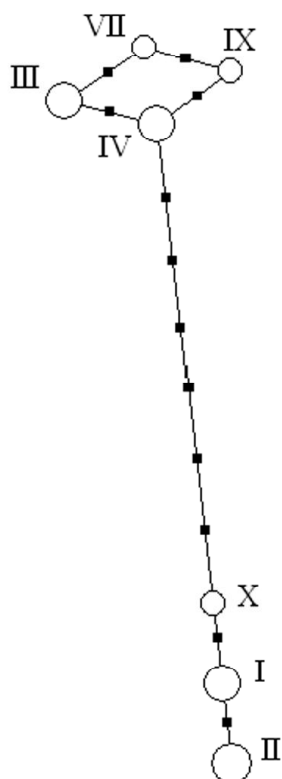

Рис. 3. Медианная сеть наиболее частых Y-STR гаплотипов Архангельской популяции.

С помощью маркеров этого же типа можно решать и более локальные вопросы. Например, в нашей работе мы проводили исследование одной из северных русских популяций Архангельской области. Это – село Ошевенское Каргопольского района. Мы анализировали маркеры Y-хромосомы у ошевенских мужчин и сравнивали с другими русскими популяциями. На рис. 3 дана взаимосвязь гаплотипов данной популяции. Видно, что имеется два сильно различающихся гаплотипа, наиболее часто встречающихся здесь. Подробное сравнение этих двух вариантов с теми, которые описаны для других популяций, показало, что один из этих гаплотипов типичен для русских. Другой часто встречается в угро-финских общностях. Отсюда можно сделать вывод о том, что по мужской линии ошевенское население формировалось на основе как русских предков, так и живших здесь ранее угро-финнов.

И, наконец, рассмотрим маркеры основной части генома, которые наследуются независимо от пола и позволяют изучать характеристики популяции в целом. Я хочу это проиллюстрировать на примере наших результатов, связанных с изучением геномной вариабельности народов нашей страны, и в первую очередь – Восточной Европы.

Анализ одного из гипервариабельных участков генома в 53 различных популяциях обнаружил довольно большой массив информации, содержащей частоты всех обнаруженных вариантов данного участка от пятичленного повтора до 32-членного.

Другие гипервариабельные участки, имеющие тандемную организацию, также обнаруживали значительные по размеру массивы информации.

На что мы обратили внимание, это то, что все исследованные нами гипервариабельные участки обладают расоводиагностическими свойствами в отношении европеоидных и монголоидных групп, с которыми мы работаем. Другими словами, спектр вариантов каждого маркера существенно различается у европеоидных и монголоидных народов.

В качестве примера можно рассмотреть спектры вариантов маркера DM. В европеоидной популяции (пусть это будут русские Курской области) наиболее часто встречающимся (т.е. мажорным) является пятичленный повтор. Здесь он обнаружен более чем в 40% случаев. В некоторых других европеоидных популяциях эта величина достигает 50%. В монголоидной (например, якутской) популяции встречаемость этого варианта существенно ниже (7%). В башкирской популяции частота пятичленного повтора несколько ниже, чем в

Курской, но выше, чем у якутской и составляет 28%. Напротив, у якутов с большей частотой, чем у русских, встречаются варианты с числом повторов от 12 до 15. Надо сказать, что и уральские популяции в большем количестве содержат данную группу вариантов.

Для других маркеров также можно видеть подобные различия. Причем, в каждом случае они носят не случайный, а закономерный характер. Если мы возьмем вместо курской популяции, допустим, белорусскую, а вместо якутской – бурятскую, то увидим те же закономерности. Это может быть связано в первую очередь с различиями эволюционных траекторий для европеоидных и монголоидных групп, что и отразилось на многих характеристиках их генофонда. Кроме того, адаптация к условиям внешней среды также может вносить вклад в спектр вариантов генетических маркеров в изучаемых популяциях.

Следует еще раз подчеркнуть, что пока все маркеры ДНК, с которыми мы работали, обладают расоводиагностическими свойствами. Является ли это общим их свойством, можно будет сказать в дальнейшем, но уже сейчас этот факт заслуживает внимания.

Для того, чтобы обобщить весь массив результатов по всем изученным гипервариабельным участкам генома необходимо использовать методы многомерного статистического анализа. С помощью метода главных компонент удастся «сжать» имеющуюся информацию без потерь ее информативности и получить обобщающие сведения по всему массиву.

Так как мы анализируем вариабельные участки, т.е. изменчивые, то по ним мы можем получить сведения об основных направлениях изменчивости генофонда. Эту обобщающую информацию мы разместили в географическом пространстве региона, наиболее пристально изучаемого нами – это регион Восточной Европы.

На рис. 4 представлено распределение 1-й главной компоненты, т.е. самого главного, основного направления изменчивости Восточно-Европейского генофонда. Здесь видны два экстремума: один – на северо-востоке (обозначен темным), другой – на юго-западе (показан светло-серым).

Эти результаты можно интерпретировать как влияние северных уральских племен, осуществляющееся с очень древних времен. Есть данные других наук о том, что в древности имела группа северных племен, язык которых явился основой уральской языковой семьи. Эта группа сформировалась на северном Урале, распространилась в доисторические времена по арктическому побережью Европы и далее продвигалась южнее, где смешивалась с европеоидными попу-

ляциями. И вот сегодня в генофонде региона сохранилась картина, отражающая эти древние события.

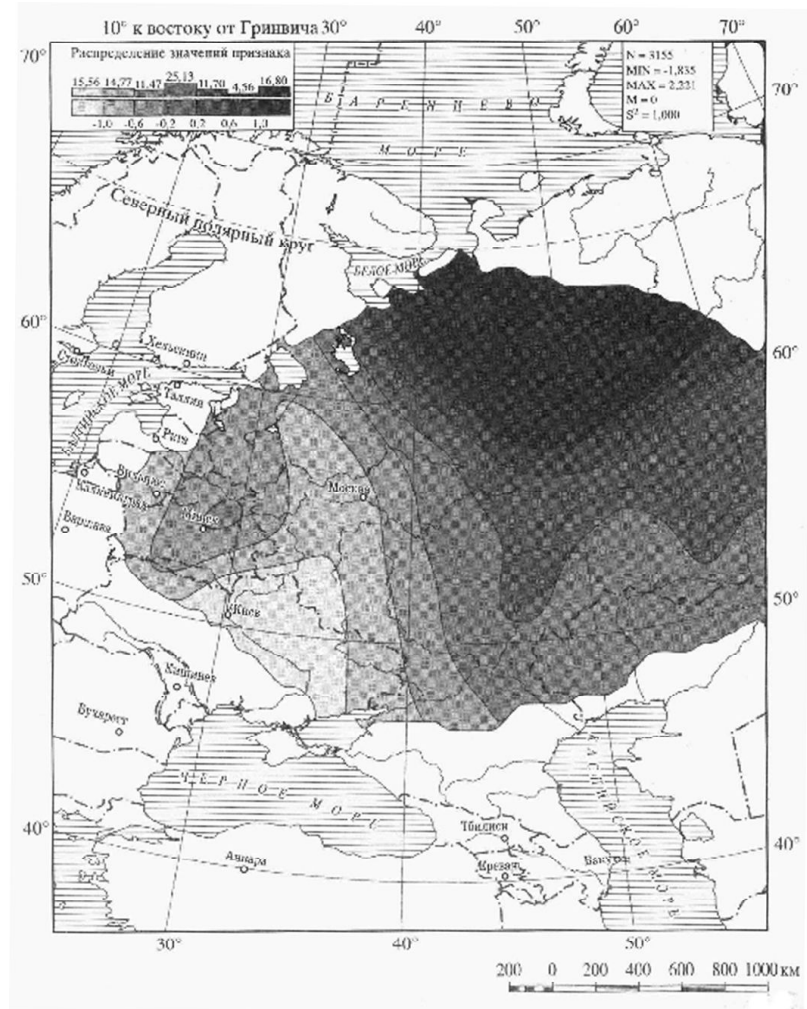

Рис. 4. Карта первой главной компоненты изменчивости
вариабельных локусов ДНК.

Подтверждение этих данных мы получили из другого нашего исследования, использующего маркеры со множественной локализацией в геноме. Информационный массив, получающийся в результате такого анализа, чрезвычайно велик. И основная проблема состоит в

том, чтобы извлечь и осмыслить эту информацию. Мы испытали множество подходов многомерного статистического анализа, которые в целом давали идентичные и адекватные результаты.

На рис. 5 представлены результаты обработки данных с помощью метода многомерного анализа соответствий для исследованных популяций: двух белорусских, одной русской, одной якутской и группы уральских популяций. (Анализ уральских популяций выполнялся совместно с уфимскими коллегами на базе нашей лаборатории). Видно, что данная система маркеров обладает высокой дифференцирующей способностью не только для отдаленных популяций, но также и для близкородственных. Интересно, как здесь расположились популяции: отдельный кластер европеоидных популяций, отдельный – монголоидный и отдельный – для уральских.

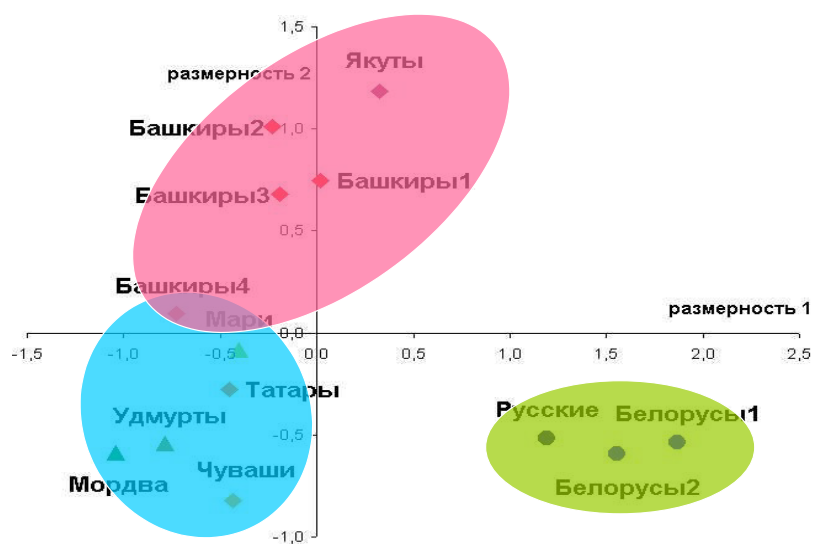

Рис. 4. Карта первой главной компоненты изменчивости
вариабельных локусов ДНК.

Эти результаты представляют интерес с позиций антропологов, так как в их среде имеются две точки зрения на происхождение уральской группы народов. Одна, традиционная, считает, что уральские народы сложились в результате смешения монголоидных и европеоидных групп. Действительно, в разных пропорциях эти компо-

ненты присутствуют у каждого из уральских этносов. Вторая точка зрения, особенно поддерживаемая одним из корифеев отечественной антропологии – В.В.Бунаком, заключается в том, что уральская группа – это потомки исходной древней популяции, которая существовала, возможно, до разделения монголоидов и европеоидов. В.В.Бунак предполагал, что особенности этого древнего единого уральского пранарода сохранились у большинства современных уральских популяций, несмотря на более поздние процессы смешения с различными европейскими и сибирскими группами. И обнаруженное нами особое расположение уральцев в условном пространстве снова поднимает вопрос об этой проблеме. То, что три мажорных кластера (европеоидный, монголоидный и уральский) образуют треугольник в данном пространстве, говорит о том, что уральская группа по изучаемым признакам несет в себе особенности, отличные от монголоидных и европеоидных, и обуславливающих своеобразие уральской группы. Таким образом, на основании многочисленных данных, некоторые из которых представлены здесь, мы пришли к предположению, что популяционные характеристики используемого нами мультилокусного маркера позволяют выявить те особенности древней генетической истории этносов, которые не удается определить с помощью других типов геномных маркеров.

Необходимо отметить также, что полиморфные маркеры ДНК несут информацию не только о генетической истории этносов, но и об особенностях адаптации популяций к параметрам внешней среды, включая климатические. В своих исследованиях мы выявили маркеры ДНК, существенно зависящие от такого рода факторов.

Один из них – это полиморфизм в гене рецептора CCR5. Этот клеточный рецептор используется вирусом, вызывающим СПИД, для проникновения внутрь клетки. У некоторых людей в этом гене имеется нехватка (делеция) 32 нуклеотидов. Интересно, что в случае этой нехватки, свойства рецептора меняются, и вирус не может взаимодействовать с таким рецептором и проникнуть в клетку. Таким образом этот полиморфный вариант гена CCR5 определяет устойчивость к СПИД, даже, если люди, его имеющие, входят в группы высокого риска по заболеванию.

Изучение частоты встречаемости полиморфного варианта с делецией (нехваткой) в разных популяциях Восточного Полушария показало, что в Азии и Африке данный вариант практически не встречается. Он встречается с разной частотой в европейских популяциях, причем регионы с максимальной частотой расположены в северной и восточной части Европы. Появление здесь этого полиморфного

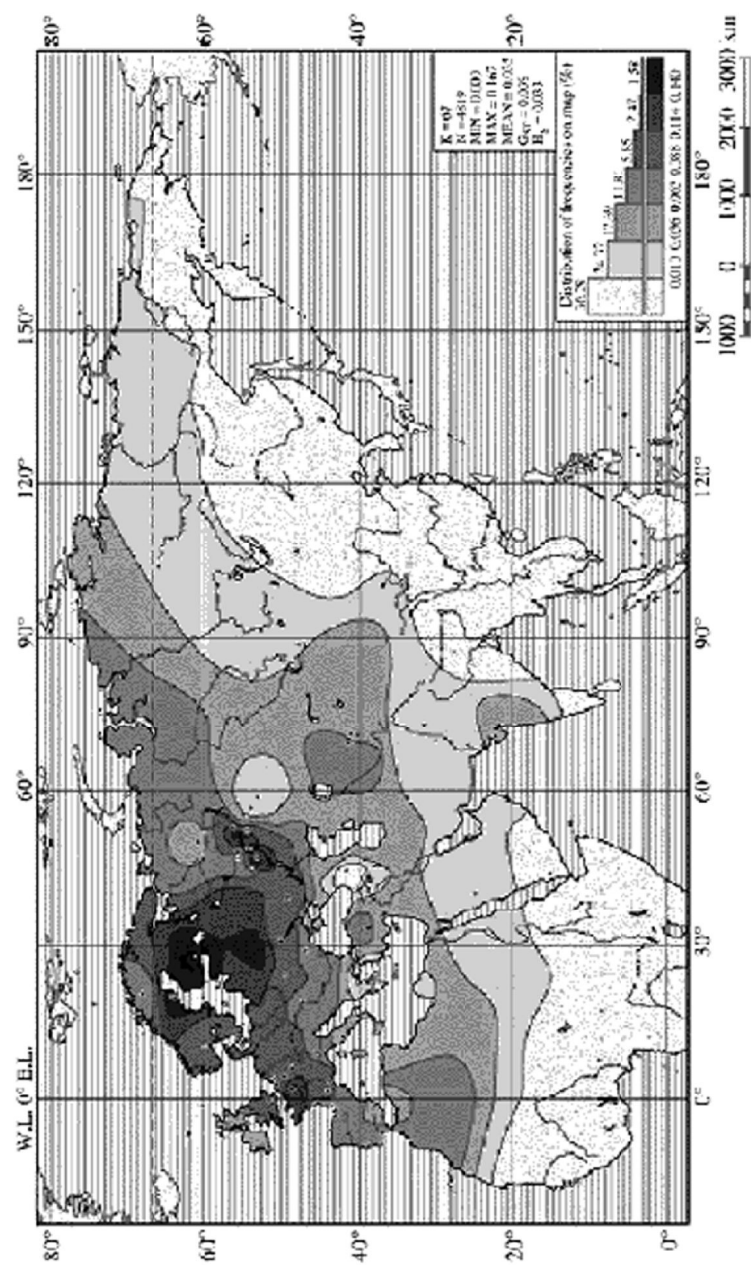

Рис. 6. Географическое распределение делеционного аллеля SSKΔΔ2 в популяциях Старого Света.

варианта неожиданно – ведь европейское население ранее не сталкивалось со СПИД. Сейчас появились сведения о том, что возбудитель натуральной оспы использует рецептор CCR5 для проникновения в клетку. Тогда можно предположить, что здесь осуществилась селекция во время эпидемий данного заболевания, и это привело к накоплению устойчивого варианта гена в очагах распространения инфекции.

Мы провели корреляционный анализ между частотой встречаемости данного полиморфного варианта с восемью климатогеографическими параметрами. Тщательные исследования показали высокодостоверную связь годового радиационного баланса с изучаемым полиморфным вариантом.

Таким образом была продемонстрирована существенная роль климатических факторов, наряду с популяционно-демографическими, в определении генетических параметров популяций и в направлении процессов их микроэволюции.

Еще один пример, обнаруженный нами, демонстрирует корреляцию полиморфных маркеров с климато-географическими факторами. Мы изучали полиморфные маркеры вблизи жизненно важного гена P53, контролирующего множество регуляторных клеточных функций. Был выявлен один вариант сочетания маркеров, частота которого изменялась с востока на запад с 17,8% до 0,7%, показывая достоверную корреляцию с географической частотой.

Число сведений о существовании маркеров, зависящих от внешнесредовых параметров, постоянно возрастает. Можно полагать, что в дальнейшем использование этой группы маркеров для анализа популяций позволит прояснить многие вопросы генетической адаптации и оценить ее вклад в становление генофонда того или иного региона, в том числе – Северной Евразии.

Таким образом, подходы и методы этнической геномики, которые начали использовать для изучения населения Северной Евразии, несомненно, уже в самое ближайшее время позволят выявить множество интересных аспектов в истории формирования генофонда проживающих здесь этносов и этнотерриториальных групп.

Литература

1. Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A. The history and geography of human genes. New Jersey, Princeton Univ. Press: 1994. 1071 p.
2. Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 261 с.

3. Semino O., Passarino G., Oefner P.J., Lin A.A., Arbuzova S., Beckman L.E., de Benedictis G., Francalacci P., Kouvatsi A., Limborska S., Marcikiae M., Mika A., Mika B., Primorac D., Santachiara-Benerecetti A.S., Cavali-Sforza L.L., Underhill P.A. The genetic legacy of Paleolithic Homo sapiens sapiens in extant Europeans: a Y chromosome perspective. *Science*, 2000. Vol. 290, N 5494. P. 1155-1159
4. Кравченко С.А., Сломинский П.А., Бец Л.В., Степанова А.В., Микулич А.И., Лимборская С.А., Лившиц Л.А. Полиморфизм STR-локусов Y-хромосомы у восточных славян в трех популяциях из Белоруссии, России и Украины. *Генетика*, 2002. Т. 38, № 1. С. 97-104.
5. Лимборская С.А. Молекулярная генетика человека: исследования в области медицинской и этнической геномики. *Молекулярная биология*, 2004. Т. 38, № 1. С. 117-128.
6. Shabrova E.V., Khusnutdinova E.K., Tarskaia L.A., Mikulich A.I., Abolmasov N.N., Limborska S.A. DNA diversity of human populations from Eastern Europe and Siberia studied by multilocus DNA fingerprinting. *Mol Genet Genomics*, 2004. V. 271. P. 291-297.
7. Khrunin A.V., Tarskaia L.A., Spitsyn V.A., Lylova O.I., Bebyakova N.A., Mikulich A.I., Limborska S.A. p53 polymorphisms in Russia and Belarus: correlation of 2-1-1 haplotype frequency with longitude // *Mol Genet Genomics*, 2005. V. 272. № 6. P. 666-672.
8. Хрунин А.В., Бебякова Н.А., Иванов В.П., Солодилова М.А., Лимборская С.А. Полиморфизм микросателлитов Y-хромосомы в русских популяциях севера и юга России на примере Курской и Архангельской областей // *Генетика*, 2005. Т. 41. № 8. С. 1-7.

А. В. Хрунин, Д. А. Вербенко*

**Сравнительный анализ геномных маркеров
у ижемских и прилузских коми**

Анализ variability генома человека – актуальная задача современной науки не только в области биологии и медицины, но и других научных направлений, включая исторические. В области популяционной генетики и этнической геномики анализ полиморфизма ДНК позволяет прояснить многие вопросы генетической истории, родства и различий конкретных популяций. Основной целью представляемой работы является оценка генетического разнообразия народа коми.

Учитывая, что в ходе этнической истории народа коми имело место неоднократное изменение границ его расселения и связанное с ним культурно-экономическое взаимодействие с соседними народами, анализ было решено начать с изучения двух групп географически разобщенных и имеющих ряд особенностей в культуре и хозяйственной деятельности. Это ижемские и прилузские коми. Ижемские коми заметно выделяются среди других этнографических групп особенностями языка, спецификой традиционного хозяйства, в котором ведущее место на протяжении длительного времени занимало товарное оленеводство, а также отмеченным рядом исследователей своеобразием черт антропологического типа. Для прилузских коми более традиционным является занятие земледелием и скотоводством. К тому же прилузские коми относятся к группе народов, исторически сложившихся в ранние периоды становления населения коми.

Исследование геномного полиморфизма проведено с использованием нескольких полиморфных маркеров ДНК (полиморфные варианты гена p53, гена рецептора дофамина D2, высоковариабельный сегмент гена аполипопротеина В, высоковариабельный участок D1S80). Ген p53 – необходимый компонент функционирования клетки, играющий важнейшую роль в обеспечении контроля целостности генетического материала. Изменения в структуре гена p53 наблюдаются почти в 50% случаев злокачественных заболе-

*Хрунин Андрей Владимирович (Москва) – кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела молекулярных основ генетики человека Института молекулярной генетики (ИМГ) РАН.

Вербенко Дмитрий Анатольевич (Москва) – магистр, младший научный сотрудник отдела молекулярных основ генетики человека ИМГ РАН.

ваний. Помимо изменений (мутаций), характерных для клинических случаев, обнаружено около 20 полиморфных вариантов последовательности гена *p53*, встречающихся в популяциях человека. Считается, что, по крайней мере, три из них, находящиеся в разных участках гена, имеют отношение к процессам, связанным с развитием рака, и являются функционально значимыми. Известно, что полиморфные варианты этих участков в ряде популяций, в том числе и российских, демонстрируют заметные различия в их распределении, обусловленные не только этнической принадлежностью популяций, но и их географической локализацией. В нашем исследовании были использованы три таких полиморфных позиции а также дополнительная, находящаяся вне самого гена.

Анализ полученных данных показал, что исследованные популяции коми достоверно различаются по распределению вариантов трех из четырех изученных полиморфных позиций. По двум из них ижемские коми отличались не только от прилузских, но и от всех других ранее изученных популяций России. У них обнаружены минимальные значения частот встречаемости вариантов. В одном из этих случаев частота варианта у ижемских коми составила 36,6%, тогда как у остальных – от 44% и выше. В другом – частота варианта составила 13,6%. Подобное значение частоты варианта данного полиморфного участка было отмечено лишь в популяции саамов, где оно составляет 16,7%, тогда как у других – от 24,4% и более.

Помимо анализа полиморфизма отдельных маркеров был проведен расчет их возможных устойчивых комбинаций, терминологически обозначаемых как гаплотипы. Статистически достоверным для всех популяций было признано лишь существование гаплотипа, составленного из вариантов трех полиморфных точек. Частоты гаплотипов были использованы для расчета генетических расстояний между исследованными популяциями коми и другими популяциями России и Белоруссии. Результаты обработки полученной матрицы расстояний методами многомерной статистики наглядно отражают отдаленность ижемских коми от других популяций и близость прилузских коми к восточнославянским популяциям (рис.1).

Другим геном, полиморфизм которого был изучен в популяциях коми, был ген рецептора дофамина *D2*. Рецепторы дофамина *D2* играют важную роль в работе нервной системы. Многие препараты, применяемые при лечении психических заболеваний, взаимодействуют с этими рецепторами. По ряду полиморфных вариантов гена *DRD2* проведены масштабные исследования. В данной работе был изучен полиморфизм 5 участков гена. Однако ни

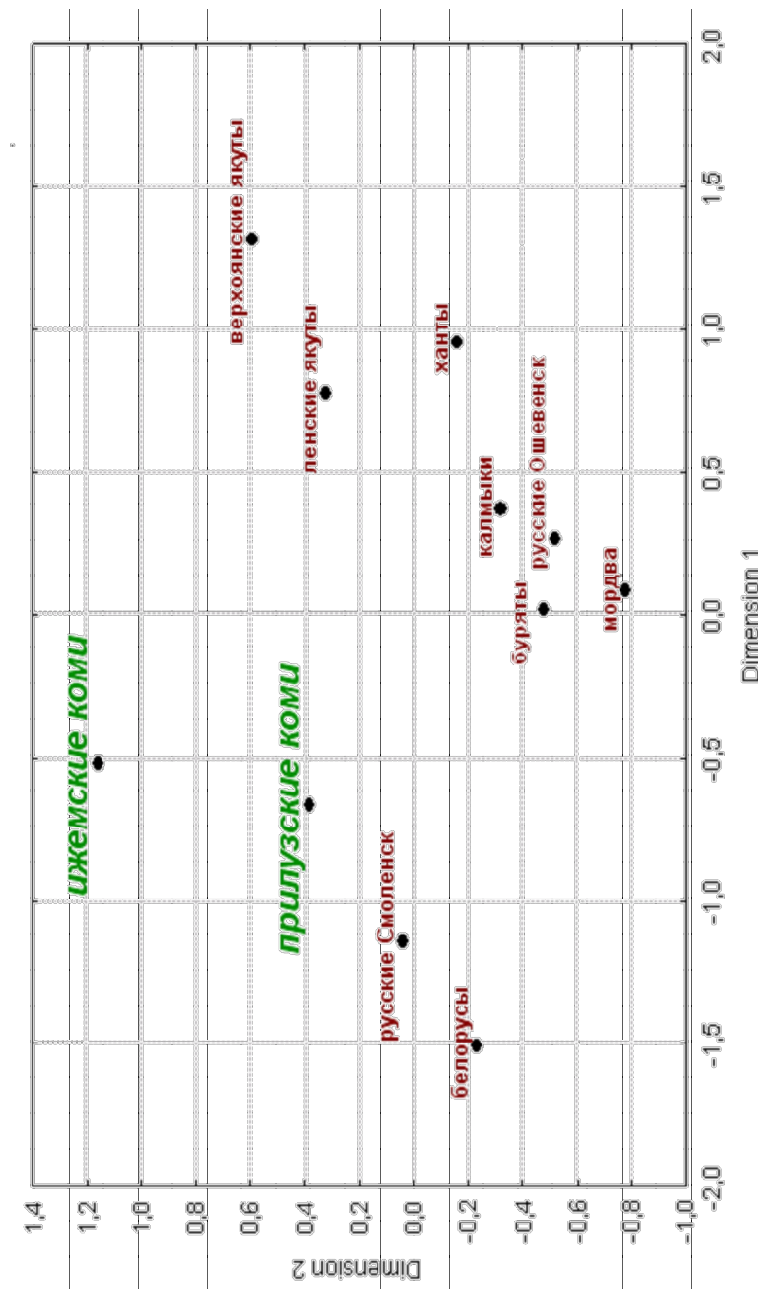

Рис. 1. Расположение этнографических групп коми в сравнении с другими популяциями России и Белоруссии в математическом пространстве (по данным генетических расстояний Нея для гаплотипов гена р53).

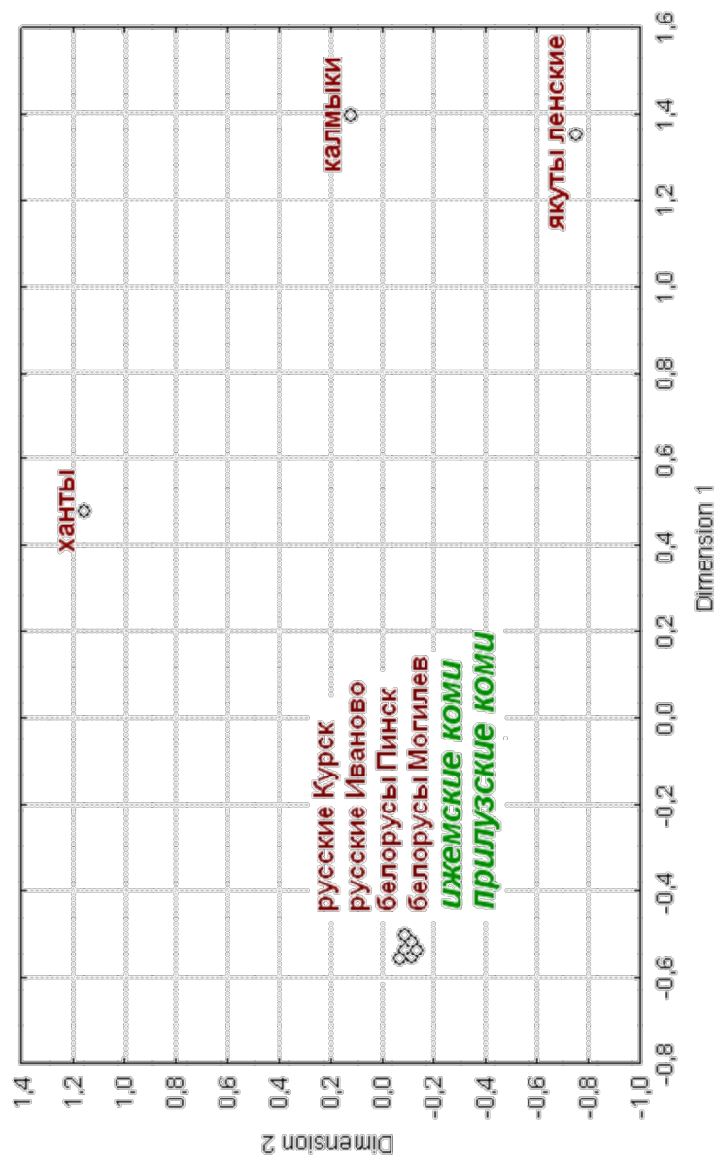

Рис. 2. Расположение этнографических групп коми в сравнении с другими популяциями России и Белоруссии в математическом пространстве (по данным генетических расстояний Нея для гаплотипов гена рецептора дофамина).

по одному из них не было обнаружено достоверных различий между ижемскими и прилузскими коми. По аналогии с предыдущим геном был проведен расчет возможных комбинаций вариантов всех изученных полиморфных участков, а частоты их встречаемости использовали для оценки генетических расстояний между популяциями коми и другими популяциями России и Белоруссии. Результаты многомерной обработки полученной матрицы расстояний демонстрируют отсутствие различий между популяциями коми и восточных славян, которые формируют на диаграмме общий кластер и располагаются на значительном удалении от хантов, калмыков и якутов (Рис. 2).

Наряду с полиморфными позициями для исследований в области этнической геномики и популяционной генетики используется ряд маркеров ДНК, среди которых особое место занимают высоковариабельные участки. Они состоят из нескольких одинаковых коротких последовательностей ДНК, повторяющихся одна за другой. Число таких повторов может изменяться от человека к человеку. Набор таких маркеров может быть различным у каждого человека, что используется при ДНК-идентификации личности и установлении родства. Если проводить анализ этих маркеров на уровне популяции, то можно выявить различия даже между близкородственными группами.

Проведен анализ двух таких участков ДНК. Ранее показано, что эти маркеры имеют особые характеристики, позволяющие достоверно отличать популяции народов разных рас, а также отражают эволюционную траекторию происхождения и дифференцировки этнических групп. Данные, полученные нами при исследовании двух районов Республики Коми, сопоставлены на уровне диаграмм распределения частот вариантов – так называемых «профилей» данного маркера в популяциях. Соотнесение характеристик ижемских и прилузских коми с профилем русской популяции предоставило возможность отметить особенности профиля в популяциях Коми.

Профили частот одного из генов – апополипротеина В – обнаружили значительные различия между ижемскими и прилузскими коми. Частоты встречаемости «мажорных», т.е. наиболее частых вариантов в разных этнографических группах коми характеризуются различными величинами. Наиболее часто встречаются варианты с числом повторов 34-36 и 45. По сравнению с популяциями русских и прилузских коми в популяции ижемских коми превалирует вариант с числом повторов 36 (его частота более 53%), а частота варианта с числом повторов 34 значительно занижена. Сопоставление профилей частот показывает сходство прилузских коми с популяциями русских,

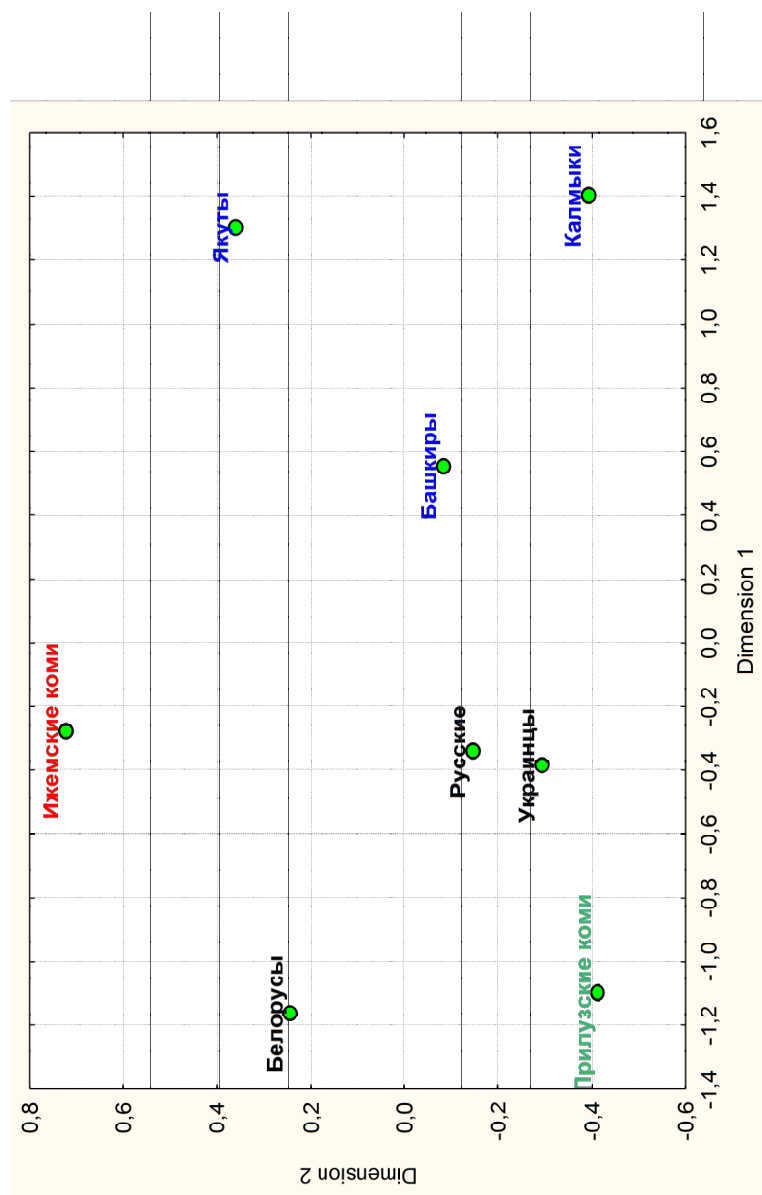

Рис. 3. Расположение этнографических групп коми в сравнении с другими популяциями России и Белоруссии в математическом пространстве (по данным генетических расстояний Нея для гипервариабельного маркера D1S80).

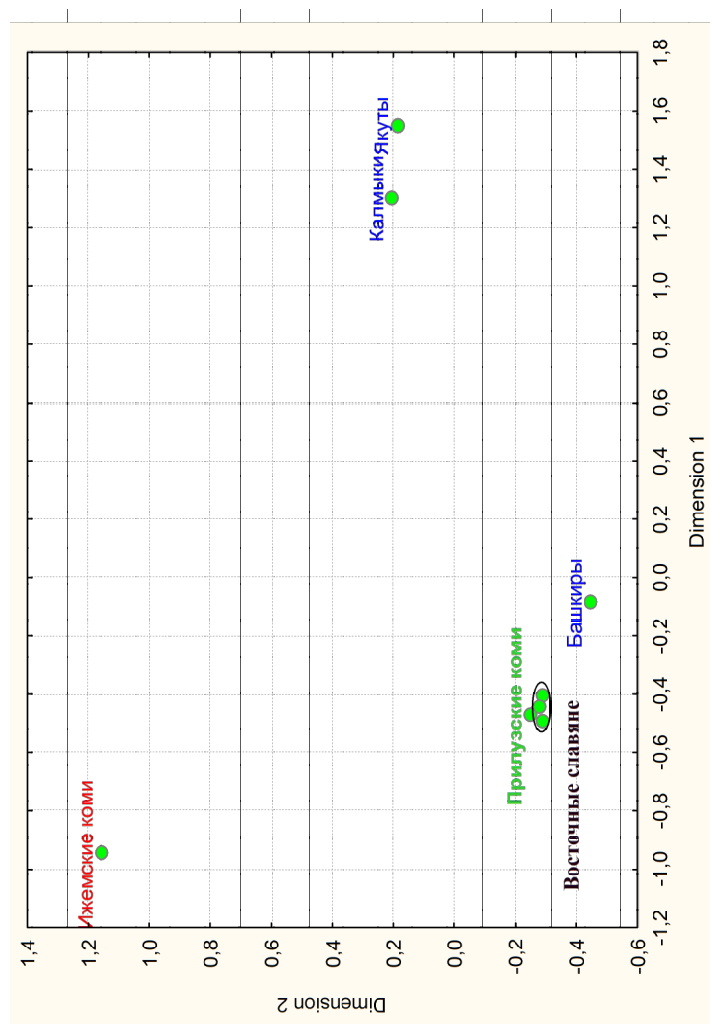

Рис. 4. Расположение этнографических групп коми в сравнении с другими популяциями России и Белоруссии в математическом пространстве (по данным генетических расстояний Нея для гипервариабельного маркера гена аполипопротеина В).

за некоторым исключением. Особенностью исследованных популяций коми является высокая частота варианта с числом повторов 45 (до 10,5%), почти не встречающегося в других популяциях.

Распределение частот вариантов другого маркера – D1S80 – носит сложный характер, наиболее часто встречаются варианты с числом повторов 18, 24, 28 и 31. По сравнению с предыдущим маркером различия в профилях этого маркера между этнографическими группами менее выражены, однако они имеются, причем статистически достоверны. Характерно, что варианты с числом повторов 21 и 37 встречаются с большой частотой в популяциях коми.

В случае такой сложной картины профиля частот обработка данных методами многомерной статистики значительно облегчает интерпретацию результатов. Для этого был использован метод многомерного шкалирования. В многомерный анализ был вовлечен ряд этнических групп России, детально охарактеризованных в отношении данных маркеров ДНК. Взаиморасположение популяций по генетическим расстояниям Нея показано в математическом (искусственном) двумерном пространстве (рис. 3, 4). В случае маркера D1S80 (рис. 3) народы алтайской языковой семьи (башкиры, калмыки, якуты) расположены в правой части графика. Восточные славяне – русские, украинцы и белорусы – находятся слева. Оказалось, что группа ижемских коми расположена отдельно от других этнических групп. Группа прилузских коми обособлена, но размещена ближе к популяциям восточных славян.

При анализе маркера другого гена (аполипопротеина В) ижемские коми проявляют еще большую обособленность от других народов, а прилузские коми в данном случае обнаруживают еще более тесную взаимосвязь с восточными славянами (рис. 4). Нужно отметить, что аполипопротеин В вовлечен в жировой обмен веществ в организме человека. Подобная картина значительной дифференцировки ижемских коми может наблюдаться благодаря долговременному воздействию факторов внешней среды, таких как характер питания и адаптация к климатическим факторам. Однако для достоверного ответа на этот вопрос необходимо провести анализ большего числа маркеров ДНК в большем количестве родственных популяций.

Таким образом, по трем из четырех изученных генов выявлены значительные различия между ижемскими и прилузскими коми. Это может указывать на специфические особенности их этногенеза, происходившего в условиях адаптации к различным факторам внешней среды.

Литература и источники

1. Sjalander A, Birgander R, Kivela A, Beckman G. p53 polymorphisms and haplotypes in different ethnic groups // Human Heredity, 1995. 45(3): 144-149.
2. Takezaki N, Nei M. Genetic distances and reconstruction of phylogenetic trees from microsatellite DNA. Genetics, 1996. 144(1): 389-399.
3. Khrunin A.V., Tarskaia L.A., Spitsyn V.A., Lylova O.I., Bebyakova N.A., Mikulich A.I., Limborska S.A. p53 polymorphisms in Russia and Belarus: correlation of 2-1-1 haplotype frequency with longitude // Molecular Genetics and Genomics, 2005. 272: (6), 666-672.
4. Вербенко Д.А., Балановский О.П., Балановская Е.В., Погода Т.В., Микулич А.И., Лившиц Л.А., Кравченко С.А., Бец Л.В., Степанова А.В., Джабраилов Р.В., Бебякова Н.А., Лимборская С.А. Геногеография и полиморфизм минисателлитных ДНК-маркеров D1S80 (pMCT118) и ApoB у восточных славян // Вопросы антропологии, 2003. № 91. С. 200-201.
5. Verbenko D.A., Pogoda T.V., Spitsyn V.A., Bets L.V., Pocheshkhova E.A., Balanovskaya E.V., Bebyakova N.A., Ivanov V.P., Abolmasov N.N., Tarskaia L.A., Sorensen M.V., Limborska S.A. Apolipoprotein B 3'-VNTR polymorphism in Eastern European populations // European Journal of Human Genetics, 2003. 11: (6), 444-451.
6. Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 261 с.

Публикации документов

Т. Д. Вокуева

**Книга переписная государственных черносошных
крестьян и канцелярских служащих Ижемской
и Усть-Целемской слободок Пустозерского уезда
Архангельской губернии 1719–1724 годов**

«26 ноября 1718 года Петр Великий издал указ, которым предписывалось «взять сказки у всех (дать на год сроку), чтобы правдивые принесли сколько у кого в которой деревне душ мужеского пола ...». Составленные подобным образом списки («сказки») были собраны лишь через три года, а затем в течение следующих трех лет были подвергнуты проверке – «ревизии». С тех пор учеты населения в России стали называться «ревизиями» [1]. Всего до отмены крепостного права проведено десять ревизий: 1-я – 1719 г., 2-я – 1744–1745 гг., 3-я – 1763 г., 4-я – 1782 г., 5-я – 1795 г., 6-я – 1811 г., 7-я – 1815 г., 8-я – 1833 г., 9-я – 1850 г., 10-я – 1857 г.

«I ревизия продолжалась с 22 января 1719 г. по июль 1727 г., но перепись производилась лишь по 1 января 1722 г., а затем началась длительная проверка правильности поданных сведений, во время которой были, однако переписаны и некоторые новые, главным образом неподатные категории (ямщики, работные люди и др.)» [2]. «Основным годом I ревизии для крестьянства можно считать 1719, а для разночинцев и посадских людей – 1721 г., однако, поскольку численность дворовых людей, духовенства, разночинцев и посадского населения была сравнительно невелика, мы вправе считать основным годом I ревизии для всего населения 1719 г.» [3].

Надо учесть, что ревизская сказка не охватывает всех жителей России, так как, во-первых, категории, подлежащие переписи были установлены не сразу, во-вторых, «души» утаивались от налогов. «Законодательство по ревизским сказкам устанавливало также, какие группы населения не включались в ревизии. В ревизские души не входили духовенство, дворяне, отставные солдаты и драгуны. Однако люди духовного звания без мест и в отставке были включены в ревизию» [4].

зию. От подушной переписи по первой ревизии освобождались многие крестившиеся «иноверцы» [4].

В данном исследовании предлагается первая ревизская сказка по Ижемской и Усть-Целемской слободкам Пустозерского уезда Архангельской губернии. В настоящее время это районные центры: с.Ижма Ижемского района и с.Усть-Цильма Усть-Цилемского района Республики Коми. Документ хранится в Российском архиве древних актов (РГАДА) в составе фонда «Ландратские и ревизские сказки» (Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157), является подлинником и охватывает период с 1719 по 1724 г. Публикуется впервые.

В одном переплете «Книги переписной государственных черносошных и монастырских крестьян, канцелярских служителей» на л. 1-389 содержатся сведения первой ревизии по следующим уездам: Пустозерскому, Мезенскому и Двинскому. Текст ревизской сказки Ижемской слободки располагается на л. 12-20, Усть-Целемской слободки на л. 20-23, пронумерован так, что л. 13 по нумерации XVIII в. совпадает с л. 12 современной нумерации. Листы переписи скреплены тремя скрепами. Две расположены на правом поле листа:

«...ка – пи – та – н – Гри – го – рей – Че – р – ны – ше – в...»

«...ка – пи – та – н – Ни – ки – фо – р – Ма – тру – ни – н...».

Третья скрепа внизу листа:

«...под – кано – це – ля – ри – ст – Але – ксай – Сте – па – нов...».

На обороте скреп нет.

Текст документа публикуется по «Правилам издания исторических документов» [5]. Буквы, вышедшие из употребления заменяются современными, обозначающими тот же звук: ѿ – о, ѳ – ф и др. Выносные буквы включаются в строку без выделения и смягчаются по принципам современного правописания. В конце слов буква «Ъ» опускается. Буква «Ѣ» ставится по правилам современной орфографии. «і» в конце имени заменяется на «й»: Григорей, Афонасей. Сокращение слов «дрвни» – «деревни» и «влсти» – «волости» сохранено по тексту, так же оставлены варианты написания имен: Ефим и Евфим, Мокий и Мокей и др. Описки писцов, неразобранные слова выделены курсивом и оговариваются в тексте.

Знаки препинания расставлены по правилам современной пунктуации. После слова «дети» проставлено двоеточие, при перечислении – запятая, в конце каждой семьи – точка. После имени через тире указан возраст человека.

Текст разделен на абзацы по номерам вероятных дворов предыдущей переписи, по годам поступления сведений, по итоговым записям.

Документ на листе заключен в таблицу из двух одинаковых столбцов, каждый из которых имеет по три графы: №, название населенного пункта, лета. В первой графе «№» по Ижемской слободке значится 16 номеров, по Усть-Целемской всего шесть, видимо, они соответствуют данным из предыдущей подворной переписи 1710 г. Во второй графе записаны следующие сведения: имя, отчество, фамилия главы семьи с указанием степени родства проживающих с ним лиц мужского пола. У вновь приписанных указано место прежнего проживания или «новокрещены из самоедцов». В третьей графе указан возраст «лета», даже у самых маленьких: 3 нед(ели), или 2 ½ (года).

Литература и источники

1. Ревизские сказки Петра I. Госкомстат России 01.04.2004. Интернет-сайт Федеральная служба государственной статистики, www.gks.ru.
2. Кабузан В. М. Народнонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963. С. 118.
3. Там же.
4. Подъяпольская Е.П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей. М., 1952. С. 316.
5. Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

Ижемская слободка

(РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 12–20).

По генеральному свидетельству 722 году крестьянских 75 дворов в них мужеска полу душ по скаске 719 году.

№ 207. Аврам Исаков сын Канев – 43 (лет)*, у него братья родные: Никифор – 42, Тит – 38, Егор – 35, Тихон – 28, Тимофей – 23. У Аврама дети: Яков – 12, Аверкий – 2. У Никифора сын Алексей – 10, у Тита сын Никита – 5, у Егора сын Федосей – 1. Прокопей Васильев сын Дуркин – 48, у него дети: Андрей – 12, Иван – 1. Самсон Титов сын Истомин – 73, у него сын Василей – 28, (л. 12 об.) да племянники ево Осип Нестеров – 33, Федор Климентов – 33, у Осипа сын Данил – 9. Яков Григорьев сын Семяшкин – 43, у него дети: Федор – 11, Нестер – 4 ½. Никита Васильев сын Филипов – 33, у него дети: Яков – 2 ½, Осип – 2 мцов. Иван Никитин сын Беляев – 33, у него братья: Мартемьян – 32, Андрей – 28. Исак Алексеев сын Филиповых – 93, у него сын Филипп – 51, у него дети: Иван – 9, Панкрат – 1. Фока Аноф-

*Здесь и далее цифры возле имени означают возраст.

риевых – 53, у него дети: Трофим – 15, Софрон – 2. Федор Карпов сын Сметанин меньшей – 53, у него дети: Кирилло – 20, Никифор – 13, Меркурей – 9. Федор Карпов сын Сметанин большей – 83, у него сын Сидор – 28. Федосей Карпов сын Сметанин – 68, у него дети: Аверкий – 33, Панфил – 15, у Аверкия сын Матвей – 1. Да племянник их родной Родион Фотиков сын Борщев – 33, у него сын Иван – 1. Михайло Тимофеев сын Колугин – 63. Василей Сергеев сын Кучкасов – 53, у него дети: Иван – 20, Яким – 11, Яков – 8, Иван – 1. (л. 13) Иван Григорьев сын Б [и]биков* – 63, у него дети: Лазарь – 48, Конан – 38, Андрей – 22. У Лазаря сын Ларион – 2, у Конана сын Василей – 2 ½. У него ж племянник Иван – 19. Яков Васильев сын Конев – 58, у него брат Тихон – 53, у Якова сын Ананья – 18.

№ 97. Кирил Иванов сын Семяшкин – 49, у него братья: Меркур – 48, Дементей – 43, Никита – 38, Сысой – 28. У Кирила сын Прокопей – 8, у Меркура сын Лаврентей – 5. Федосей Федотов сын Анофриевых – 93, да племянники ево родные: Остафей – 43, Федот – 38. У Остафья дети: Дмитрей – 10, Федор – 7. Да племянники ж ево Федосеева родного умершаго брата дети: Сидор – 13, Михайло – 10. Гаврило Лукин сын Родионов – 33, у него братья: Михей – 32, Иван – 23. У Гаврила дети: Денис – 2, Прокопей – 1. У Михея дети: Иван – 2 ½, Артемон – 1 ½. Иполит Климентов сын Хозяиновых – 78, у него сын Яков – 33, у него дети: Антипа – 9, Флор – 7, Тит – 2 ½, Василей – 1 ½. У него ж племянники родные Федотовы дети: (л. 13 об.) Калина – 43, Анфиноген – 38. У Калины сын Володимер – 12. Анкидин Кондратьев сын Артеевых – 73, у него брат родной Анфиноген – 62. У Анкидина дети: Андрей – 33, Андрей же – 2. У Анфиногена дети: Матвей – 28, Михайло – 18. Филип Никитин сын Канев – 28, у него сын Иван – 1 ½. Яков Федоров сын Рочев – 48, у него брат родной Кондратей – 38. У Якова сын Петр – 23, у Петра сын Кондратей – 1. У Кондратя сын Федот – 7. У него ж Якова зять Осип Семенов сын Дубинин – 33, у него дети: Трофим – 4, Михайло – 1. Еремей Федоров сын Рочев – 45, у него дети: Киприян – 17, Илья – 10, Матвей – 1 ½. Нестер Никифоров сын Филиппов – 78, у него сын Яким – 10. Аврам Наумов сын Филипповых – 93, у него сын Кирилло – 13. Харитон Амосов сын Истомин – 33, у него сын Иван – 9. Степан Терентьев сын Кучкасов – 53, у него брат родной Феоктист – 33. У Степана сын Иван – 1. (л. 14) Федор Никитин сын Вокуев – 33, у него дети: Трофим – 21, Евстафей – 18, Андрей – 11. У Трофима дети: Иван – 3 ½, Федот – 2, Петр – 2 ндл. Терентей Авдеев сын Вакуев – 43, у него дети: Трофим – 16, Иван – 11.

*Ошибка писца. В следующей ревизии 1745 г. его дети указаны Бабиковыми.

№ 98. Сава Малафиев сын Анофриевых – 78, у него сын Матвей – 33, у него ж племянник Карп Максимов – 23, у него сын Иван – 1. Матвей Миронов сын Родионовых – 63. Федор Арефанов – 43, у него дети: Степан – 4, Пантелеймон – 1. У Матвея сын Иван – 1. Сидор Артемьев сын Филипповых – 53, у него дети: Семен – 6, Степан – 1. Матвей Вокуев – 35, у него дети: Иван – 9, Семен – 2. Иван Иванов сын Хозяиновых – 53, у него брат родной Селиверст – 53. У Ивана дети Юрье – 28, Стефан – 25, Дорофей – 24, Лазарь – 23. У Селиверста дети: Степан – 13, Иван – 11. У них же зять Терентей Артемьев сын Рочев – 48, у него дети: Алексей – 9, Кондратей – 8. Василий Игнатьев сын Витизев – 23. (л. 14 об.) Андрей Калинин сын Хозяинов – 83, у него сын Филипп – 38, у него дети: Трофим – 13, Федот – 4, Василей – 2 ½. Кондратей Архипов сын Семяшкин – 43, у него дети: Андрей – 8, Иван – 2 ½, Захар – 1 ½, Федор – 1. Никифор Тимофеев сын Филипповых – 63, у него братья: Ефим – 48, Назар – 38. Фока Федоров – 38, у него сын Иван – 7. Евсей Емельянов сын Самодуров – 73, у него дети: Трофим – 28, Карп – 23, Агафон – 21. Федор Осипов сын Артеев – 53, у него дети: Иван – 23, Тимофей – 18, Герасим – 11, Артемей – 8, Максим – 1. У Ивана сын Андрей – 2, у Тимофея сын Андрей – ½. Федот Осипов сын Артеев – 55, у него дети: Антипа – 18, Петр – 16, Исак – 11, Гаврило – 11. У Антипы сын Иван – 1. У него ж племянник Борис Козмин – 12, у него ж брат от родных Семен – 48, у него сын Алексей – 4. Прокопей Герасимов сын Чюпров – 63, у него дети: Захар – 19, Иван – 10. У него ж Прокопья племянники: Иван – 38, Нестер – 23, Евсей – 18. Бажен Авдеев сын Вокуев – 63, у него брат родной Конан – 48. У Бажена дети: Андрей – 33, (л. 15) Иван – 23. У Андрея сын Иосиф – 2 ½. У Конана сын Артемей – 21, Алексей – 2. Дементей Иванов сын Дуркин – 43, у него дети: Остафей – 18, Иван – 1.

№ 99. Федор Иванов сын Дуркин – 43, у него сын Конан – 8. У него ж брат Сергей Иванов сын Дуркин же – 42. Герасим Васильев сын Беляев – 52. Александр Антонов сын Вакуев – 73, у него брат родной Дементей – 38. У Александра дети: Антипа – 10, Иван – 2 ½. У него ж брат родной Герасим – 48. Никита Антонов сын Вукуев же – 43. У Герасима дети: Евдоким – 13, Иван – 2. У Никиты дети: Алексей – 12, Егор – 2. Василий Конанов сын Кучеев – 53, у него дети: Василей – 18, Ларион – 2. Семен Аврамов сын Терентьев – 83, у него дети: Яков – 33, Иван – 31, Сава – 29. Да племянник ево Яков Артемьев – 33, у него сын Марко – 10. Тимофей Иванов сын Канев – 63, у него братья: Феон – 52, Петр – 33, Гаврил – 28. У Тимофея дети: Василей – 29, Софрон – 12. У Василья сын Иван – 1, у Феона сын Мокей – 6, у Петра сын Семен – 2, у Гаврила сын Яков – 2 ½. (л. 15 об.) Да братья

же: Филипп – 35, Семен – 30. У Филипа дети: Козма – 5, у Семена сын Лаврентей – 12, Василей – 10, Кирилл – 1 ½. Да Петр – 73, у него сын Самсон – 18. Иван Лазарев сын Филиповых – 50, да брат же Панфил – 53, у него сын Харитон – 18. Антон Кастинтинов сын Канев – 83. Евдоким Григорьев сын Терентьев – 58, у него дети: Козма – 33, Григорей – 27, Афонасей – 9, Семен – 5. У Козмы сын Денис – 2 ½. Да племянник ево Евдокимов Егор Терентиев – 48, у него сын Анкидин – 1 ½. Петр Федоров сын Копытов – 73, у него брат Василей – 33. Никита Аксентиев сын Канев – 89, у него сын Петр – 53, Евфим – 43, Филипп – 23, Кирил – 18. Сергей Артемьев сын Филипов – 73, у него брат Гурей – 53, да племянники их родные: Ефрем – 43, Устин – 39, Иван – 33. У Сергея сын Егор – 18, у Устина сын Василей – 1. Максим Степанов сын Терентиев – 35, у него сын Иван – 2.

№ 100. Трофим Никифоров сын Пигасин – 28, у него брат Харитон – 21. Федор Еремеев сын Анофриевых – 102, (л. 16) у него сын Семен – 55. Да ево ж Семеновы племянники: Савин – 21, Борис – 18, Иван – 13. У Семена сын Леонтей – 2 ½, у Бориса сын Степан – ½. Гаврило Яковлев сын Анофриевых – 33. Евсей Конанов сын Чюпров – 38, у него брат Клементей – 36, да племянник их Федор Антонов сын Чюпров – 23. У Евсевья дети: Демитрей – 19, Данил – 15. У Климента дети: Артемей – 21, Семен – 15, Иван – 1 ½. У Дмитрея сын Яков – ½. Сидор Филипов сын Рочев – 77, у него дети: Иван – 38, Тит – 33, Василей – 31. У Ивана дети Яким – 21, Сидор – 2. У Тита дети: Терентей – 13, Сергей – 2, Алексей – 2. У Василья дети: Яков – 10, Петр – 2 ½, Федосей – 18. Тимофей Матвеев сын Кожевин – 73, у него дети: Максим – 38, Петр – 33, Григорей – 25. У Максима сын Петр – 2 ½. Иван Михайлов сын Филиповых – 73, племянники ево родные: Нефед – 43, Ипат – 33. У Ивана сын Евтифей – 23, у него сын Сидор – 3 мцов. У Нефеда дети: Леонтей – 11, Фока – 7. У Ипата сын Федор – 2. Евфим Климентов сын Филиповых – 63, брат ево от родных Козма Савин сын (л. 16 об.) Пыскарев Филиповых – 53. У Евфима сын Савва – 15, Козмы сын Василей – 10, племянник его Козмин Максим – 9. Семен Артемьев сын Филипов – 43, у него братья: Фока – 38, Павел – 33. У Фоки сын Федор – 2. Иев Зотинов Борщев – 70. Семен Федотов сын Филипов – 73, у него братья: Федор – 38, Трифан – 32. У Семена дети: Гаврил – 28, Иван – 21, Максим – 10. У Федора сын Алексей – 2 ½, Федор – 1, у Федора сын Панкрат – 2 ½, Евстафей – ½. Евсей Яковлев сын Рочев – 10, у него братья: Михайло – 2 ½, Яков – 1 ½.

№ 101. Трофим Артемьев сын Филиповых – 43, у него сын Григорей – 2 ½. Брат ево родной Максим – 33, свойственник их Харитон

Иванов сын Палкин – 62, у него дети: Осип – 18, Никита – 2 ½. Степан Иванов сын Дуркин – 23, у него братья: Антипа – 20, Фока – 13. У Степана сын Гаврил – 1. Их же родственник Антипа Михеев – 43, у него сын Евстафей – 2 ½. Василий Амосов сын Истомин – 33, у него брат Карп – 15. Касьян Карпов сын Сметанин – 41, у него дети: Дмитрий – 18, Андрей – 10, Василий – 7, Федор – 1 ½. Брат ево Касьянов Иван Сметанин – 70, у него дети: Иван – 30, Тимофей – 25, Василий – 20. У Ивана дети: Яким – 2 ½, (л. 17) Иван – 2. Осип Трифанов сын Рочев – 67, у него брат Петр – 73, брат их от родных Василий Рочев же – 31. У Ивана сын Иван же – 6, у Осипа сын Иван – 6. У нех сродственник Ларион Логинов сын Чипсанов – 53, у него племянник Иван Козмин – 15. Умершаго священника Кирила Батманова дети: Иван – 43, Осип – 38, Федор – 37, Аврам – 33. У Ивана сын Гаврил – 23. У Осипа дети: Степан – 21. У Федора дети: Емельян – 8, Иван – 1. Яков Васильев сын Чюла – 73, у него дети: Ярофей – 33, Ефтифей – 18, Богдан – 13. Кемогорец Федор Иванов сын Собакин – 75. Новокрещеной из сомоядцов Данил Иванов – 50. Итого 393 души.

По скаске 719 году причетнических.

Священника Алексея Тарасова братья родныя: Иван – 63, Кирилл – 52, у него сын Трофим – 1. У него ж священника новокрещенной самоядин Василий Тимофеев сын Ортеев – 10. Итого 4 души.

По свидетельству 721 году в той же Ижемской слободке мужеска полу душ.

№ 4. Михайло Ефимов сын Филипов – 9. Евтихей Иванов сын Дуркин – 10. Иван Трофимов сын Филипов – 3. (л. 17 об.) Иван Дмитриев сын Дуркин – 35. Григорей Агапитов сын Вокуев – 22, у него брат родной Иван – 20. Никита Климантов сын Истомин – 25, у него брат Иван – 14. Семен Миронов сын Родионов – 65. Денис Васильев сын Истомин – 6. Григорей Осипов сын Истомин – 6. Захар Еремеев сын Рочев – 7. Новокрещенныя из самоядцов. Андрей Филиппов сын Рочев – 60.

№ 12. Федосей Семенов – 40. Иван Андреев сын Артеев – 4. Роман Анфиногенов сын Артеев – 15. Фока Яковлев сын Анофреев – 4. Иван Филипов сын Канев – 3.

№ 5. Ефим Фокин сын Семяшкин – 3. Петр Обросимов сын Филипов – 27. Семен Степанов сын Филипов – 45. Архип Миронов сын Бабилов – 35, у него дети: Алексей – 7, Михайло – 3. Федор Андреев сын Филипов – 30, у него братья родныя: Иван – 29, Мирон – 22. Иван Федоров – 6. У Ивана Андреева сын Савва – 3. Антон Никитин сын Вокуев – 5. Сава Андреев сын Терентиев – 30, у него брат родной Семен – 25. Федот Максимов сын Терентиев – 5. (л. 18) Яким Иванов

сын Канев – 50, у него дети: Василей – 20, Остафей – 10. Максим Егоров сын Терентиев – 4 ½. Федор Никифоров сын Канев – 7. Иван Никитин сын Канев – 20. Ананья Иванов сын Вокуев – 18. Федор Устинов сын Филипов – 4. Иван Иванов сын Филипов же – 4. Алексей Сергеев сын Филипов – 18.

№ 6. Тимофей Петров сын Канев – 3. Борис Лазарев сын Филипов – 12. Иван Васильев сын Дуркин – 50, у него сын Конан – 4. Григорей Петров сын Копытов – 8, у него брат Герасим – 5. Петр Сергеев сын Копытин – 75. Иван Федоров сын Артеев – 4. Осип Евдокимов сын Терентиев – 27, у него брат родной Семен – 21. Петр Яковлев сын Канев – 15. Тимофей Иванов сын Бабилов – 12. Костянтин Семенов сын Терентиев – 25, у него брат Киприян – 23. Емельян Семенов сын Филипов – 6. Самсон Трифанов сын Филипов – 3. Федосей Васильев сын Рочев – 5. Осип Федотов сын Рочев – 25. Евдоким Михайлов сын Рочев – 20, у него брат родной Федор – 25. (л. 18 об.) Трофим Козмин сын Чепсанов – 9. Андрей Егоров сын Хозяинов – 7. Карп Павлов сын Артемьев – 5.

№ 7. Лука Никитин сын Семяшкин – 4, у него братья от родных Марко Меркурьев – 15, Михайло Кирилов – 3. Зотей Дементьев сын Семяшкин – 5. Иван Селиверстов сын Хозяинов – 10, у него брат родной Иван – 6. Иван Васильев сын Витязев – 5, у него брат родной Иван – 3. Федот Терентиев сын Авдеев – 16. Семен Конанов сын Авдеев – 10. Яков Герасимов сын Вокуев – 6. Петр Александров сын Вокуев – 8, у него брат Яким – 4. Иван Климанов сын Хозяинов – 75. Прокопей Васильев сын Кучеев – 8. Трифон Федоров сын Терентиев – 85, у него сын Федор – 35. У Федора дети: Тит – 15, Герасим – 8, Алексей – 5. Иван Кирилов сын Чюпров – 25, Семен Иванов сын Чюпров – 6. У него братья от родных Сава Титов – 3, Семен Васильев – 4. Степан Харитонов сын Истомин – 9. Григорей Феоктистов сын Терентиев – 3. Артемей Петров сын Кожевин – 4. Козма Михайлов сын Колугин – 8. (л. 19) Федор Федотов сын Чапсанов – 80. Емельян Нестеров сын Филипов – 15.

Новокрещенные из самоедцов. Антон Аврамов – 60, у него дети: Иван – 13, Потап – 5. Иван Осипов – 9. Итого 100 душ.

По генеральному свидетельству 722 году прописных.

№ 115. Семен Филипов сын Конев – 5.

№ 192. Тимофея Иванова сын Канева внук Алексей Васильев – 4.

№ 132. Степан Алексаев сын Терентиев – 56, у него сын Иван – 11, да племянник ево Григорей – 4, в число душ ево ж племянник Петр – 2.

Новокрещенные из самоедцов.

№ 135. Федор Васильев – 76.

№ 114. Сидора Артемьева сына Филипова Андрей Федоров – 61. Итого 8 душ.

Всего в Ыжемской (так в тексте, верно в Ижемской) слободке мужеска полу 505 душ.

Да по Его Императорского величества указу велено приписывать в число душ той же Ижемской слободки чернососных (л. 19 об.) Его Императорского величества бобыхов которые живут в Яренском уезде гостя Семена Иванова сына Панкратьева на соляном Сереговском заводе а подушные денги оные бобыли будут платить Пустоозерского острога и о том у них взяты скаски под смертным страхом аимянно в вышеписаной Ижемской слободке. Андрей Терентьев сын Истомин – 70, у него сын Афонасей – 20. Елисей Миронов сын Филипов – 39, у него племянник Петр Васильев – 5. Иван Иванов – 50, у него дети: Иван – 19, Семен – 15, Иван – 9. Ларион Антипин сын Латин – 30, у него сын Яким – 5, да брат Григорей – 22. Семен Ларионов сын Филипов – 55, у него дети: Алексей – 14, Иван – 13. Петр Антонов сын Ачков – 33. Сергей Федоров сын Репа – 60, у него дети: Гаврило – 13, Кирило – 8. Корнило Авдеев сын Харчев – 48, у него сын Иван – 13. Данило Иванов сын Пашихин – 36. (л. 20) Федор Семенов сын Лазарев – 42. Сергей Степанов сын Изминской – 17.

По присланной промемории из Яренска 724 июля 15 дня явшей из всходу Денис Артемьев сын Филипов – 00 (так в тексте). Итого 24 души.

И всего в Ыжемской слободке и с приписными 529 душ.

Во оную слободку приписано 5 душ значит под книгами ведомости .Ну.13*.

*Устьцелемская (так в тексте – Авт.) слободка
(РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 20–23)*

По генеральному свидетельству 722 году крестьянских 25 дворов в тех дворах мужеска полу душ по скаске 719 году.

№105. Сергей Васильев сын Булыгин – 45. Козма Лаврентьев сын Дуркин – 62, у него дети: Петр – 24, Антон – 13. У Петра дети: Савва – 3 ½. У него ж брат от родных Василей Филипов сын Дуркин – 64, у него сын Яков – 37, у него сын Степан – 3 ½. У него ж племянники родные Савины дети: Артемей – 27, Никифор – 17, Флор – 25. Устин

*Два знака заключенных в точки похожие на слог «Ну», вероятно, сокращенное слово «номер».

Якимов сын Дуркин – 77, у него сын Стахей – 48, (л. 20 об.) У него дети: Семен – 23, Лаврентей – 17, Савва – 6, Федот – 3, Василей – 3. Дмитрий Галактионов сын Дуркин – 58, у него дети: Максим – 17, Андрей – 14, Козма – 10, Иван – 9, Максим – 7. Умершаго священника Фомы Остафьева внучата Фотиевы дети: Иван – 20, Федот – 9, Иван другой – 12. Осип Ананьин сын Кисляков – 64, у него сын Семен – 32. Кондратей Ефремов сын Чюпров – 49, у него дети: Макар – 22, Лука – 17. Прокопей Агафонов сын Комаров – 62, у него дети: Тимофей – 27, Леонтей – 11. У Тимофея сын Карп – 2 ½. Петр Романов сын Ермолин – 37, у него брат родной Антон – 34. У Петра дети: Устин – 13, Яков – 5. Полиект Антонов сын Кисляков – 54, у него дети: Ефим – 27, Иван – 18, Федосей – 12, Софрон – 7, у Евфима сын Григорей – 2 ½. Лаврентей Антонов сын Кисляков – 50, у него брат Филип – 40. Лаврентья дети: Сава – 15, Мефод – 7. У Филипа дети: Логин – 10, Дмитрий – 5, Иван – ½. Антона Чюпрова дети: (л. 21) Трофим – 32, Иван – 27, Василей – 17, Илья – 16, Афонасей – 15, Артемей – 12. У Трофима дети: Федор – 6, Ларион – 1 ½. У Ивана дети: Тимофей – 7, Антон – 4, Трофим Терентьев сын Чипсанов – 35, у него братья родные Архип – 18, Иван – 15. Логин Фомин сын Чюпров – 52, у него брат родной Трофим – 48, у него сын Андрей – 20, у него сын Гаврило – 1 ½, Емельян Васильев сын Чюпров – 64, у него брат от родных родной Василей сын Чюпров – 24, у него брат родной Моисей – 12. У Емельяна сын Родион – 36, у него сын Петр – 4.

№ 106. Терентей Савин сын Носов – 78, у него дети: Петр – 47, Яков – 38. У Петра сын Иван – 15. У Якова дети Логин – 10, Иван – 1 ½, Сидор – 3 нед. У него ж Терентья брат родной Конан – 76, у него ж племянник родной Осип Терентьев сын Носов – 44. У Конана дети Афонасей – 36, Нестор – 34. У Осипа дети: Петр – 16, Авдей – 13, Иван – 5, Федор – 1 ½. Викул Сидоров сын Торопов – 68, у него дети: Обросим – 44, Федор – 22. (л. 21 об.) У Обросима дети: Дементей – 8, Петр – 4. У Федора сын Калистрат – 2 ½. Архип Иванов сын Торопов – 48. Афонасьевы дети Вокуевы: Мокей – 58, Пантелей – 48, Евфим – 40. У Мокея дети Григорей – 19, Иван – 18, Петр – 13. У Ефима сын Федор – 5. Павловы дети Тороповы: Федор – 64, Егор – 61, Григорей – 57. У Федора дети: Гаврило – 30, Карп – 29. У Гаврила сын Антон – 2, у Карпа сын Михайло – 1. У Егора сын Парфен – 14, у Григорья сын Трофим – 22. Полиект Иванов сын Самков – 75, у него дети: Иван – 58, Никифор – 48, Евсей – 44, Иван – 37. У большаго Ивана дети: Иван – 14, Федор – 7, Конан – 7. У Евсея дети: Иван – 8, Сергей – 5, Харитон – 10 нед. У Ивана дети: Фотий – 5, Петр – 1. Моисей Моисеев сын Поздеев – 44, у него брат родной Тимофей – 51, у него

ж брат от родных Григорей Герасимов – 54, у него дети: Василей – 34, Софрон – 22. У них же родственник Лаврентей Степанов – 42, Прокопей Архипов сын Поздеев – 39, у него сын Ефим – 4. Авдей Михайлов сын Поздеев – 82, у него брат родной Трофим – 70, у него сын Игнатей – 19. Сава Савин сын Поздеев – 62, у него племянники родные Алексеевы дети: (л. 22) Антон – 52, Авдей – 44, у него же сродник Иван Михеев сын Поздеев же – 68. У Савы дети: Петр – 26, Фома – 5. У Авдея дети: Федор – 20, Алексей – 7. У Ивана Михайлова сын Калина – 24, у Калины дети: Федор – 3, Федор же – ½. Иван Архипов сын Поздеев – 61, у него брат родной Михайло – 48. У Ивана дети: Федор – 26, Петр – 24, Дементей – 17, Иван – 2. У Михайла дети: Иван – 4, Петр – 3, Афонасей – 2. Иван Никифоров сын Тиронов – 58, у него дети: Иван – 18, Трофим – 14, Яков – 12. У него брат от родных Сава Максимов сын Тиронов* же – 57. Яким Иванов сын Тиронов – 62, у него сын Степан – 13. Мефод Иванов сын Осташев – 61, у него дети: Иван – 32, Козма – 15. У Ивана дети: Захар – 3, Козма – 2. У него брат от родных Михей Павлов – 65, у него дети: Перфирей – 48, Евфим – 22. У Перфирия дети: Сава – 13, Василей – 9. Гаврило Андреев сын Малошев – 98, у него дети: Климент – 58, Ермола – 38, Иван – 30. У Климента сын Степан – 11. У Ивана сын Григорей – ½. (л. 22 об.) У него же племянник Еремей Филипов – 54, у него дети: Панкрат – 15, Иван – 12. Степан Андреев сын Шишелов – 64, у него дети: Киприан – 35, Трифан – 30, Максим – 24, Козма – 20, Василей – 6. Ефрем Васильев сын Поздеев – 59, у него братья родные: Петр – 50, Никон – 41. У Ефрема дети Данило – 7, Степан – 1 ½. У Петра сын Иван – 6. Дементей Сидоров сын Осташев – 34, у него дети: Степан – 9, Егор – 5, Федор – 1.

Да при той же Устьцелемской слободке обретаетца приезжих людей: кевролец** Сава Семенов сын Пастухов 20, с Пинеги из *Нюгчи* (так в тексте, верно «из Нюхчи») Филип Климантов сын Патракеевых – 25, мезенец *Устьяжской* (так в тексте, верно «Устьяшской») влсти Емельян Филипов – 18, ваченин с Кебы Михайло

*«Таросов» – сверху исправлено светлыми чернилами на «Тиранов».

** Здесь и далее названия населенных пунктов сверены с источниками: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Т. I. Архангельская губерния. СПб., 1861.; Писцовые книги Русского Севера (Сер.: «Каталог писцовых книг Русского государства. Документы земельного кадастра и землеустройства XVI–XVII вв. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ». Вып. 1) / Сост. Н.П. Воскобойникова. М., 2000.

Федоров – 20, мезенец с Русомы Матвей Афонасев – 12, с Мезени ж с Чючепалы Аврам Борисов – 13, пенезанин Петр Иванов – 30, с *Ужмы* (так в тексте, вероятно «с Ижмы») Гаврило Матвеев – 25, ваченин Кебской дрвни Максим Федоров – 25, Пучемской дрвни Гаврил Филиппов – 18, мезенцы в Белоощенской (так в тексте, вероятно «Белоощельской») дрвни Иван Яковлев сын Мяндиных – 68, у него дети: Захар – 43, Евтихей – 33, у Захара сын Архип – 4. Итого 213 душ.

По свидетельству 721 году.

№ 9. Тимофей Галактионов сын Дуркин – 54. Михайло Федоров сын Бабенев – 20. (л. 23) Федосей Григорьев сын Герасимов – 15. Сава Артемьев сын Рочев – 35, у него сын Авраам – 4. Тимофей Никифоров сын Пашев – 49, у него сын Анофрей – 10, Сава Семенов сын Соколев – 22.

№ 26. Новокрещенные из самоедцов: Логиновы дети Чюпровы: Мокей – 13, Федор – 4. Захар Гаврилов сын Торопов – 10. Итого 11 душ.

По генеральному свидетельству 722 году являющиеся из бегов

№ 102. Козма Андреев сын Филипов – 40, у него сын Михайло – 6. Новокрещено из самоедцов в число душ:

№ 95. Трофима Антонова сын Чюпрова Федор Тимофеев сын *Кожгвин* (возможно описка писца, верно «Кожевин») – 20.

Являющиеся извсходу (так в тексте), с Мезени марта 30 дня 723 году: Федор Михеев сын Поздеев – 52, у него сын Фрол – 8. Итого 5 душ.

Всего в Устьцелемской слободке 229 душ.

Во оная слободку приписано 3 души значит под книгами ведомости .Ну. 21. (Запись сделана, видимо, позднее, другими чернилами и почерком).

Научное наследие

Э. А. Савельева

Любомир Николаевич Жеребцов

В 2005 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Л.Н.Жеребцова, одного из основоположников коми этнографии, посвятившего всю свою жизнь изучению истории и культуры народа коми.

Л.Н.Жеребцов родился 15 октября 1925 г. в Усть-Сысольске. Детство и юность выпали на военное и послевоенное лихолетье. Ему пришлось пройти очень тяжелые испытания в жизни, которые, возможно, сформировали его характер. Он был очень мудрым, доброжелательным человеком, ровным в отношениях с коллегами и учениками, философски относящимся к разным жизненным перипетиям, никогда не теряющим чувство юмора, умеющим прощать людские слабости. Я думаю, что он прожил счастливую, хотя и очень короткую жизнь – всего 65 лет. Любомир Николаевич состоялся как Ученый, оставивший богатое научное наследие – фундаментальные работы по этнографии коми. Он состоялся как Учитель, по праву считающийся одним из основоположников коми этнографической школы. Под его руководством в 1960–1980-е гг. сформировался коллектив профессионалов-этнографов, которые развивали заложенные им основные направления коми этнографии. И, наконец, он по праву может считаться основоположником династии историков Жеребцовых. Его сын, надежда и гордость отца, Игорь Любомирович, стал известным историком, продолжающим историко-демографические исследования, начатые Любомиром Николаевичем, старшая внучка – Ирина Игоревна – закончила с золотой медалью среднюю школу, а затем исторический факультет Сыктывкарского университета, сейчас обучается в аспирантуре, вторая внучка, Надежда Игоревна, учится на историческом факультете СГУ.

Л.Н.Жеребцов был историком по призванию, с детства увлекавшийся книгами по истории. В годы учебы в Коми государственном педагогическом институте он окончательно определился со своим выбором – стать ученым. Еще обучаясь в институте, он читал лекции

для студентов. Это было признание его глубоких знаний по истории, педагогических способностей, творческих возможностей. Вполне закономерно, что после окончания института в 1948 г. он пришел в Коми филиал АН СССР и сразу зачислен на годичный подготовительный курс аспирантуры. После некоторых сомнений и раздумий и в силу сложившихся обстоятельств он избрал своей специальностью этнографию. Научным руководителем Любомира Николаевича стал крупный специалист – этнограф, доктор исторических наук, Николай Николаевич Чебоксаров, который и предложил тему диссертационного исследования – «Жилище народа коми».

В 1950-е гг. территория Коми АССР этнографически практически не была изучена, поэтому первой задачей, вставшей перед молодым исследователем, был сбор полевого материала. В июле 1950 г. он подключился к работе этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством В.Н.Белицер и собрал уникальные материалы на верхней и средней Печоре. Это была по существу первая полевая практика молодого специалиста, в процессе которой он познакомился с методикой полевых этнографических исследований. В то время В.Н. Белицер была уже опытным профессионалом и сумела многому научить начинающего этнографа. В августе 1950 г. произошла встреча Любомира Николаевича с Львом Павловичем Лашуком, который после окончания кафедры этнографии МГУ был направлен в Коми филиал АН СССР. С этого времени началось тесное творческое сотрудничество двух выдающихся ученых, продолжавшееся более 10 лет, пока Лев Павлович не уехал в Москву. С 1 октября 1950 г. Любомир Николаевич был прикомандирован к Институту этнографии АН СССР. Два года, проведенные в Москве, были очень важным периодом в его жизни. Он изучал специальную литературу, работал в архивах, а самое, может быть, главное – общался с самыми крупными в то время специалистами по этнографии. Летние месяцы использовались для сбора материалов по теме диссертации. С 1950 по 1952 г. он выезжал на верхнюю и среднюю Печору, на верхнюю Вычегду, Сысолу, Лузу, Удору, Вымь, собрав богатейшие материалы по жилищу народа коми. В рекордно короткие сроки была подготовлена кандидатская диссертация. Уже в 1952 г. она была завершена и 20 января 1953 г. защищена в Институте этнографии АН СССР.

В ноябре 1952 г. Любомир Николаевич был принят на работу в сектор языка, литературы и истории на должность младшего научного сотрудника, в 1961 г. избран на должность старшего научного сотрудника, 1 ноября 1972 г. – заведующего отделом этнографии и

археологии, а в начале 1973 г. стал заведующим сектора этнографии, которым руководил бессменно более 16 лет.

Уже на начальном этапе этнографических исследований Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым была определена стратегическая задача коми этнографии – этнографическое районирование региона. Они проводили совместные полевые исследования, обследовав практически все этнографические группы коми. На основе этих исследований были защищены кандидатские диссертации, а затем (значительно позднее) опубликованы монографии: Л.П. Лашуком – по этнической истории Печорского края, Л.Н. Жеребцовым – по жилищу народа коми. Появились и совместные работы: «Старая Вишера», «Этнографический уклад населения верхней Вычегды», два совместных научных отчета по итогам экспедиционных исследований на Сысолу и в Прилузье. Кроме того, в 1954–1955 гг. Любомир Николаевич провел две длительные экспедиции на Удору, в ходе которых были собраны уникальные материалы о традиционной культуре удорских коми. Лев Павлович Лашук изучал вымских коми. На основании этих материалов была подготовлена монография объемом 18 а.л. «Вымские и удорские коми (историко-этнографические очерки)», которая, к сожалению, в этом виде не была опубликована. Любомир Николаевич свою часть монографии по удорским коми в 1959 г. подготовил к печати, но она увидела свет только в 1972 г. – «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века». По существу, это было первое монографическое исследование одной из этнографических групп коми и представляло большой научный, научно-практический, а также методологический и методический интерес. К сожалению, Льву Павловичу не удалось издать свою часть работы.

В 1960 г. Лев Павлович уезжает в Москву, и Любомир Николаевич остается единственным этнографом в Коми филиале АН СССР. Основные направления этнографических исследований были уже определены, но для этого необходимы были кадры. Начинается подбор и подготовка кадров. Надо отдать должное организаторским способностям Любомира Николаевича – за короткий период ему удалось создать творческий коллектив молодых талантливых ученых. В 1960-е гг. на работу в Коми филиал АН СССР были приглашены Л.С.Грибова и Ю.В.Гагарин, затем пришли Г.Н.Климова, Н.И.Дукарт, Г.П.Белорукова. В 1970-е гг. коллектив этнографов значительно пополнился за счет притока новых специалистов, получивших профессиональное образование в крупнейших вузах страны, в том числе центральных: Н.Д. Конаков, О.В. Котов, М.Б. Рогачев, к которым позднее присоединились выпускники СГУ – И.В.Ильина, Ю.П.Ша-

баев и др. Первейшей задачей Любомира Николаевича был подбор тем для исследований, определение перспектив исследований и научное руководство молодыми специалистами. С этими задачами Любомир Николаевич справился блестяще. Самое главное: были определены приоритетные направления этнографических исследований, которые были реализованы в серии кандидатских диссертаций и монографий (Ю.В.Гагарина, Л.С.Грибовой, Г.Н.Климовой, Н.Д.Конакова, О.В. Котова, И.В. Ильиной, Ю.П. Шабеева и др.). Все, прошедшие школу Л.Н. Жеребцова, стали признанными учеными, труды которых широко известны финно-угроведам как в России, так и за рубежом.

1960–1980-е гг. были чрезвычайно плодотворным периодом в творческой биографии ученого. Он продолжал активные полевые исследования. В 1960-е гг. стал возможен переход к стационарному изучению этнографических групп коми, а также коми диаспоры в различных регионах России. В 1961 г. экспедиционные исследования проводятся на Ижме, 1962 – на Печоре, 1963 – на верхней Вычегде, 1964 – в Коми-Пермяцком округе, 1966 – в Прилузье. Одной из слабо разработанных тем в коми этнографии оставались этнокультурные процессы, поэтому со второй половины 1960-х гг. Любомир Николаевич задумывает работу по исследованию историко-культурных связей народа коми. В 1968 г. он выезжает в Ненецкий округ, Пинежский и Лешуконский районы Архангельской области, в 1969 – в Новосибирскую и Томскую области и Алтайский край, 1970 – в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа и южные районы Томской области, 1971 – на Кольский полуостров. В процессе этих экспедиционных исследований были собраны интереснейшие данные по коми-русским, коми-ненецким, коми-угорским, коми-саамским связям, а также впервые обозначена новая проблема в этнографии коми – коми диаспора в России. Благодаря полевым исследованиям Л.Н. Жеребцова она стала активно изучаться его молодыми коллегами, которые затем обобщили результаты своих работ в научных публикациях. В 1970-е гг. Любомир Николаевич обращается еще к одной важной проблеме – формирование этнической территории народа коми. Как известно по письменным источникам, она существенно отличалась от современной, особенно в юго-западных районах обитания коми-зырян. На это указывали и данные топонимии. С 1976 г. Любомир Николаевич неоднократно выезжал в низовья Вычегды, на р. Юг, в различные районы Архангельской и Вологодской областей с целью сбора материалов по топонимике этого района, фамильному составу населения, поисков источников в мест-

ных архивах. Некоторые итоги этих исследований были опубликованы в небольшой брошюре «Расселение коми в XV–XIX вв.». Эта работа, несмотря на ее незначительный объем, представляла исключительный научный интерес, потому что в ней впервые был прослежен процесс формирования и изменения этнической территории коми на протяжении пяти столетий.

В 1970-е гг. были подготовлены и опубликованы самые крупные труды ученого. В 1971 г., наконец, увидела свет подготовленная на основе кандидатской диссертации монография «Крестьянское жилище в Коми АССР», в 1972 г. – «Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века». Трудно переоценить значение этих работ. Монография, посвященная крестьянскому жилищу, была первой и остается единственной по этой важной составляющей характеристики традиционной культуры этноса. Вторая работа является первым достаточно полным описанием одной из этнографических групп коми. Но основной работой, без ссылок на которую в настоящее время не обходится ни одно серьезное научное исследование по финно-угорской проблематике, является монография «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X – начало XX в.)», опубликованная в издательстве «Наука» в 1982 г. На ее основе была подготовлена докторская диссертация «Этнокультурные взаимоотношения в этнической истории народа коми (X – начало XX в.)», которую, к сожалению, Любомир Николаевич не успел защитить.

Он не успел подготовить и издать давно задуманную обобщающую работу «Очерки по этнографии народа коми», хотя в 1988 г. ушел с должности заведующего сектором, чтобы сосредоточиться на этой очень важной работе. Именно Любомир Николаевич должен был и мог блестяще написать ее. Но тяжелая болезнь помешала осуществлению его планов. В 1990 г. он по состоянию здоровья вынужден был уйти на пенсию, но все равно продолжал по мере своих сил и возможностей трудиться. Он планировал подготовить и издать для широкого круга читателей серию работ по всем этнографическим группам коми. Не успел. Многого не успел. Он скончался скоропостижно 17 февраля 1991 г. Ему было всего 65 лет.

* * *

В настоящем сборнике публикуются некоторые не издававшиеся ранее работы Л.Н.Жеребцова, подготовленные к печати И.Л.Жеребцовым. Ряд других непубликовавшихся трудов Л.Н.Жеребцова вошел в книгу «Дороги этнографа», изданную Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце 2005 г.

Л. Н. Жеребцов

Формирование этнической территории Коми*

Процесс формирования этнической территории – процесс длительный. Он связан с процессом сложения, формирования самого народа. У коми этот процесс длился с XV по XIX в. Предшествующие пять веков (с X по XV в.) в этнической истории коми являются временем жизни прямых предков коми – древних пермян. Однако территория их обитания почти не совпадает с современной границей этнического расселения коми. Восточным пределом обитания древних пермян был бассейн р.Сысола. Выше по р.Вычегда и по р. Печора жили тогда предки хантов и манси, называвшиеся в документах югрой и вогулами. Наиболее северными и северо-западными районами обитания пермян были бассейны рек Вашка и Пинега. Это были относительно небольшие колонии, возникшие довольно поздно: в XIII–XIV вв. До их появления северный предел расселения древних пермян проходил по бассейну р. Вымь.

Основной территорией расселения древних пермян был бассейн нижней Вычегды с притоками Сисолой, Вымью, Яренгой и Виледью. Кроме того, древние пермяне обитали в бассейне р. Юг, в частности по его притоку Лузе, по берегам некоторых северных притоков р. Летка, (например, Моломе), в верховьях р. Кама. Западная граница расселения пермян проходила по верхнему течению р. Северная Двина в районе Котласа–Устюга и по реке Юг, юго-западная – по р. Молома и по верховьям р. Кама. Пока нельзя сказать, где конкретно пролегла эта граница, в каких местах стояли крайние поселения пермян, но можно смело утверждать, что в бассейнах вышеперечисленных рек древние коми действительно жили, ибо единичные поселения их потомков сохранились в некоторых районах в течение многих последующих веков вплоть до XX в.

В XV в. мы как раз встречаем именно это расселение древних коми. С XVI в. начинается процесс постепенного сокращения территории обитания коми на западе и расширения ее в северо-восточном направлении. Причины это следующие: 1) Истощение запасов пушнины в окрестных лесах (а коми тогда платили государственные налоги именно пушниной) и необходимость поисков новых мест, богатых промысловыми угодьями; 2) Дальнейшее развитие производ-

*Работа написана в середине 1970-х гг. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива публикатора.

ственных сил, увеличение роли земледелия и вызванные этим поиски земель, пригодных для занятия земледелием и скотоводством; 3) Стремление укрыться от налогового гнета, который постоянно возрастал. С 1481 г. после переписи населения он особенно возрос; 4) Нежелание части населения принимать христианство, которое начало внедряться среди коми с XIV в.; 5) Расселение русских крестьян по берегам северных рек и смешение, слияние с ними части прежних обитателей; 6) Распад родовых связей у древних коми, который облегчит процесс переселения отдельных семейств; 7) И, наконец, вхождение Коми края в состав Русского централизованного государства.

Деятельность московских великих князей и их ставленников – пермских епископов – привела к установлению на европейском Северо-Востоке относительно мирных условий жизни, которые открыли возможность для расселения коми вверх по Вычегде, Печоре и ее притокам.

Изучение имеющихся документов позволяет раскрыть процесс этого расселения коми. К концу XIV в. происходит стабилизация западной этнической границы. Она устанавливается по р. Вычегда в районе с. Межог, по р. Луза в районе с. Спаспурб. Далее к западу на прежних землях древних пермян кое-где остались разрозненные коми поселения (например, погост Пермас и починок Пермьцкий в Никольском уезде) и небольшие группы пермского населения (например, на Пинеге и на Виледи), которые в течение последующих веков (XVII–XVIII вв.) растворились в преобладающей русской этнической среде, так что на этих землях сохранились лишь отдельные коми названия, например, на р. Яренга деревни Вильгорт, Иб, Увдор, Шорды и т.п. Фамилии, произведенные от коми слов (например, Мосюров – Мбсьюров в Яренске, Кычев в с.Сура и т.д.). Приближается к современной и южная граница, поскольку в 1586 г. верховья Камы указом царя Федора Ивановича были отделены от верхней Сысолы (Ужгинской волости) и присоединены к Перми Великой. Оставшееся в Верхоткамье древнепермское население в течение последующих веков сформировалось в отдельную этнографическую группу зюздинцев.

Одновременно основной поток переселения идет на восток вверх по Вычегде и несколько меньше на север на Ижму и Мезень. Верхняя Мезень была заселена в течение XVI в. Этническая граница на Вашке и Мезени к концу XVII в. в целом уже стабилизировалась и в последующие века заметных изменений не произошло.

Первые поселенцы на верхней Вычегде появились во II половине XV в.: выходцы с Выми обосновались на Вишере. К концу XVI в. появилось несколько поселений в районе устья Сысолы и несколько

выше по Вычегде. Но широкий поток переселенцев хлынул на верхнюю Вычегду в XVII в. К концу этого века коми появились также на верхней Печоре и на Ижме.

В течение следующего XVIII в. происходит освоение верхней и средней Печоры. Восточная этническая граница оформляется к концу XVIII в. Дольше затянулось формирование этнической границы на севере. Однако к концу XIX в. положение прояснилось и там. Суть дела в том, что ижемцы, расселившись по берегам Печоры и ее притоков, основав здесь свои постоянные поселения, как бы очертили свою этническую границу, но, став заниматься оленеводством, они вышли в тундру на территорию ненецкого расселения. Вследствие этого четкого этнического размежевания этих двух оленеводческих народов не произошло. Полоса этнической границы на севере оказалась весьма широкой и очень нечеткой. В отличие от нее этнические границы на западе и юге расселения коми выкристаллизовались очень четко. Они прошли либо между двумя соседствующими селениями по берегу одной реки или по водоразделу между двумя реками (например, между Вашкой и Пинегой), а иногда и по разным концам одного селения (например, с.Спаспурб).

На востоке границей расселения коми стали Уральские горы. Поэтому там не сложилась контактная зона коми с соседями.

Итак, какой можно сделать вывод? Этническая территория коми в ее современных границах формировалась постепенно в течение нескольких веков. Начало процесса падает на XV в., а завершение произошло в XIX в. Современные границы Коми АССР в основном соответствуют этническим. Сформировавшаяся этническая территория коми отличалась своей целостностью и этническим единством населения.

Л. Н. Жеребцов

Этнографические группы коми (зырян)*

Распад первобытнообщинного строя вызвал ослабление кровнородственных связей между людьми. Изменения в хозяйственной сфере требовали новых земель. Все это усиливало миграции населения,

* Работа написана в середине 1980-х гг. Печатается по машинописной копии из личного архива публикатора.

способствовало смешению выходцев из разных мест в возникавших соседских общинах-волостях. Этот процесс начался в XV в.

Основным источником изучения процесса формирования этнографических групп коми являются письменные документы: писцовые и переписные книги, сотные и жалованные грамоты. Очень важное значение имеют данные диалектологии, этнонимии, антропонимии и гидронимии. Ценные сведения дают археология и антропология.

Общины-волости первоначально не совпадали с этнографическими группами. Волости, как правило, были мельче. В этнографическую группу объединялось несколько общин-волостей (на Сыsole – три: две сысольские и ужгинская). Позднейшие административные волости не имели общего с волостями-общинами, так как представляли собой мелкие административные единицы в составе уезда.

В ходе формирования соседских общин происходил сложный и многогранный процесс, различный в разных районах этнической территории коми. В районах давнего освоения произошла частичная смена населения. Часть ушла на новые места. На их место пришли переселенцы из других районов, иногда весьма дальних и этнически чужих.

Для районов давнего освоения типично сохранение устойчивого ядра, вокруг которого группировались и сливались с ним пришельцы. В этих районах формирование этнографических групп происходило в XVI–XVII вв. (нижняя Вычегда, Вымь, Сысoла, Вашка, Луза). В районах позднего освоения давних опорных групп не было. Население складывалось из пришлых элементов, из переселенцев самых разных мест. Формировались эти группы в основном в XVII–XVIII вв. (верхняя Вычегда, верхняя Печора, нижняя Ижма). В давно освоенных районах население было достаточно устойчивым. В миграции в XVII в. участвовало не более 8,5% жителей, хотя по разным районам этот показатель весьма различен.

Миграции имели важное значение в процессе формирования этнографических групп. Основным источником изучения служат письменные материалы.

Для коми характерно наличие определенного фонда местных фамилий, сочетания которых различны для каждой этнографической группы. Свои фамилии характерны для отдельных погостов и даже деревень (в д.Тойма на р.Вашка – основные жители Матевы и Палевы). Причины этого лежат в самих истоках истории поселения (первопоселенцы с.Пысса в 1608 г. были братья Логин и Андрей Максимовы дети. Логиновы и Андреевы и поныне там основные фамилии).

Особо ценным в фамильном фонде является наличие типично коми фамилий, произведенных от коми слов. Таких фамилий в этнографических группах довольно много: 10-20%. Пример коми фамилий: Канев (кань – кошка), Панев (пань – ложка), Коинов (кӧин – волк), Изъюров (из юр – каменная голова), Кузькоков (кузь кок – длинная нога), Черанев (черань – паук), Дозморов (дозмӧр – глухарь), Куимов (куим – три) и т.д.

Наличие местных фамилий позволяет проследить миграции, связи между волостями и роль миграций в формировании этнографических групп.

Местная специфика (культурно-бытовая, языковая) этнографических групп складывалась под воздействием многих причин, включая и природные условия в зоне обитания. Сыграли свою роль как наличие устойчивого ядра местных жителей, так и его отсутствие, прилив разнорасовых и смешанных переселенцев, попадавших в разные регионы края в различных комбинациях, расширение экономических и культурных связей с соседними народами.

Нет полного совпадения диалектов и этнографических групп. В коми языке выявлено 10 диалектов и восемь этнографических групп. Сысольская этнографическая группа включает верхний и среднесысольский диалекты. Причиной несовпадения являются различия в исторических рамках сложения диалектов и этнографических групп.

К концу XVIII в. завершилось сложение этнографических групп коми (зырян), в составе которых были не только главные выше упоминавшиеся, но и многочисленные мелкие группы и подгруппы. В последующие века происходило постепенное сближение основных групп и слияние с ними мелких.

Разработка проблемы этнографического районирования Коми АССР показывает сохранение культурно-бытовой специфики мелких групп, выявляющихся в виде этнографических подрайонов и микрорайонов: вишерцы, локчимцы, слудские коми, верхнемезенцы и вашкинцы и т.п.

Сложение этнографических групп происходило в процессе расселения коми и формирования их этнической территории.

Л. Н. Жеребцов

Историко-культурные взаимоотношения народов

*(Тезисы доклада)**

1. Каждый народ (за очень редким исключением) живет в окружении других народов, с которыми вступает в разнообразные контакты, в том числе в экономические, культурно-бытовые, семейно-брачные и т.п. Появляются многочисленные заимствования и определенные изменения в хозяйстве, культуре и быту. Заимствования, как правило, бывают взаимными, хотя и не всегда равнозначными. Обычно народ, находящийся на более низком уровне развития, больше заимствует у своего экономически и культурно развитого соседа.

2. Взаимоkontakтам народов всегда присуще нечто общее. Например, во взаимоотношениях коми с ненцами, хантами и манси можно указать следующие общие особенности: 1) длительность, продолжительность контактов во времени (несколько веков); 2) немирное начало контактов, с течением времени заменившееся устойчивыми мирными связями; 3) большее воздействие коми на данных соседей, обеспечивающееся уровнем культуры; 4) весьма широкая сфера заимствований.

3. С другой стороны, взаимодействия между отдельными народами имеют свою определенную специфику. Так, во взаимоотношениях коми с хантами и манси характерен широкий диапазон культурных заимствований, четко разделяющихся на два периода: древний (XV–XVII вв.) и новый (XIX–XX вв.) и почти полное отсутствие семейно-брачных контактов. В области духовной культуры выявляются значительная близость в дохристианских верованиях и очень малые связи в фольклоре. Во взаимосвязях коми с ненцами, при наличии также весьма широких хозяйственно-культурных заимствований, характерно широкое распространение семейно-брачных связей и возникновение этнически смешанной группы колвинцев. В области духовной культуры при отсутствии контактов в области верований выявляется сближение в фольклоре (сложение единого ижмо-колвинского эпоса).

*Работа написана в начале 1980-х гг. и представляет собой тезисы доклада на научной конференции. Публикуется по машинописной копии из личного архива публикатора.

4. Заимствования могут быть весьма разносторонними как из самых различных сторон хозяйства и культуры, так и более специализированными, более узконаправленными. Например, коми позаимствовали у ненцев оленеводство и связанные с ними элементы культуры: жилище (чум), транспорт (нарты), меховая одежда (малица) и т.п., а заимствования ненцев из культуры коми оказались гораздо более разносторонними. Заимствования, сделанные более развитыми народами у менее развитых, обычно бывает значительными, чаще более целенаправленными, более специфичными.

5. В жизни народов немалую роль играют миграционные процессы. В России в них участвовали в той или иной степени все населяющие ее народы. Миграции коми прослеживаются за все последние 500 лет. Основное их направление: на восток и юго-восток, на Урал и в Сибирь. В ходе переселений отдельные или менее значительные группы переселенцев отрываются от основного массива народа и оказываются в инонациональном окружении. Принесенные ими традиционная культура и образ жизни под влиянием соседей обычно изменяются. Группы коми, прожившие на Алтае в русском окружении немногим более ста лет, утратили большинство элементов традиционной культуры. Наиболее изменчива оказалась материальная культура (а в ней постройки). Устойчивее оказались обряды и обычаи, фольклор. Национальное самосознание и язык начали утрачиваться в четвертом поколении.

6. Данный пример характерен для советской эпохи. Стимулятором процесса ассимиляции в данном конкретном случае являются сами условия советского образа жизни, подъем материального и культурного уровня, сближение народов и наций при социализме. В иных исторических условиях данный процесс надолго затягивался. Русские жители с. Усть-Вымь в результате обитания в коми окружении (в течение трех столетий) в начале XX в. были более коми, чем русские по особенностям быта и культуры, но считали они себя русскими.

7. Обычно процесс воздействия был более значительным со стороны этнического окружения на изолированную группу. Однако в определенных условиях могло иметь место и обратное явление. Небольшое русское население посессионных Казимских заводов более полутора столетий (XVIII–XIX вв.), обитавшее в окружении коми, не потеряло ни своего языка, ни культурно-бытовой специфики и, наоборот, оказывало определенное воздействие на свое окружение: коми семьи, поселившиеся в заводских поселках, уже во втором поколении начинали причислять себя к русским.

8. Изучение миграционных процессов и историко-культурных взаимоотношений народов позволяет выявить общие закономерности и специфические особенности их проявления и дать ценный материал к проблеме этногенеза.

Л. Н. Жеребцов

Этнографическое районирование Коми*

Широко расселился по европейскому Северо-Востоку народ коми, поэтому условия обитания отдельных его групп весьма различны. Климатические зоны оказали определенное влияние на развитие отраслей крестьянского хозяйства, сказались, хотя и косвенно, на сложении специфики культуры и быта. Богата и разнообразна традиционная культура народа коми. Разнообразие хозяйства, культуры и быта, изученное и выявленное за 20 лет исследований этнографами Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, позволило им выделить ряд крупных этнографических районов и несколько мелких подрайонов. Условием их выделения был учет наиболее важных и характерных черт, например, особенностей в развитии отраслей хозяйства, промыслов и ремесел, таких важнейших элементов материальной культуры, как жилище и одежда и т.д., специфики семейного и общественного быта, разнообразия народного искусства и т.п.

Для примера охарактеризуем северную группу коми, обитающую в бассейне средней Печоры. Переселились они, в основном, из бассейна Вычегды с определенной уже культурно-бытовой спецификой, но климатические условия Севера и влияние соседей – ненцев – привело к заимствованию этими коми оленеводства и связанных с ним элементов материальной культуры. Синтез прежней культуры с новыми заимствованиями, практическая необходимость изменений в области хозяйственной деятельности и ряд других причин привели к сложению новой, весьма своеобразной культуры. Произшедшие изменения коснулись всей жизни этой группы коми. Они отразились даже на их языке и духовной культуре.

*Работа написана в начале 1970-х гг. Название дано публикатором, в оригинале оно отсутствует. Печатается по машинописной копии из личного архива публикатора. Судя по тексту, он сопровождался авторской картой, оригинал которой не сохранился, и она не публикуется.

По основному месту своего обитания эти коми приняли локальное самоназвание *изъватас* (ижемцы). Основным занятием у них стало оленеводство, дополнительным – охота и рыболовство, сохранилось животноводство, но земледелие перестало играть сколько-нибудь существенную роль.

Влияние оленеводства вызвало введение в быт массу изделий из меха, возникновение двухэтажного типа жилища и т.д. Оно же явилось причиной возникновения полукочевого образа жизни, вызвало широкие брачные контакты с ненцами, а это сближение стало основой, на которой сложился уникальный эпос северных коми и специфические черты прикладного искусства.

Подобную же характеристику можно дать и по другим этнографическим районам, отраженным на карте.

Этнографическое районирование имеет значение не только само по себе как этап этнографического исследования, но прежде всего потому, что является важным составным элементом процесса изучения этногенеза народа. Районирование отвечает на ряд существенных вопросов. Оно способствует выявлению границ распространения культуры, ее составных элементов, определению контактных зон, историко-культурных связей и т.п. Карта этнографического районирования полезна не только этнографам, но и специалистам ряда смежных дисциплин (археологам, языковедам и т.д.), так как дает им наглядный сравнительный материал.

Л. Н. Жеребцов

Коми в Западной Сибири*

Первоначальное знакомство коми с Зауральем падает на начало II тыс. н.э. У нас нет точных данных, но несомненно, что в XII–XIII вв. коми уже хаживали за Камень, вступали в различные контакты с югрой (хантами и манси). Эти встречи не всегда носили мирный характер. Известны неоднократные набеги вогуличей на вычегодских и камских пермян в XIV–XV вв. Об этом имеются сведения и в вычегодско-вымской летописи: «Лета 6900 (1432 г.) пришедшу на владычный

*Работа написана в 1974 г. Опубликовано в переводе на коми язык («Комияс Сибирын») в журнале «Войвыв кодзув» (1974, № 6, с. 49-51). На русском языке не издавалась. Печатается по подписанной автором машинописной копии с авторской правкой из личного архива публикатора.

город на Устьвымь погаными вогуличи...», «тово лета (1455 г.) шли на Пермь безвернии вогуличи, Великую Пермь воевали, владыку Питерима идущие с Перми поймали и убили» и т.д.

Одной из основных забот первых пермских епископов была оборона северо-восточных границ Московского государства от набегов немирных вогулов. Коми принимали активное участие в военных походах русских князей против манси. В 1465 г. «повели князь великий Иван Скрыбе воеводе с устюжаны и вычегжаны Югорскую землю воевати, а шедшо с устюжаны хотячие люди да с ними же ходил князь Василей Вымский с вымичи и с вычегжаны», – сказано в той же летописи.

Когда в 1483 г. великий князь Иван III организовал большой поход против вогуличей, то основную силу русских войск составляли устюжане, вологжане, вымичи, сысоличы и пермяки. Этот отряд под руководством князей Федора Курбского-Черного и Салтыка-Травина в 1484 г. разбил войска мансийских и татарских князей под Пелымом. Мансийский князь Молдан попал в плен. Воеводы проникли глубоко в центр мансийских земель и дошли до р.Обь. Князь Юшман вынужден был покориться. В 1485 г. в Усть-Выми был заключен мир между мансийскими князьями (в том числе и отпущенным из плена Молданом) и вымичами и вычегодцами. В летописи написано об этом событии так: «Того же лета князи кодские Молдан с детьми, да Пыткей да Сонта да Пынзей имели мир под владычным городом под Усть-Вымь за свои земли, с князьями с вымскими с Петром да Федором с Васильевыми детьми да с владычным слугою Левашем да с сотники вычегодские земли пермскими с Сидорко Онкудинов да Алексей Казак да Кироска Устинов да Сенка Микитин на том: ни лиха не мыслити, ни силы не чинити над пермскими людие, а князю великому правити во всем, да крепость их со злата воду пили и идущие в землю свою».

Этот договор, скрепленный клятвой, был утвержден епископом Филофеем. «В результате грандиозных походов 1483 и 1500 гг., предпринятых при Иване III, югорские и полымские князьки вынуждены были признать и номинальную власть Москвы и обязались «дань давати» и не воевать подданных великого князя – вымичей и вычегодцев», – писал выдающийся советский историк С.В.Бахрушин.

Контакты пермских епископов с мансийскими князьями сохранялись длительное время. В 1586 г. ляпинский князь Лугуй, признав власть Московского князя, выговорил себе право доставлять, как и прежде, дань непосредственно в Вымскую землю, минуя русские города за Уралом. В XV–XVI вв. (до постройки г.Березова) манси

платили ясак на Выми. Это говорит и об определенной зависимости манси от Вымской земли и о довольно регулярных контактах между обоими народами.

Военные экспедиции против хантов и манси продолжались и в шестнадцатом веке, особенно после похода Ермака. И во всех активными участниками были коми. Так, в походе в 1591–1592 гг., по сведениям историка Г.Ф.Миллера, участвовали «зырянские ратные люди пермичи и вятчане и вымичи и усольцы».

Однако нельзя считать, что коми с манси и хантами находились в состоянии постоянной вражды. Наоборот, в основном эти отношения были построены на мирной основе взаимного торгового обмена. Не только коми ездили в Сибирь, но и манси бывали на территории коми. Известно, что в XVI в. кодскому князю Игичею Алачеву была пожалована в пожизненное владение волость Лена на нижней Вычегде, которая после его смерти перешла к его матери княгине Анастасии и сыну Петру. А после них в 1646 г. она передана в поместье Дмитрию Алачеву, тогда уже просто стольнику московского князя. Для того, чтобы посетить свое поместье, мансийские князья неоднократно проезжали по землям коми, как сам Игичей, так и его родичи и наследники. «И ехати бы ему водяным путем на Вымь и в нашем жалованье, а в своем поместье, побывать», – указывает царская грамота.

С этими событиями, очевидно, и можно связать отмеченные известным языковедом Б.А.Серебрянниковым мансийские топонимы в районе Яренска: Матлуг, Марголуг, Казлук, Базлуг. Он предполагает наличие в данной местности какой-то мансийской колонии. Это предположение хорошо увязывается с вышеприведенными документами о передаче Ленской волости в поместное владение Алачевых.

В том же XVI в. группы коми крестьян из волостей, попавших под власть Строгановых, вступали в союз с манси для совместной борьбы со Строгановыми. В конце XVI в. на строгановскую вотчину «на Чусовую и на Курью с вогуличами приходил разбоем и грабежом» Офонько Шешуков. Манси действовали, как сказано в документе, «сговорясь с воры, стакався с Максимовыми (Строганова) крестьяне». А фамилия вожака Шешуков очень распространена среди коми. Следовательно, можно считать, что манси и коми находили общий язык, умели договариваться о совместных действиях против угнетателей.

В XVI в. зыряне как знатоки Сибири считались лучшими проводниками русских войск, направляющихся за Урал. В наказе Бориса Годунова (1600 г.) воеводами Масальскому и Пушкину прямо указы-

валось выбрать из зырян и жителей реки Вымь тех, кто знает Мангазейский и Енисейский морской ход. А самим им запрещалось без опытных мореходов пускаться в далекое плавание. Воеводы должны были взять в Березове «в вожи зырян торговых людей и вымич на все суды, сколько человек пригоже, которые бы мангазейский и енисейский ход знали и толмачить умели».

По мнению немецкого ученого В.Штейница, «русские узнали Обь сначала в ее северной части, в низовье. Первое известное мне (т.е. В.Штейницу) упоминание о ней в русских летописях относится к 1364 г. Несколько позже (1499) появляется имя Обдора, Обдория, в котором дор – страна, местность, несомненно, слово языка коми...»

Далее он пишет, что «следы языка коми проводников налицо во многих русских географических названиях на Севере, напоминающих не о местных языках, хантыйском и мансийском, а коми. Сюда относятся: а) многочисленные названия на – кар (коми кар – город); многие гидронимы на -ва (коми ва – «вода – река»); в) местные названия на -дин – «устье». В качестве примера он приводит следующие топонимы: Вежакар (священный город), Шеркар (средний город), Искар (каменный город), Кельчикар (сорожий (рыба сорога) город), Уркар (беличий город), Сускар (кедровый город), Шурышкар (озерный город), Войкар (ночной город) и другие.

Упомянутые в документах XVII в. городки Войкар и Уркар играли крупную роль в торговле с ненцами, хантами и манси. Войкар представлял собой небольшую крепость – 90 сажень окружностью, защищенную валом пятисаженной высоты.

Изучение западно-сибирских топонимов было в последующие годы продолжено Е.И.Овчинниковой. Она указывает, что «формы коми-зырянских топонимов в структурно семантическом плане ничем не отличаются от современных коми-зырянских топонимов на территории Коми АССР». На основе своего изучения автор сделала очень интересный вывод, что «нанесенные на карту коми-зырянские топонимы на территории Западной Сибири не составляют плотного и однородного ареала, повсюду они вкраплены в топонимику других насельников Сибири. Но они и многочисленные Зырянки и Зырянки дают яркое представление о путях проникновения и передвижения зырян в Западной Сибири».

Точных данных о начале переселения коми на север Западной Сибири у нас пока нет, но можно считать, что уже с XVI в. значительные группы коми начали оседать в Зауралье.

Многие коми записывались в служилые казаки и приняли активное участие в освоении и присоединении Сибири к России. Отряд за

отрядом углублялись в таежные дебри Сибири отважные землепроходцы, смело выходили в море на маленьких кораблях-кочах открывать новые земли. С Оби они перебрались на Енисей, с Енисея на Лену. Шли все дальше и дальше на восток.

В XVIII в. русские мореходы добираются и до Аляски. И всюду рядом с ними шли коми.

Несомненно, что в казачество могла попасть меньшая часть переселенцев. Остальные оседали ремесленниками в городах, ямщиками в слободах или оставались в крестьянстве. Коми основали в Западной Сибири много новых деревень, в которых они занимались сельским хозяйством и промыслами.

Вдоль государственной дороги и возле городов возникали ямские слободы. Среди ямщиков также было немало коми. Например, из Верхотурья в 1601 г. били челом царю «ямские охотники Ондрюшка Мокеев сын Зырянов и в товарищей своих место».

Активно участвовали коми в строительстве новых городов в Западной Сибири. В 1594 г. в наказе князю П.Горчакову было указано по приезде на место построить острог и город Пелым, а для этого «выкатить на рать на всю на служилые казаки по пяти бревен на человека и на пермичь и на усольцев по пятнадцати бревен или по 10 бревен как будет пригоже». Помогали коми и в строительстве других городов и острогов на землях ненцев, хантов и манси.

В XVIII в. основной поток коми переселенцев устремлялся на юг Западной Сибири. По неполным данным переписи 1720 г., охватывающим 120 населенных пунктов в юго-восточной части Западной Сибири, в 69 встречаются фамилии, типичные для коми или очень распространенные среди них: Гутов, Айкин, Паршуков, Кынев, Бараксанов, Порськоков, Сысолетин (нин), Пырников и т.д. (всего около 40), но если учесть и такие, которые встречаются и среди русских, то их будет более 120. Я имею в виду такие фамилии как Нехорошев, Сажин, Протопопов, Суров, Коновалов, Мезенцев, Немчинов, Гилев, Туголуков, Приезжаев, Баталов, Гусельников и т.д.

Более 20 названий населенных пунктов происходят от фамилий и прозвищ, характерных для коми: Зырянская, Пермитина, Гугова, Тарабукина, Ботева и т.д.

В XVIII – начале XIX в. многие коми оседали в Алтайском крае, особенно на горных заводах, построенных Демидовыми. В 18 списках приписанных к заводу крестьян и ремесленников разных специальностей в середине XVIII в. выходцев из Яренского и Усть-Сысольского уездов насчитывается 381 семья. Из них 50 – точно коми. В начале XIX в. (1801–1820 гг.) – 285 (из них коми 145). Общее количество душ

высчитать не всегда удастся, так как в списках обычно записаны только главы семей и указана их специальность. Так, например, в одном из списков перечислено 196 ремесленников 34 специальностей.

Очень интересно, что цеховые ремесленники и посадские люди – выходцы из Яренского, Сольвычегодского и Усть-Сысольского уездов, зачастую не сразу попадали на заводы. Они устраивались в других городах и лишь позднее по разным причинам оказывались на Алтае. Так, в списках встречаются посадские и цеховые из Тобольска, Енисейска, Иркутска и других мест, которые указывают, что родом они из разных деревень Коми края. Однако не редки примеры и такие, когда ремесленники завербовались на заводы прямо с прежнего места жительства.

В течение XIX – начала XX в. поток крестьянской колонизации еще усилился. Правда, они по-прежнему не редко приписывались к заводским поселкам, но занимались крестьянским хозяйством. Так, в I половине XIX в. по материалам одного только дела перебрались на Алтай сразу около 650 душ переселенцев коми. Другое дело конца XIX в. перечисляет около 100 душ крестьян коми. И таких дел в переселенческом фонде архива десятки.

Во II половине XIX – начале XX в. происходит в поисках лучшей доли также весьма значительное переселение коми-ижемцев. Первая семья обосновалась на берегу р.Ляпин в шести верстах от с.Щекурья в 1842 г. В середине XIX в. переселенцы образовали свой поселок Саранпауль.

В г. Березов первые коми семьи обосновались в 1863 г., а в с. Мужа четыре семьи появились в 1875 г. В Салехарде (Обдорске) первое коми семейство появилось в 1853 г., второе – в 1858 г. и в 1859 г. – уже четыре. В последующие годы переселение шло более ускоренными темпами.

Таким образом, в начале XX в., согласно имеющимся данным, в Мужах обитало 88 семейств ижемцев, а в Салехарде – 101 семья. Известно не только общее количество, но также и то, кто именно, в какие годы и куда переселился.

Переселение ижемцев в Зауралье встречало определенные трудности, но, несмотря на эти затруднения, коми упорно и настойчиво расселялись по Приобью. Недаром в одной из докладных губернатора прямо указывалось, что «наплыв этой народности в здешний край мы не в силах остановить даже принудительными мерами, так как это движение обуславливается экономическим неблагополучием переселенцев на Родине... С другой стороны, является положительно

необходимым присутствие в здешнем крае этого элемента, безусловно, полезного в деле культуры».

Еще более убедительно о полезности переселения коми в Зауралье написано в докладе тобольского губернатора, направленном в Сенат. Он писал: «По моему мнению, самый подходящий элемент будущих переселенцев в этом крае – соседние зауральские выходцы, условия быта которых более или менее тождественны с условиями быта в здешней местности. В настоящее время зыряне-ижемцы пока единственное связующее звено северных окраин Европы и Азии и как никто другой пригодны для выполнения этой миссии. Теснимые бедностью вследствие усложнения условий жизни на родине, зыряне, как свободные переселенцы в этот край, являются вполне подготовленными для поселения в южных местностях, так как предшествовавшая жизнь научила их бороться за существование, и таким образом [они] могут служить самыми лучшими акклиматизированными колонистами здешнего края».

Вышеприведенные авторы оказались правы. Переселение коми-ижемцев в Зауралье остановить было нельзя. Оно продолжалось и в I четверти XX в. К 1913 г. в Березовском уезде обитало около 500 ижемцев. К 1924 г. их число возросло до 959 чел., а к концу 1925 г., по относительно точным подсчетам, в Березовском районе имелось 250 хозяйств, в которых обитало 1140 жителей, в том числе в Сартынье – 46, в Саранпуле – 582, в Казыме – 34, в Няксимволе – 86, в Подгорном – 146 и в самом г. Березове – 246 чел. В с. Мужы в это время насчитывалось 1305 чел. в 215 хозяйствах, а во всем Обдорском районе – 3810 чел., что составляло 2,66% населения округа (хантов числилось 18308 чел., т.е. 9,19%).

Таким образом, изложенные материалы показывают, что коми познакомились с Зауральем и вступили в контакты с местным населением в первые века II тыс. н.э. С XVI в. коми начали переселяться и оседать вначале в северном Зауралье, а в последующие века – и в более южных районах Западной Сибири вплоть до Алтая. Во второй половине XIX в. началось энергичное переселение в Северное Зауралье коми-ижемцев.

В процессе переселения и обоснования на новых местах коми вступали в разнообразные взаимодействия с местным населением, активно участвовали в освоении Западной Сибири вместе с русским и другими народами России.

Л. Н. Жеребцов

Современное коми население Западной Сибири*

Изучение процесса сближения наций в условиях Советского государства представляет большой научный и практический интерес. Наиболее отчетливо этот процесс выявляется при изучении небольших групп определенного народа в национальной среде. Объектом нашего исследования явились группы коми (зырян и пермяков), обитающие ныне в Алтайском крае. Обследовано население сел Зырянновки и Новозырянновка. Остановимся на истории Зырянновки. Село Зырянновка сравнительно большое. Расположено оно на берегах речки Мостовой. Кругом на увалах поля. Тайга от села в 10-12 км. Поскольку речка очень извилиста, а дома идут вдоль берегов, то ни о какой регулярной планировке села говорить не приходится.

Сельсовет объединяет четыре населенных пункта. Из них два вместе: с.Зырянновка (609 чел.) и д. Мостовая (547 чел.), и два в стороне – с. Жуланиха (1012 чел.) и пос. Агафьевск (195 чел.). Всего населения в сельсовете 2356 чел. (1049 муж. и 1307 жен.). В сельсовете четыре клуба, четыре школы, два медпункта, один ветучасток, два отделения связи, две библиотеки с фондом книг 5 тыс. экземпляров, три киноустановки. Население объединено в два колхоза. В селе Зырянновка расположен колхоз «Красный партизан». Это крепкое передовое хозяйство. Основное направление в колхозе – зерновое. Урожай почти ежегодно высокий. В 1967 г. колхоз вдвое превысил план сдачи зерна государству, а в 1968 г. – даже второе. В 1969 г., поскольку из-за засухи урожай оказался значительно меньшим, колхозники, имея запасы зерна, согласились весь новый урожай (кроме посевного фонда) сдать государству, а свой заработок получить деньгами от колхозов из расчета 20 руб. за центнер. Земля в Зырянновке черноземная, урожайная. Село существует достаточно давно. Зырянновка упоминается в архивных документах с 1803 г. (Новозырянновка появилась немного позднее). Первыми жителями Зырянновки, согласно переписи 1816 г., были Черновы, Гусельниковы, Казанцевы. Сейчас

*Работа написана предположительно в 1970 г. Ее сокращенный вариант под аналогичным названием опубликован в сборнике «Тезисы III Международного конгресса финно-угроведов», Таллин, 1970. Т. 2. С.66. Публикуется по подписанной автором машинописной копии из личного архива публикатора. Сохранился еще один текст под аналогичным названием, имеющий существенные отличия, с авторской правкой.

этих фамилий в селе нет. Распространены Турубановы, Истомины, Ушаковы, Турышевы, Кармановы, Ладыгины, Каневы, Габовы, Матвеевы, Тороповы, Костины, Кузевановы, Тебеньковы, Киршины, Ивашевы, Шараповы и др. В 1935–1938 гг. по всем документам они записаны зырянами. Правда, уже тогда многие из них имели русских однофамильцев (Турубанов, Киршин, Торопов, Кузеванов, Гутов и др.).

В настоящее время, по официальным данным сельсовета, в селе нет ни зырян, ни коми, только русские. В то же время, работники сельсовета дали нам исчерпывающую характеристику каждой семьи. Им прекрасно известно, кто в деревне – русский, а кто – коми.

Коми язык в Зыряновке является живым разговорным языком. Язык у жителей Зыряновки чистый, произношение правильное, говорят они на верхнесысольском диалекте. Конечно, все тамошние коми двуязычны, свободно говорят как по-коми, так и по-русски. У представителей старшего поколения сохраняется характерный коми акцент, путают звуки «к» и «х», «ф» и «п» и т. д. По имеющимся документам, верхнесысольские коми из Койгородка, Ужги, Гривы переселились в Зыряновку сравнительно большой группой в 1870 г., ровно 100 лет назад. Позднее к ним не раз приезжали новые переселенцы. Сейчас в селе живут представители II, III, IV поколений. Из переселенцев I поколения в живых осталась одна М.Матвеева (86 лет). Приехала она в Зыряновку в 19 лет и поэтому хорошо помнит весь путь от Койгородка до Зыряновки.

Материальная культура и быт современных алтайских коми к настоящему времени почти полностью утратили прежнюю национальную специфику. Основные заимствования сделаны из русской культуры. Однако отмечается наличие отдельных заимствований в русской культуре из культуры коми (например, передача узоров на вязаных шерстяных изделиях: чулках, перчатках, варежках). В отношениях людей старшего поколения еще прослеживается определенное чувство землячества, родственной близости.

По своим постройкам село не имеет черт сходства с северной деревней. Нет там крупных построек, объединяющих под одной крышей жилой дом и двор. Как и в других местах южной Сибири, в Зыряновке небольшие высокие дома под шатровой крышей, в плане пятистенные или крестовики: кухня и две-три комнаты. Для сеней делается небольшая пристройка. Хозяйственные постройки стоят отдельно от жилья на усадьбе. Дома фасадами выходят на улицу. В кухне сохраняется русская печь, но полатей нет. Высота помещения – небольшая. В обстановке жилища каких-либо специфических черт, близких коми, также не заметно. Не сохранилось предметов старин-

ной одежды. Нам удалось найти и зарисовать несколько узорных поясов и рукавиц, изготовленных на месте по старинным образцам. Сейчас узорные рукавички снова вошли в моду, и многие женщины обучаются мастерству вязания у нескольких знающих это искусство коми старух.

Домашнее хозяйство также изменилось. Первые коми переселенцы не держали, например, гусей, уток и свиней. Теперь же у всех в личном хозяйстве они есть.

Давно ли появились первые коми на Алтае? Можно утверждать, что с одним из первых групп крестьян, переселенных уральскими заводчиками Демидовыми на Алтай для работы на горных рудниках и заводах, пришли туда и коми. В Алтайском краевом архиве в фонде Демидовских Колывано-воскресенских заводов сохранились десятки списков крестьян, насильно переселенных на заводы. Списки составлены очень тщательно. Указаны в них не только имя и фамилия самого переселенца, но и все члены его семьи и место, откуда он взят и перечислены все его специальности. Например, «г. Соли Вычегодской Лоемской волости деревни Запольской крестьянский сын Остафий Фролов (25 лет), у него жена (19 лет), сын Петр и дочь, [специалист] по рукавишному делу». Или «Пустозерскому острогу Ижемской слободки крестьянин Яков Черноуслов (46 лет), по плотницкому делу». Или еще: «Соли Вычегодской волости Лальской Воскресенского стану деревни Раменья Верхнего Починку крестьянин Иван Жеребцов (49 лет), по столярному делу». Эти выписки из одного списка переселенцев, составленного в 1749 г., и в котором насчитывается 246 чел. из Яренского и Сольвычегодского уездов.

Документы XVIII в. очень богаты материалами о переселении коми в Западную Сибирь. Например, среди посадских г. Тобольска упоминается «г.Яренска Жешартской волости крестьянин А.Отев» среди посадских г. Енисейска – «г. Яренска Усть-Куломской волости крестьянский сын Лазарь сын Попвасев», из посадских Иркутской провинции ... «г. Соли Вычегодской Ношульской волости крестьянин Степан Вахнин» и т.д.

На Алтай и в другие районы Сибири коми попадали не только таким, так сказать, «организационным» путем. Очень много коми появилось в результате стихийного бегства крестьян в поисках лучшей доли. В проведенной по указу Петра I в 1720 г. переписи населения Сибири очень часто упоминаются «гулящие оброчные люди» – выходцы из Коми края, например, в деревне Кадошниковой «гулящий оброчный человек Савва Сысолетин» с семьей или «По сосновке в дер. Каленовой во дворе гулящий оброчный человек Артемий Сысо-

летин» с семьей, или в д. Тальменка «во дворе гуляющий оброчный человек Матвей Федоров сын Гилев» и т.д.

В переписи 1720 г. в Сибири записаны сотни коми фамилий. Я назову только некоторые, такие, которые явно и отчетливо коми: Гутов, Тарабукин, Суров, Мезенцев, Турунтаев, Выметянин, Паршуков, Кынев, Пырников, Кокчegov, Бараксанов, Вымятников, Гилев, Айкин, Бусов, Сизев, Елгин, Сысолетин, Сысоленин, Порськоков и т.д.

В этой же переписи уже многие деревни носят названия по этим же фамилиям (Тарабукина, Гугова, Першина, Елгина, Зырянская, Сурова, Пермитина и т.д.). Изучение гидро-и топонимики Западной Сибири дает очень интересные сведения. Например, в том же Алтайском крае существуют селения Зыряновка, Новозыряновка, Кытманово, Паутово, Мезенцево, Гилевское, Гутово, Старо-Тырышкинское, Завьядово и т.д., в Новосибирской области – Туруновка, Коновалово, Сизево, Тохта и т.д., в Томской области – Зырянское, Турунтаево и т.д., в Кемеровской области – Зырянка, Мальцево, Бормотово, Новогутово и т.д.

Сходство этих названий с распространенными коми фамилиями привлекает внимание и позволяет думать, что первопоселенцы, основатели этих поселений, были по происхождению коми.

Если потомки коми, переселившиеся в Сибирь в XVII–XVIII вв. к настоящему времени полностью утратили всякую память о своем нерусском происхождении и только фамилии указывают на их прежнюю национальную принадлежность (Мезенцев, Лузин, Сысолетин, Зырянов, Тырбылев, Сысолин, Паршуков, Тырышкин, Мальцев и т.д.), то потомки коми, переселившиеся на Алтай во II половине XIX – начале XX в. до сих пор сохранили свой язык, который служит не только для внутрисемейного общения, но и для межсемейного. Еще третье поколение свободно владеет своим языком. Но четвертое поколение (дети) в абсолютном большинстве коми языком уже не владеет. С четвертого поколения начинается интенсивный процесс забывания коми языка и своего нерусского происхождения. Изменяется национальное самосознание: молодое поколение уже не формально, а действительно сознает себя русским.

Совместная работа в колхозе, проживание в этом населенном пункте с людьми других национальностей, обучение на русском языке, который является основным в селе, и ряд других причин способствуют быстрому слиянию коми с окружающим русским населением. Большое распространение имеют смешанные браки. В разнонациональных семьях преобладает русский язык.

В эту поездку мы смогли посетить только два села. Но теперь

нам известно уже много других коми поселений в различных областях Сибири. Изучение сибирских коми только начинается. Планируются Коми филиалом новые экспедиционные поездки в Сибирь.

Л. Н. Жеребцов

**Отзыв на автореферат диссертации Л. С. Христолюбовой,
представленной на соискание ученой степени
кандидата исторических наук***

Тема «Семейные обряды удмуртов», избранная диссертантом для исследования, как и вообще народные обряды, давно привлекает внимание этнографов. Автор справедливо указывает на это в своем автореферате.

Исследование семейных (как и других) обрядов имеет не только научное, но и практическое значение, так как обряды необходимы людям в жизни. Однако ясно, что не всякие, не любого содержания обряды отвечают требованиям нашего времени. Очень важно иметь такие семейные обряды, которые помогли бы строительству нового общества. Создание новых обрядов требует глубокого знания старых, ясного представления того, что в старых обрядах отмирает, и что может быть сохранено и в какой-то форме введено в новый обряд.

Этнографические исследования семейных обрядов удмуртов, выполненные предшествовавшими исследователями, дали большой фактический материал. Были выявлены в них и общие черты, и местная районная специфика. Но при всей их ценности эти исследования не могли дать конкретного ответа на вопрос о степени распространения того или иного обряда в настоящее время, о частоте его исполнения, об отношении к обряду различных социальных и возрастных групп удмуртского населения. Ответом на все подобные вопросы были только личные субъективные впечатления исследования.

В рецензируемой диссертации впервые сделана попытка ответить на вышеперечисленные (и некоторые другие) вопросы. Автор диссертации называет свою работу опытом количественного анализа. Этот опыт, безусловно, заслуживает одобрения.

*Работа датирована 1 февраля 1971 г. Печатается по машинописной копии из личного архива публикатора.

В результате проведенного исследования этнографические выводы по бытованию семейных обрядов удмуртов получил ту объективную массовую базу, которая у них раньше отсутствовала.

Для работ, подобных рецензируемой, исключительно важное значение имеет подготовительный этап: разработка вопросника, расчет выработки, проведение опроса и заполнение анкет. Отличие данной диссертации состоит в том, что она построена на материале, полученном в результате тщательно подготовленного и правильно проведенного обследования.

На базе автореферата нельзя дать развернутого анализа фактического материала, заключенного в тексте диссертации. Однако знакомство с авторефератом позволяет утверждать, что рецензируемая диссертация, несомненно, насыщена фактическим материалом; автором применен новый метод изучения семейных обрядов удмуртов и получены важные и интересные выводы.

Все вышеизложенное позволяет мне считать, что диссертация «Семейные обряды удмуртов» вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации, а автор Л.С.Христолюбова заслуживает присвоения искомой степени кандидата исторических наук.

Л.Н.Жеребцов, Ю.В.Гагарин, В.В.Политов

**Отзыв на автореферат диссертации П.А.Колесникова
«Крестьянство и сельское хозяйство европейского
Севера России в XVI–XVIII вв. (К вопросу об эволюции
аграрных отношений в русском государстве)»***

Изучение аграрной истории России является одной из важнейших проблем исторической науки в нашей стране. Важность аграрного вопроса и своеобразие его решения в России неоднократно отмечались в трудах В.И.Ленина. Аграрная история России нашла отражение в многочисленных исследованиях. Не обойдена вниманием и аграрная история феодальной России. Автор рецензируемого автореферата в своем историографическом очерке дает основательный анализ имеющихся по данному вопросу исследований.

*Работа датирована 22 мая 1972 г. Печатается по машинописной копии с заверенными печатью подписями авторов из личного архива публикатора.

Особенностью рецензируемой работы является то, что автор поставил задачу «изучить историю крестьянства и сельского хозяйства, генезис некоторых компонентов аграрных отношений в эпоху позднего феодализма» на территории Поморья, одного из важнейших в тот период сельскохозяйственных районов России. Выделение Поморья в район исследования вполне закономерно. Действительно, данная территория представляет собой определенное единство в силу географических и исторических причин.

Подобные исследования следует приветствовать, так как в отличие от изучения аграрной истории локального района или исследования отдельного узкого вопроса данная работа дает обстоятельную связную картину состояния сельского хозяйства и положения крестьянства целого региона. Такие исследования позволяют сделать более глубокие и обоснованные выводы.

Рецензируемый автореферат убеждает в том, что автором проделана исключительно большая работа по изучению и критическому осмыслению литературы, сбору и анализу архивного материала. Особо следует отметить широкое использование автором писцовых и переписных книг, дающих очень разнообразный и богатый материал по истории крестьянства.

По автореферату можно судить, насколько широк круг привлекаемых автором источников.

Автор сосредотачивает свое внимание на таких вопросах, как заселение края, хозяйственное его освоение, земельная обеспеченность крестьянства, существующие системы земледелия, уровень земледельческого хозяйства и их эволюция в эпоху позднего феодализма.

Совершенно правильно поступает автор, ограничивая свое исследование определенным кругом вопросов. Это позволяет ему более глубоко исследовать поставленные задачи и получить интересные и ценные результаты. Так, на основе анализа социально-экономического развития края автор выделил пять природно-экономических зон, подразделив некоторые из них на более мелкие районы. Это деление нам представляется вполне обоснованным.

Особый интерес для историков Коми АССР представляет глава о заселении края. Вопрос этот для нас важен своей связью с проблемой этногенеза коми, в формировании которых русский компонент сыграл пять этапов процесса заселения европейского Севера имеют прямое отношение лишь к славянской колонизации, ибо расселение коми по европейскому Северо-Востоку происходило иными темпами и периодами.

Большое значение имеет также исследованный автором вопрос об активной роли поморских переселенцев в освоении Урала и Сибири, в возведении новостроек Петра I и других событиях. Для историков Коми АССР в данном вопросе особо важна роль коми крестьянства в указанных событиях.

Весьма интересными представляются также положения автора о роли подсеки на различных этапах освоения пашенных земель Поморья, а также материалы о развитии системы земледелия и уровне земледельческого производства. Автор предлагает свою новую классификацию земель и угодий, выделяет три этапа развития производительных сил в сельском хозяйстве края, раскрывает процесс хозяйственного освоения земель Поморья, отмечает особенности этого процесса не только в целом по региону, но и по отдельным зонам и районам. Полагаем, что данные разработки имеют серьезное научно-теоретическое значение.

Раскрывая процесс усиления феодальной эксплуатации крестьянства в период позднего феодализма, автор останавливает свое внимание и на развитии классовой борьбы в Приморье. Новым в данном вопросе является разработка доказательств широкого участия черносозного крестьянства Поморья в народных движениях и, особенно, в крестьянских восстаниях 1670–1671 и 1773–1775 гг.

Проделанная автором работа убедительно показывает важную роль черносозного крестьянства Поморья в аграрной истории, в формировании «истинно русской» сущности аграрного вопроса. Знакомство с авторефератом позволяет нам высказать мысль о том, что автор своим исследованием не только вводит в научный оборот большой новый ранее неиспользованный материал по проблеме аграрной истории России, но и делает новые важные научно-теоретические выводы.

Все вышеизложенное дает нам основание считать, что автор рецензируемого автореферата заслуживает присуждения ему искомой ученой степени.

Л. Н. Жеребцов

**Отзыв на рукопись статьи П. А. Колесникова
«Историко-этнографические сведения
о северной деревне в подворных переписях XVIII в.»***

В рецензируемой статье автор использует новый весьма интересный как с этнографической, так и с исторической точки зрения материал. Собственно этнографический материал не уходит глубже середины XIX в. Тогда как для большей достоверности и глубины анализа и выводов очень важно проникнуть глубже, найти сравнительный материал в XVIII и даже XVII вв. Обнаружить такой материал нелегко. В связи с этим приобретают исключительную ценность материалы, публикуемые П. А. Колесниковым. Несомненно, историки и этнографы отныне будут широко их использовать.

В своей небольшой статье П. А. Колесников дает не только общую характеристику нового источника, но и исследует некоторые вопросы, например, вопрос об уровне грамотности местного крестьянства, о возрасте вступающих в брак, о местных мерах длины и площади, о питании крестьян и т.п. Для большей наглядности в статью включены четыре таблицы. Стремление охватить большое количество разных вопросов в одной статье объясняется, возможно, тем, что П. А. Колесников хотел подчеркнуть ширину рекомендуемого им источника.

Однако с точки зрения этнографа в статье встречаются определенные нечеткости. Так, например, характеризуя жилище, автор выделяет избу, избу с клетью, избу с горницей. Остается не ясной связь избы с клетью и горницей, что собой представляет одна изба, есть ли хозяйственные постройки и т.п. Возможно, этих сведений нет в источнике, а возможно, объем статьи не позволил автору развернуть описание. Говоря о возрасте вступающих в брак, автор пишет, что и юноши, и девушки вступали в брак в 15-25 лет. Очень важно было бы дать отдельно по полу.

Полезность публикации данной статьи сомнений не вызывает. Она дает исследователям новый ценный материал и рекомендует важный источник.

Публикация И. Л. Жеребцова

*Работа датирована 11 октября 1978 г. Печатается по машинописной копии из личного архива публикатора.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Приветственное слово участникам Всероссийской конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии»	7
Приветствие участникам Всероссийской конференции по исторической демографии	9

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, МЕТОДИКИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

11

<i>Прокопенко С.А.</i> Современные подходы в изучении демографических моделей «малой Европы» раннего нового времени	11
<i>Ковальская С.И.</i> Англо-американская историография о социально-демографической составляющей процесса модернизации	21
<i>Макаренко М.Ю.</i> Влияние кризисных факторов на формирование русских особенностей смены модели воспроизводства	31
<i>Бондаренко О.Е.</i> Население Коми края по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года: историография вопроса	37
<i>Трифопова Е.К., Федина М.С.</i> Этнодемографическая ситуация в Коми крае в работах В.И.Лыткина середины 1920-х годов ..	45
<i>Малкова Т.А.</i> Колонизационные экспедиции на территории Коми края (1900–1930-е годы)	54
<i>Пригарин А.А.</i> Социально-демографические характеристики русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века: эвристический потенциал формулярных источников	62
<i>Берестова Е.М.</i> Половозрастная структура населения Удмуртии по материалам ландратской переписи 1716 года	81
<i>Дерябин В.С.</i> Ревизская сказка Кудымкарской волости 1850 года как источник для изучения демографического развития Пермского края в середине XIX века	85
<i>Вечтомова Ю.Е.</i> Вопросы народонаселения в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии»	87
<i>Черкасова М.С.</i> Источники по исторической демографии городов Вологодского наместничества конца XVIII века	97

Черепова А.А., Ермаков С.П., Максаков В.В., Черковец М.В., Лобанова В.Н. Опыт конкретных исследований медико-демографических процессов на уровне региона	106
Черковец М.В., Лобанова В.Н. Опыт изучения региональных различий демографической ситуации в зависимости от социально-экономических факторов	112
Ермаков С.П. Когортный анализ смертности населения России.	115
Лимборская С.А. Изучение геномных маркеров в популяциях современных жителей Северной Евразии для анализа особенностей их этнической истории	121
Хрунин А.В., Вербенко Д.А. Сравнительный анализ геномных маркеров у ижемских и прилузских коми	140
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ	149
Вокуева Т.Д. Книга переписная государственных черносошных крестьян и канцелярских служащих Ижемской и Усть-Целемской слободок Пустозерского уезда Архангельской губернии 1719–1724 годов	149
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ	161
Савельева Э.А. Любомир Николаевич Жеребцов	161
Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории Коми	166
Жеребцов Л.Н. Этнографические группы коми (зырян)	168
Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения народов (тезисы доклада)	171
Жеребцов Л.Н. Этнографическое районирование Коми	173
Жеребцов Л.Н. Коми в Западной Сибири	174
Жеребцов Л.Н. Современное коми население Западной Сибири..	181
Жеребцов Л.Н. Отзыв на автореферат диссертации Л.С.Христоролюбовой,представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук	185
Жеребцов Л.Н., Газарин Ю.В., Политов В.В. Отзыв на автореферат диссертации П.А.Колесникова «Крестьянство и сельское хозяйство европейского Севера России в XVI–XVIII вв. (К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве)»	186
Жеребцов Л.Н. Отзыв на рукопись статьи П.А.Колесникова «Историко-этнографические сведения о северной деревне в подворных переписях XVIII в.»	189

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов. Выпуск 3. Часть 1.

Научное издание.

Печатается по решению оргкомитета Всероссийской научной
конференции по исторической демографии
«Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)».

Оригинал-макет: Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 12,0. Тираж 200 экз. Заказ № 24.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36